

ШЕДЕВРЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 20-го ВЕКА

Хрестоматия

10—11

Фонд СИБИРСКИЕ
ОГНИ ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

2011

УДК 82-1
ББК 84Р7-5
Ш36

*Общегражданский литературно-образовательный проект
«ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ШКОЛЬНИКОВ»*

*Подпроект «Создание актуальных литературных хрестоматий
для внеклассного чтения»*

Координатор проекта Фонд «СИБИРСКИЕ ОГНИ»

Редакционная коллегия:

Владимир Берязев

Алексей Ивантер

Галина Климова

Марина Кудимова

Станислав Минаков

Сергей Надеев

Юрий Поляков

ШЕДЕВРЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ. Вторая половина 20-го века:
Ш36 Хрестоматия. – Москва: ОАО «Литературная газета» : Фонд
«Сибирские огни», 2011. – 344 с.
ISBN 978-5-9902954-1-4

В хрестоматии собраны лучшие стихотворения, написанные русскими поэтами во второй половине 20-го века и в первое десятилетие 21-го.

Книга предназначена для внеклассного чтения старшеклассников средних общеобразовательных школ, для студентов-филологов и педагогов-словесников, любого не равнодушного к русской поэзии читателя.

ISBN 978-5-9902954-1-4

© Составление. Предисловие.
Художественное оформление.
Фонд «Сибирские огни», 2011

Перед вами удивительная книга!

Под одной обложкой собраны лучшие стихи русских поэтов, написанные за последние 60 лет.

Академический «Словарь русского языка» определяет понятие «шедевр» как «исключительное по своим достоинствам произведение искусства».

Работая над этим учебным пособием, мы не оглядывались на роль личности поэта в литературном процессе, его популярность или безвестность. Стратегия этого издания – не антологический охват, не фиксирование истории литературы по принципу включения как можно большего количества поэтических имён, но – отбор всего лучшего, что было написано в русской поэзии за вторую половину 20-го века и первое десятилетие 21-го, отбор по принципу безусловной художественности.

Замечательный поэт Давид Самойлов сказал: «От большинства из нас, кого современники называют поэтами, остаётся не так уж много...» Вот это немного скрупулёзно и бережно помещено в одном томе.

Разница между хорошими стихами и шедеврами – не просто значительная, а принципиальная. Шедевр – это текст исключительной эмоциональной силы и высочайшего литературного мастерства, заставляющий читателя возвращаться к нему снова и снова, постепенно, без усилия, заучивающийся наизусть. Именно из таких произведений и составлена настоящая хрестоматия.

К поэзии не применима табличка «Детям до 16-ти вход воспрещён». Вход в поэзию закрыт для людей с глухим сердцем и косным мышлением, без скидок на филологическое образование и учёные степени, и открыт для читателей любого возраста с чистой душой и восприимчивым сознанием.

Наша задача – помочь вам распахнуть тяжёлые, ручной работы двери, за которыми открывается поистине царский вход в поэзию. Человек, научившийся воспринимать и любить стихи, обретает внутреннее зрение, зоркость души и иммунитет к оболванивающей «массовой культуре». Ощувив внутреннюю свободу, мы становимся успешными во всех областях человеческой деятельности, к которым нас влечёт сердце.

Эту книгу не удастся прочесть залпом, за один вечер – столь высока сконцентрированная в ней духовная энергия. Минувшие 60 лет дали русской поэзии не меньше, чем вся её предыдущая история. С убедительной силой доказывают это около 250 цитируемых стихотворений более 80-ти авторов.

Отнеситесь к этой книге с трепетом. Пусть она станет вашей спутницей на долгие годы и пребудет с вами в радостях и печалях – со школьной скамьи и до глубокой старости.

Составители

АННА АХМАТОВА

1889, Большой Фонтан близ Одессы –
1966, Домодедово, Московская область

РЕКВИЕМ

(1935-1940)

You cannot leave your mother an orphan. *Joice**

*Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, –
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.*

1961

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина, которая, конечно, никогда не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шёпотом):

– А это вы можете описать?

И я сказала:

– Могу.

---

* Ты не можешь оставить свою мать сиротой. *Джойс (англ.)*

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было её лицом.

1 апреля 1957, Ленинград

ПОСВЯЩЕНИЕ

Перед этим горем гнутся горы,
Не течёт великая река,
Но крепки тюремные затворы,
А за ними «каторжные норы»
И смертельная тоска.
Для кого-то веет ветер свежий,
Для кого-то нежится закат –
Мы не знаем, мы повсюду те же,
Слышим лишь ключей постылый скрежет
Да шаги тяжёлые солдат.
Подымались как к обедне ранней.
По столице одичалой шли,
Там встречались, мёртвых бездыханней,
Солнце ниже и Нева туманней,
А надежда всё поёт вдали.
Приговор. И сразу слёзы хлынут,
Ото всех уже отделена,
Словно с болью жизнь из сердца вынут,
Словно грубо навзничь опрокинут,
Но идёт... шатается... одна...
Где теперь невольные подруги
Двух моих осатанелых лет?
Что им чудится в сибирской вьюге,
Что мерещится им в лунном круге?
Им я шлю прощальный свой привет.

Март 1940

ВСТУПЛЕНИЕ

Это было, когда улыбался
Только мёртвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском качался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки.
Звёзды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами чёрных марусь.

I

Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла,
В тёмной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.
На губах твоих холод иконки.
Смертный пот на челе... не забыть! —
Буду я, как стрелецкие жёнки,
Под кремлёвскими башнями выть.

1935

II

Тихо льётся тихий Дон,
Жёлтый месяц входит в дом.

Входит в шапке набекрень —
Видит жёлтый месяц тень.

Эта женщина больна,
Эта женщина одна.

Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

III

Нет, это не я, это кто-то другой страдает.
Я бы так не могла, а то, что случилось,
Пусть чёрные сукна покроют,
И пусть унесут фонари.
Ночь.

IV

Показать бы тебе, насмешнице
И любимице всех друзей,
Царскосельской весёлой грешнице,
Что случится с жизнью твоей.
Как трёхсотая, с передачею,
Под Крестами будешь стоять
И своею слезою горячею
Новогодний лёд прожигать.
Там тюремный тополь качается,
И ни звука. А сколько там
Неповинных жизней кончается...

V

Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой.
Кидалась в ноги палачу,
Ты сын и ужас мой.

Всё перепуталось навек,
И мне не разобрать
Теперь, кто зверь, кто человек,
И долго ль казни ждать.
И только пыльные цветы,
И звон кадилный, и следы
Куда-то в никуда.
И прямо мне в глаза глядит
И скромной гибелью грозит
Огромная звезда.

VI

Лёгкие летят недели,
Что случилось, не пойму.
Как тебе, сынок, в тюрьму
Ночи белые глядели,

Как они опять глядят
Ястребиным жарким оком,
О твоём кресте высоком
И о смерти говорят.

1939

VII

ПРИГОВОР

И упало каменное слово
На мою ещё живую грудь.
Ничего, ведь я была готова,
Справлюсь с этим как-нибудь.

У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.
А не то... Горячий шелест лета,
Словно праздник за моим окном.
Я давно предчувствовала этот
Светлый день и опустелый дом.

1939, лето

VIII К СМЕРТИ

Ты всё равно придёшь. Зачем же не теперь?
Я жду тебя. Мне очень трудно.
Я потушила свет и открыла дверь
Тебе, такой простой и чудной.
Прими для этого какой угодно вид,
Ворвись отравленным снарядом
Иль с гирькой подкрадись, как опытный бандит,
Иль отрави тифозным чадом,
Иль сказочкой, придуманной тобой
И всем до тошноты знакомой, –
Чтоб я увидела верх шапки голубой
И бледного от страха управдома.
Мне всё равно теперь. Струится Енисей,
Звезда полярная сияет.
И синий блеск возлюбленных очей
Последний ужас застигает.

19 августа 1939, Фонтанный Дом

IX

Уже безумие крылом
Души накрыло половину,
И поит огненным вином
И манит в чёрную долину.
И поняла я, что ему
Должна я уступить победу,
Прислушиваясь к своему
Уже как бы чужому бреду.
И не позволит ничего
Оно мне унести с собою
(Как ни упрашивай его
И как ни докучай мольбою):
Ни сына страшные глаза –
Окаменелое страданье –
Ни день, когда пришла гроза,
Ни час тюремного свиданья,
Ни милую прохладу рук,
Ни лип взволнованные тени,
Ни отдалённый лёгкий звук –
Слова последних утешений.

4 мая 1940, Фонтанный Дом

X

РАСПЯТИЕ

*«Не рыдай Мене, Мати,
Во гробе зрящи».*

1

Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплавились в огне.

Отцу сказал: «Почто Меня оставил!»
А матери: «О, не рыдай Мене...»

2

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

Эпилог

1

Узнала я, как опадают лица,
Как из-под век выглядывает страх,
Как клинописи жёсткие страницы
Страдание выводит на щеках,
Как локоны из пепельных и чёрных
Серебряными делаются вдруг,
Улыбка вянет на губах покорных,
И в сухоньком смешке дрожит испуг.
И я молюсь не о себе одной,
А обо всех, кто там стоял со мною,
И в лютый холод, и в июльский зной
Под красною ослепшею стеною.

2

Опять поминальный приблизился час.
Я вижу, я слышу, я чувствую вас:
И ту, что едва до окна довели,
И ту, что родимой не топчет земли,
И ту, что красивой тряхнув головой,
Сказала: «Сюда прихожу, как домой».
Хотелось бы всех поимённо назвать,
Да отняли список, и негде узнать.

Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.
О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде,
И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомиллионный народ,
Пусть так же они поминают меня
В канун моего поминального дня.
А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,
Согласье на это даю торжество,
Но только с условием: не ставить его
Ни около моря, где я родилась
(Последняя с морем разорвана связь),
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,
А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.
Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забуть громохание чёрных марусь,
Забуть, как постылая хлопала дверь
И выла старуха, как раненый зверь.
И пусть с неподвижных и бронзовых век
Как слёзы струится подтаявший снег,
И голубь тюремный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.

Около 10 марта 1940, Фонтанный Дом

***

Осипу Мандельштаму

Я над ними склонюсь, как над чашей,
В них заветных заметок не счесть —
Окровавленной юности нашей
Это чёрная нежная весть.

Тем же воздухом, так же над бездной
Я дышала когда-то в ночи,
В той ночи и пустой и железной,
Где напрасно зови и кричи.

О, как пряно дыханье гвоздики,
Мне когда-то приснившейся там, —
Это кружатся Эвридики,
Бык Европу везёт по волнам.

Это наши проносятся тени
Над Невой, над Невой, над Невой,
Это плещет Нева о ступени,
Это пропуск в бессмертие твоей.

Это ключики от квартиры,
О которой теперь ни гугу..
Это голос таинственной лиры,
На загробном гостящей лугу.

1957

АВГУСТ

Он и праведный, и лукавый,
И всех месяцев он страшней:
В каждом августе, Боже правый,
Столько праздников и смертей.

Разрешенье вина и елея...
Спас, Успение... звёздный свод!..
Вниз уводит, как та аллея,
Где остаток зари алеет,
В беспредельный туман и лёд
Вверх, как лестница, он ведёт.

Притворялся лесом волшебным,
Но своих он лишился чар.
Был надежды «напитком целебным»
В тишине заполярных нар...

.....
А теперь! Ты, новое горе,
Душишь грудь мою, как удав...
И грохочет Чёрное море,
Изголовье моё разыскав.

1957

МУЗА

Как и жить мне с этой обузой,
А ещё называют Музой,
Говорят: «Ты с ней на лугу»,
Говорят: «Божественный лепет...»
Жёстче, чем лихорадка, оттреплет,
И опять весь год ни гугу.

1960

БОРИС ПАСТЕРНАК

1890, Москва – 1960, посёлок Переделкино под Москвой

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Как летом роем мошкара
Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.

Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На озарённый потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.

И падали два башмачка
Со стуком на пол.
И воск слезами с ночника
На платье капал.

И всё терялось в снежной мгле,
Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздыхал, как ангел, два крыла
Крестообразно.

Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

1946

ГАМЛЕТ

Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моём веку.

На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.

Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идёт другая драма,
И на этот раз меня уволь.

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, всё тонет в фарисействе.
Жизнь прожить – не поле перейти.

1946

БАБЬЕ ЛЕТО

Лист смородины груб и матерчат.
В доме хохот и стёкла звенят,
В нём шинкуют, и квасят, и перчат,
И гвоздики кладут в маринад.

Лес забрасывает, как насмешник,
Этот шум на обрывистый склон,
Где сторевший на солнце орешник
Словно жаром костра опалён.

Здесь дорога спускается в балку,
Здесь и высохших старых коряг,
И лоскутницы осени жалко,
Всё сметающей в этот овраг.

И того, что вселенная проще,
Чем иной полагает хитрец,
Что как в воду опущена роцца,
Что приходит всему свой конец.

Что глазами бессмысленно хлопать,
Когда всё пред тобой сожжено
И осенняя белая копоть
Паутиною тянет в окно.

Ход из сада в заборе проломан
И теряется в березняке.
В доме смех и хозяйственный гомон,
Тот же гомон и смех вдалеке.

1946

АВГУСТ

Как обещало, не обманывая,
Проникло солнце утром рано
Косою полосой шафрановою
От занавеси до дивана.

Оно покрыло жаркой охрою
Соседний лес, дома посёлка,
Мою постель, подушку мокрую
И край стены за книжной полкой.

Я вспомнил, по какому поводу
Слегка увлажнена подушка.
Мне снилось, что ко мне на провода
Шли по лесу вы друг за дружкой.

Вы шли толпою, врозь и парами,
Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня
Шестое августа по-старому,
Преображение Господне.

Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора,
И осень, ясная как знаменье,
К себе приковывает взоры.

И вы прошли сквозь мелкий, нищенский,
Нагой, трепещущий ольшаник
В имбирно-красный лес кладбищенский,
Горевший, как печатный пряник.

С притихшими его вершинами
Соседствовало небо важно,
И голосами петушиными
Перекликалась даль протяжно.

В лесу казённой землемершею
Стояла смерть среди погоста,
Смотря в лицо моё умершее,
Чтоб вырыть яму мне по росту.

Был всеми ощутим физически
Спокойный голос чей-то рядом.
То прежний голос мой провидческий
Звучал, не тронутый распадом:

«Прощай, лазурь Преображенская
И золото второго Спаса,
Смягчи последней лаской женскою
Мне горечь рокового часа.

Прощайте, годы безвременщины.
Простимся, бездне унижений
Бросающая вызов женщина!
Я – поле твоего сраженья.

Прощай, размах крыла расправленный,
Полёта вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство».

1953

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Недотрога, тихоня в быту,
Ты сейчас вся огонь, вся горенье,
Дай запрю я твою красоту
В тёмном тереме стихотворенья.

Посмотри, как преображена
Огневой кожурой абажура
Конура, край стены, край окна,
Наши тени и наши фигуры.

Ты с ногами сидишь на тахте,
Под себя их поджав по-турецки.
Всё равно, на свету, в темноте,
Ты всегда рассуждаешь по-детски.

Замечтавшись, ты нижешь на шнур
Горсть на платье скатившихся бусин.
Слишком грустен твой вид, чересчур
Разговор твой прямой безыскусен.

Пошло слово любовь, ты права.
Я придумаю кличку иную.
Для тебя я весь мир, все слова,
Если хочешь, переименую.
Разве хмурый твой вид передаст
Чувств твоих рудоносную залежь,
Сердца тайно светящийся пласт?
Ну так что же глаза ты печалишь?

1956

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

1894, Студенки Ковенской губернии – 1958, Йер-ле-Пальме, Франция

***

В ветвях олеандровых трель соловья.
Калитка захлопнулась с жалобным стуком.
Луна закатилась за тучи. А я
Кончаю земное хождение по мукам,

Хождение по мукам, что видел во сне –
С изгнанием, любовью к тебе и грехами.
Но я не забыл, что обещано мне
Воскреснуть. Вернуться в Россию – стихами.

1948

***

А что такое вдохновенье?
– Так... Неожиданно, слегка
Сияющее дуновенье
Божественного ветерка.

Над кипарисом в сонном парке
Взмахнёт крылами Азраил –
И Тютчев пишет без пометки:
«Оратор римский говорил...»

1958

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ

---

*1900, деревня Глотовка (позднее – Входы) Ельнинского уезда
Смоленской губернии – 1973, Москва*

ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошёл солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашёл солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат – и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя-мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол, –
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришёл...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только тёплый летний ветер
Траву могильную качал.

Вздыхнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой.

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришёл к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил – солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шёл к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

1945

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

1903, Казань – 1958, Москва

МОЖЖЕВЁЛОВЫЙ КУСТ

Я увидел во сне можжевёловый куст,
Я услышал вдали металлический хруст,
Аметистовых ягод услышал я звон,
И во сне, в тишине, мне понравился он.

Я почувал сквозь сон лёгкий запах смолы.
Отогнув невысокие эти стволы,
Я заметил во мраке древесных ветвей
Чуть живое подобье улыбки твоей.

Можжевёловый куст, можжевёловый куст,
Остывающий лепет изменчивых уст,
Лёгкий лепет, едва отдающий смолой,
Проколовший меня смертоносной иглой!

В золотых небесах за окошком моим
Облака проплывают одно за другим,
Облетевший мой садик безжизнен и пуст..
Да простит тебя Бог, можжевёловый куст!

1957

ПРОЩАНИЕ С ДРУЗЬЯМИ

В широких шляпах, длинных пиджаках,
С тетрадями своих стихотворений,
Давным-давно рассыпались вы в прах,
Как ветки облетевшие сирени.

Вы в той стране, где нет готовых форм,
Где всё разъято, смешано, разбито,
Где вместо неба – лишь могильный холм
И неподвижна лунная орбита.

Там на ином, невнятном языке
Поёт синклит беззвучных насекомых,
Там с маленьким фонариком в руке
Жук-человек приветствует знакомых.

Спокойно ль вам, товарищи мои?
Легко ли вам? И всё ли вы забыли?
Теперь вам братья – корни, муравьи,
Травинки, вздохи, столбики из пыли.

Теперь вам сёстры – цветики гвоздик,
Соски сирени, щепочки, цыплята...
И уж не в силах вспомнить вам язык
Там, наверху, оставленного брата.

Ему ещё не место в тех краях,
Где вы исчезли, лёгкие, как тени,
В широких шляпах, длинных пиджаках,
С тетрадями своих стихотворений.

1952

ЧЕРТОПОЛОХ

Принесли букет чертополоха
И на стол поставили, и вот
Предо мной пожар и суматоха
И огней багровых хоровод.
Эти звёзды с острыми концами,
Эти брызги северной зари
И гремят, и стонут бубенцами,
Фонарями вспыхнув изнутри.
Это тоже образ мирозданья.
Организм, сплетённый из лучей,
Битвы неоконченной пыланье,
Полыханье поднятых мечей.
Это башня ярости и славы,
Где к копьё приставлено копьё,
Где пучки цветов, кровавоглавы,
Прямо в сердце врезаны моё.
Снилась мне высокая темница
И решётка, чёрная, как ночь,
За решёткой – сказочная птица
Та, которой некому помочь.
Но и я живу, как видно, плохо,
Ибо я помочь не в силах ей.
И встаёт стена чертополоха
Между мной и радостью моей.
И простёрся шип клинообразный
В грудь мою, и уж в последний раз
Светит мне печальный и прекрасный
Взор её неугасимых глаз.

1956

***

Где-то в поле возле Магадана,
Посреди опасностей и бед,
В испареньях мёрзлого тумана
Шли они за розвальнями вслед.
От солдат, от их лужёных глоток,
От бандитов шайки воровской
Здесь спасали только околодок
Да наряды в город за мукой.
Вот они и шли в своих бушлатах —
Два несчастных русских старика,
Вспоминая о родимых хатах
И томясь о них издалека.
Вся душа у них перегорела
Вдалеке от близких и родных,
И усталость, сгорбившая тело,
В эту ночь снедала души их.
Жизнь над ними в образах природы
Чередой двигалась своей.
Только звёзды, символы свободы,
Не смотрели больше на людей.
Дивная мистерия вселенной
Шла в театре северных светил,
Но огонь её проникновенный
До людей уже не доходил.
Вкруг людей посвистывала вьюга,
Заметая мёрзлые пеньки.
И на них, не глядя друг на друга,
Замерзая, сели старики.
Стали кони, кончилась работа,
Смертные доделались дела...

Обняла их сладкая дремота,
В дальний край, рыдая, повела.
Не нагонит больше их охрана,
Не настигнет лагерный конвой,
Лишь одни созвездья Магадана
Засверкают, став над головой.

1956

ЭТО БЫЛО ДАВНО

Это было давно.
Исхудавший от голода, злой,
Шёл по кладбищу он
И уже выходил за ворота.
Вдруг под свежим крестом,
С невысокой могилы сырой
Заприметил его
И окликнул невидимый кто-то.

И седая крестьянка
В заношенном старом платке
Поднялась от земли,
Молчалива, печальна, сутула,
И творя поминанье,
В морщинистой тёмной руке
Две лепешки ему
И яичко, крестясь, протянула.

И как громом ударило
В душу его, и тотчас
Сотни труб закричали
И звёзды посыпались с неба.

И, смятенный и жалкий,
В сиянье страдальческих глаз,
Принял он подаянье,
Поел поминального хлеба.

Это было давно.
И теперь он, известный поэт,
Хоть не всеми любимый,
И понятый также не всеми, —
Как бы снова живёт
Обаянием прожитых лет
В этой грустной своей
И возвышенно чистой поэме.

И седая крестьянка,
Как добрая старая мать,
Обнимает его...
И, бросая перо, в кабинете
Всё он бродит один
И пытается сердцем понять
То, что могут понять
Только старые люди и дети.

1957

СОН

Жилец земли, пятидесяти лет,
Подобно всем счастливый и несчастный,
Однажды я покинул этот свет
И очутился в местности безгласной.
Там человек едва существовал
Последними остатками привычек,

Но ничего уж больше не желал
И не носил ни прозвищ он, ни кличек.
Участник удивительной игры,
Не вглядываясь в скученные лица,
Я там ложился в дымные костры
И поднимался, чтобы вновь ложиться.
Я уплывал, я странствовал вдали,
Безвольный, равнодушный, молчаливый,
И тонкий свет исчезнувшей земли
Отталкивал рукой неторопливой.
Какой-то отголосок бытия
Ещё имел я для существованья,
Но уж стремилась вся душа моя
Стать не душой, но частью мирозданья.
Там по пространству двигались ко мне
Сплетения каких-то матерьялов,
Мосты в необозримой вышине
Висели над ущельями провалов.
Я хорошо запомнил внешний вид
Всех этих тел, плывущих из пространства:
Сплетенье ферм и выпуклости плит
И дикость первобытного убранства.
Там тонкостей не видно и следа,
Искусство форм там явно не в почёте,
И не заметно тягостей труда,
Хотя весь мир в движенье и работе.
И в поведенье тамошних властей
Не видел я малейшего насилья,
И сам, лишённый воли и страстей,
Всё то, что нужно, делал без усилья.
Мне не было причины не хотеть,
Как не было желанья стремиться,

И был готов я странствовать и впредь,
Коль то могло на что-то пригодиться.
Со мной бродил какой-то мальчуган,
Болтал со мной о массе пустяковин.
И даже он, похожий на туман,
Был больше материален, чем духовен.
Мы с мальчиком на озеро пошли,
Он удочку куда-то вниз закинул
И нечто, долетевшее с земли,
Не торопясь, рукою отодвинул.

1953

ДАНИИЛ АНДРЕЕВ

1906, Берлин – 30 марта 1959, Москва

***

Ночь горька в уединённом доме.
В этот час – утихшая давно –
Плачет память. И опять в истоме
Пью воспоминанья, как вино.

Там, за городскими пустырями,
За бульваром в улице немой
Спит под газовыми фонарями
Снег любви зеленоватый мой.

Отдыхай под светом безутешным,
Спи, далёкий, невозвратный – спи.
Годы те – священны и безгрешны,
Справедливы, как звено в цепи.

Но зачем же головокруженье
Захватило сердце на краю
В долгий омрак страстного паденья,
В молодость бесславленную мою?

Как расширить то, что раньше сузил?
Как собрать разбросанное псам?
Как рассечь окаменевший узел,
Как взрастить, что выкорчевал сам?

И брожу я пленником до света
В тишине моих унылых зал...
Узел жизни – неужели это,
Что я в молодости завязал?

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ

1907, Вологда – 1982, Москва

***

Меня застрелят на границе,
Границе совести моей,
И кровь моя зальёт страницы,
Что так тревожили друзей.

Когда теряется дорога
Среди щетинящихся гор,
Друзья прощают слишком много,
Выносят мягкий приговор.

Но есть посты сторожевые
На службе собственной мечты,
Они следят сквозь вековые
Ущербы, боли и тщеты.

Когда в смятенье малодушном
Я к страшной зоне подойду,
Они прицелятся послушно,
Пока у них я на виду.

Когда войду в такую зону
Уж не моей – чужой страны,
Они поступят по закону,
Закону нашей стороны.

И чтоб короче были муки,
Чтоб умереть наверняка,
Я отдан в собственные руки,
Как в руки лучшего стрелка.

АРКАДИЙ ШТЕЙНБЕРГ

1907, Одесса – 1984, с. Юминское Калининской области

КОРОЕДЫ

В непролазной буреломной чаще
Обитает испокон веков
Грамотный народец работающий,
Гильдия типографов-жуков.

Не успела плод запретный Ева
Надкусить, как тотчас же в раю
Жук-типограф на волокнах Древа
Выгрыз надпись первую свою.

По примеру пращура, доньше
Подвиг жизни каждого жука –
Выедать изгибы сложных линий
Литер нелюдского языка

И строчить на заболони бренной
С помощью природного резца
Подлинную хронику Вселенной
От её верховья до конца.

Шестиногий Нестор неизвестный,
Скромный жесткокрылый Геродот,
Продвигаясь под корой древесной,
Летопись подобную ведёт.

Так из года в год порой весенней
Сокровенный кодекс мировой
С каждой новой сменой поколений
Новой пополняется главой.

Цепь событий в связи их причинной,
Вплоть до наименьшего звена,
На скрижалях Библии жучиной
Всеохватно запечатлена.

В этих рунах ключ к последним тайнам,
Истолковано добро и зло;
То, что людям кажется случайным,
В них закономерность обрело.

Сущность бытия, непостоянство
Мирозданья, круг явлений весь,
Вещество, и время, и пространство
Формулами выражено здесь.

Наше суесловье, всякий промах
Утлой мысли, тщетность наших дел
В хартии дотошных насекомых
Внесены в особенный раздел.

Нами не решённые задачи,
Вера, не воскреснувшая впредь,
Истины, которые незрячий
Разум наш пытается прозреть,

Перечень грядущих судеб наших,
Приговоры Страшного суда,
Судьбы звёзд – горящих и погасших –
Внесены заранее сюда.

В книге, создаваемой во мраке,
Скрыта не одна благая весть,
Но её загадочные знаки,
К сожаленью, некому прочесть, –

Нет у нас охоты и сноровки, –
За семью печатями она,
И не поддаются расшифровке
Эти нелюдские письмена.

10 сентября 1969, Грозно

ОТХОДНАЯ

Се изыде горький оцет; се смоковница
неплодная, яко непотребна, посекается;
се лоза сухая влагается в огонь.

Канон на исход души

Помирает моя
Доброхотная мачеха,
Приютившая мальчика
На заре бытия.

Позабыла родня
Одинокую, хворую,
Что была мне опорюю
И взрастила меня.

Знать, приспела пора,
Чтобы наша кормилица
Перестала бы силиться
И сошла со двора.

В предназначенный срок
Хлопотунья заранее
Начала прибирание,
Свой предсмертный урок.

Торопясь, чистоту
Навела ещё заживо,
В плошке сбою говяжьего
Уделила коту,

Содой вымыла дом,
Окна вытерла пыльные
И в обновы могильные
Обрядилась потом,

Молча взлезла на печь
И с последнею силою
На лежанку остылую
Изловчилась прилечь,

Протянув на тряпье
Руки тощие, длинные,
Словно лапы куриные
В роговой чешуе.

В доме тишь, благодать,
И не верят в спасение
Даже мухи осенние.
Знают: бабке не встать.

За окошком ветла,
Расшептавшись, качается:
Мол, старуха кончается,
Пожила – отжила.

Не скорбите, пока
Плоть противится тленная,
И земля тяжеленная
Ей да будет легка.

Киньте взгляд из окна,
Об усоншей не сетуя.
Пусть людьми неотпетая
Почивает она.

Там, над краем леска,
Словно храм семибашенный,
Серебром изукрашенный,
Вознеслись облака.

Где клубится вдали
Их громада великая,
Пролетают, курлыкая,
Трубачи-журавли.

Будто в ризах до пят,
Вея белыми платами,
Над лесами зубчатыми
Серафимы трубят.

С незакатных высот
Светопад ослепляющий,
Нестерпимо пылающий,
Весть благую несёт.

И мерцают лучи
На серебряной храмине
Алым отблеском пламени
Поминальной свечи.

1971

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ

1907, Елизаветград – 1989, Москва

ЗЕМЛЯ

За то, что на свете я жил неумело,
За то, что не кривдой служил я тебе,
За то, что имел небессмертное тело,
Я дивной твоей сопричастен судьбе.

К тебе, истомившись, потянутся руки
С такой наболевшей любовью обнять,
Я снова пойду за Великие Луки,
Чтоб снова мне крестные муки принять.

И грязь на дорогах твоих несладима,
И тощая глина твоя солона.
Слезами солдатскими будешь хранима
И вдовьей смертельною скорбью сильна.

1944

ПОРТНОЙ ИЗ ЛЬВОВА,
ПЕРЕЛИЦОВКА И ПОЧИНКА

(Октябрь, 1941)

С чемоданчиком картонным,
Ластоногий, в котелке,
По каким-то там перронам,
С гнутой тросточкой в руке,

Сумасшедший, безответный,
Бедный житель городской,
Одержимый безбилетной,
Иудейскою тоской.

Не из Лодзи, так из Львова,
Не в Казань, так на Уфу.
– Это ж казнь, даю вам слово,
Без фуфайки, на фуфу!

Колос недожатой нивы
Под сверкающим серпом.
Третьи сутки жгут архивы
В этом городе чужом.

А в вагонах – наркоматы,
Места нет живой душе,
Госпитальные халаты
И японский атташе.

Часовой стоит на страже,
Начинается пальба,
И на город чёрной пряжей
Опускается судьба.

Чудом сузилась жилетка,
Пахнет снегом и огнём,
И полна грудная клетка
Царским траурным вином.

Привкус меди, смерти, тлена
У него на языке,
Будто сам Давид из плена
К небесам воззвал в тоске.

На полу лежит в теплушке
Без подушки, без пальто
Побирушка без полушки,
Странник, беженец, никто.

Он стоит над стылой Камой.
Спит во гробе город Львов.
Страждет сын Давида, самый
Нищий из её сынов.

Ел бы хлеб, да нету соли,
Ел бы соль, да хлеба нет.
Снег растает в чистом поле.
Порастёт полынью след.

1947

***

Мне в чёрный день приснится
Высокая звезда,
Глубокая криница,
Студёная вода
И крестики сирени
В росе у самых глаз.
Но больше нет ступени –
И тени спрячут нас.

И если вышли двое
На волю из тюрьмы,
То это мы с тобою,
Одни на свете мы,
И мы уже не дети,
И разве я не прав,
Когда всего на свете
Светлее твой рукав.

Что с нами ни случится,
В мой самый чёрный день,
Мне в чёрный день приснится
Криница и сирень,
И тонкое колечко,
И твой простой наряд,
И на мосту за речкой
Колёса простучат.

На свете всё проходит,
И даже эта ночь
Проходит и уводит
Тебя из сада прочь.
И разве в нашей власти
Вернуть свою зарю?
На собственное счастье
Я как слепой смотрю.

Стучат. Кто там? – Мария. –
Отворишь дверь. – Кто там? –
Ответа нет. Живые
Не так приходят к нам,
Их поступь тяжелее,
И руки у живых
Грубее и теплее
Незримых рук твоих.

– Где ты была? – Ответа
Не слышу на вопрос.
Быть может, сон мой – это
Невнятный стук колёс
Там, на мосту, за речкой,
Где светится звезда,
И кануло колечко
В криницу навсегда.

1952

***

Мы шли босые, злые,
И, как под снег ракита,
Ложилась мать Россия
Под конские копыта.

Стояли мы у стенки,
Где холодом тянуло,
Выкатывая зенки,
Смотрели прямо в дуло.

Кто знает щучье слово,
Чтоб из земли солдата
Не подымали снова,
Убитого когда-то?

1958

ИВАНОВА ИВА

Иван до войны проходил у ручья,
Где выросла ива неведомо чья.

Не знали, зачем на ручей налегла,
А это Иванова ива была.

В своей плащ-палатке, убитый в бою,
Иван возвратился под иву свою.

Иванова ива,
Иванова ива,
Как белая лодка, плывет по ручью.

1958

ПОЭТ

Жил на свете рыцарь бедный...
А. С. Пушкин

Эту книгу мне когда-то
В коридоре Госиздата
Подарил один поэт;
Книга порвана, измята,
И в живых поэта нет.

Говорили, что в обличье
У поэта нечто птичье
И египетское есть;
Было нищее величье
И задёрганная честь.

Как боялся он пространства
Коридоров! Постоянства
Кредиторов! Он, как дар,
В диком приступе жеманства
Принимал свой гонорар.

Так елозит по экрану
С реверансами, как спьяну,
Старый клоун в котелке
И, как трезвый, прячет рану
Под жилеткой из пике.

Оперённый рифмой парной,
Кончен подвиг календарный, –
Добрый путь тебе, прощай!
Здравствуй, праздник гонорарный,
Чёрный белый каравай!

Гнутым словом забавлялся,
Птичьим клювом улыбался,
Встречных с лёту брал в зажим,
Одиночества боялся
И стихи читал чужим.

Так и надо жить поэту.
Я и сам сную по свету,
Одиночества боюсь,
В сотый раз за книгу эту
В одиночестве берусь.

Там в стихах пейзажей мало,
Только бестолочь вокзала
И театра кутерьма,
Только люди как попало,
Рынок, очередь, тюрьма.

Жизнь, должно быть, наболтала,
Наплела судьба сама.

1963

ПЕРВЫЕ СВИДАНИЯ

Свиданий наших каждое мгновенье
Мы праздновали, как Богоявление,
Одни на целом свете. Ты была
Смелей и легче птичьего крыла,
По лестнице, как головокруженье,
Через ступень сбегала и вела

Сквозь влажную сирень в свои владенья
С той стороны зеркального стекла.

Когда настала ночь, была мне милость
Дарована, алтарные врата
Отворены, и в темноте светилась
И медленно клонилась нагота,
И, просыпаясь: «Будь благословенна!» –
Я говорил и знал, что дерзновенно
Моё благословенье: ты спала,
И тронуть веки синевой вселенной
К тебе сирень тянулась со стола,
И синевую тронутые веки
Спокойны были, и рука тепла.

А в хрустале пульсировали реки,
Дымились горы, брезжили моря,
И ты держала сферу на ладони
Хрустальную, и ты спала на троне,
И – Боже правый! – ты была моя.
Ты пробудилась и преобразила
Вседневный человеческий словарь,
И речь по горло полнозвучной силой
Наполнилась, и слово *ты* раскрыло
Свой новый смысл и означало: *царь*.

На свете всё преобразилось, даже
Простые вещи – таз, кувшин, – когда
Стояла между нами, как на страже,
Слоистая и твёрдая вода.
Нас повело неведомо куда.
Пред нами расступались, как миражи,

Построенные чудом города,
Сама ложилась мята нам под ноги,
И птицам с нами было по дороге,
И рыбы подымались по реке,
И небо развернулось пред глазами...

Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке.

1962

***

Вот и лето прошло,
Словно и не бывало.
На пригреве тепло.
Только этого мало.

Всё, что сбыться могло,
Мне, как лист пятипалый,
Прямо в руки легло.
Только этого мало.

Понапрасну ни зло,
Ни добро не пропало,
Всё горело светло,
Только этого мало.

Жизнь брала под крыло,
Берегла и спасала,
Мне и вправду везло.
Только этого мало.

Листьев не обожгло,
Веток не обломало...
День промыт, как стекло,
Только этого мало.

1967

***

Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила...
«Зимний вечер».
А.С. Пушкин

Почему, скажи, сестрица,
Не из Божьего ковша,
А из нашего напиться
Захотела ты, душа?

Человеческое тело
Ненадёжное жильё,
Ты влетела слишком смело
В сердце тесное моё.

Тело может истомиться,
Яду невзначай глотнуть,
И потянешься, как птица,
От меня в обратный путь.

Но когда ты отзывалась
На призывы бытия,
Непосильной мне казалась
Ноша бедная моя, —

Может быть, и так случится,
Что, закончив перелёт,
Будешь биться, биться, биться –
И не отомкнут ворот.

Пой о том, как ты земную
Боль, и соль, и желчь пила,
Как входила в плоть живую
Смертоносная игла,

Пой, бродяжка, пой, синица,
Для которой корма нет,
Пой, как саваном ложится
Снег на яблоневый цвет,

Как возвысилась пшеница,
Да побил пшеницу град...
Пой, хоть время прекратится,
Пой, на то ты и певица,
Пой, душа, тебя простят.

1976

МАРИЯ ПЕТРОВЫХ

1908, Норский посад Ярославской губернии – 1979, Москва

***

Назначь мне свиданье
на этом свете.
Назначь мне свиданье
в двадцатом столетье.
Мне трудно дышать без твоей любви.
Вспомни меня, оглянись, позови!
Назначь мне свиданье
в том городе южном,
Где ветры гоняли
по взгорьям окружным,
Где море пленяло
волной семицветной,
Где сердце не знало
любви безответной.
Ты вспомни о первом свидании тайном,
Когда мы бродили вдвоём по окраинам,
Меж домиков тесных,
по улочкам узким,
Где нам отвечали с акцентом нерусским.
Пейзажи и впрямь были бедны и жалки,
Но вспомни, что даже на мусорной свалке
Жестянки и склянки
сверканьем алмазным,

Казалось, мечтали о чём-то прекрасном.
Тропинка всё выше кружила над бездной...
Ты помнишь ли тот поцелуй
поднебесный?..
Числа я не знаю,
но с этого дня
Ты светом и воздухом стал для меня.
Пусть годы умчатся в круженье обратном
И встретимся мы в переулке Гранатном..
Назначь мне свиданье у нас на земле,
В твоём потаённом сердечном тепле.
Друг другу навстречу
по-прежнему выйдем,
Пока ещё слышим,
Пока ещё видим,
Пока ещё дышим,
И я сквозь рыданья
Тебя заклинаю:
назначь мне свиданье!
Назначь мне свиданье,
хотя б на мгновенье,
На площади людной,
под бурей осенней,
Мне трудно дышать, я молю о спасенье...
Хотя бы в последний мой смертный час
Назначь мне свиданье у синих глаз.

1953, Дубулты

***

Ни ахматовской кротости,
Ни цветаевской ярости –
Поначалу от робости,
А позднее от старости.

Не напрасно ли прожито
Столько лет в этой местности?
Кто же всё-таки, кто же ты?
Отзовись из безвестности!..

О, как сердце отравлено
Немотой многолетней!
Что же будет оставлено
В ту минуту последнюю?

Лишь начало мелодии,
Лишь мотив обещания,
Лишь мученье бесплодия,
Лишь позор обнищания.

Лишь тростник заколышется
Тем напевом, чуть начатым...
Пусть кому-то послышится,
Как поёт он, как плачет он.

1967

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

---

*1910, хутор Загорье Смоленской губернии –
1971, посёлок Переделкино под Москвой*

***

В краю, куда их вывезли гуртом,
Где ни села вблизи, не то что города,
На севере, тайгою запертом,
Всего там было – холода и голода.
Но непременно вспоминала мать,
Чуть речь зайдёт про всё про то, что минуло,
Как не хотелось там ей помирать, –
Уж очень было кладбище немилое.
Кругом леса без края и конца –
Что видит глаз – глухие, нелюдимые.
А на погосте том – ни деревца,
Ни даже тебе прутика единого.
Так-сяк, не в ряд нарытая земля
Меж вековыми пнями да корягами,
И хоть бы где подальше от жилья,
А то – могилки сразу за бараками.
И ей, бывало, виделись во сне
Не столько дом и двор со всеми справками,
А взгорок тот в родимой стороне
С крестами под берёзами кудрявыми.

Такая то краса и благодать,
Вдали большак, дымит пыльца дорожная.
– Проснись, проснись, – рассказывала мать, –
А за стеною – кладбище таёжное...
Теперь над ней берёзы, хоть не те,
Что снились за тайгою чужедальнею.
Досталось прописаться в тесноте
На вечную квартиру коммунальную.
И не в обиде. И не всё ль равно,
Какою метой вечность сверху мечена.
А тех берёз кудрявых – их давно
На свете нету. Сниться больше нечему.

1965

ВАДИМ ШЕФНЕР

1915, Петроград, – 2002, Санкт-Петербург

НА ПЕНСИИ

Парикмахер пехотный
Пристрастился к вину.
Он не очень охотно
Вспоминает войну.

А гордиться он вправе,
И заслужен покой, –
Только боже избави
От работы такой.

Ах, острижено сколько!
Стриг он как заводной,
Не под бокс, не под польку, –
Всё под ноль да под ноль.

Он работал отлично,
Понимал, что к чему –
Но не каждый вторично
Мог явиться к нему.

Ах, пехота, пехота –
Строевой матерьял!..
На холмах, на болотах
Он клиентов терял.

Видно, полька-канадка
Не для этих ребят, —
Под землёй в плащ-палатках
Двадцать лет они спят.

...Нынче грустно мне что-то,
Ты налей мне, налей!..
Ах, пехота, пехота,
Царица полей!

1968

МИХАИЛ МАТУСОВСКИЙ

1915, Луганск – 1990, Москва

***

Целую ночь соловей нам насвистывал,
Город молчал и молчали дома...
Белой акации гроздь душистые
Ночь напролёт нас сводили с ума.

Сад весь умыт был весенними ливнями,
В тёмных оврагах стояла вода.
Боже, какими мы были наивными,
Как же мы молоды были тогда!

Годы промчались, седыми нас делая...
Где чистота этих веток живых?
Только зима и метель эта белая
Напоминает сегодня о них.

В час, когда ветер бушует неистово,
С новою силою чувствую я:
Белой акации гроздь душистые
Невозвратимы, как юность моя!

Белой акации гроздь душистые
Неповторимы, как юность моя...

МАРГАРИТА АЛИГЕР

1915, Одесса – 1992, пос. Мичуринец Московской области

***

Как мужики в калининской приёмной
в том страшном, незапамятном году,
стихи теснятся чередой огромной,
ещё надеясь отвести беду.

Ведь он поймёт:

    возделанное поле...

    голодная скотина... отчий дом...

Но рот не раскрывается от боли,
и губы разжимаются с трудом.

Слова звучат невнятно, сишло, глухо.

Молчать невмочь и говорить невмочь.

Но их Калинин слушает вполуха.

Всё знает сам. Не в силах им помочь.

На стёршиеся ноги припадая,

уйдут, куда велит Россия-мать.

...Вот так и ты, поэзия родная,

не в силах всё, что знаешь, рассказать.

Не рви рубаху и не лезь в бутылку.

Уже ничем не потрясёшь ты нас.

Ступай в застенок.

    Отправляйся в ссылку.

Но доживи.

    Ещё придёт твой час!

1988

МИХАИЛ ДУДИН

---

*1916, деревня Клевнево Ивановской губернии –1993,
Санкт-Петербург*

***

Борису Пророкову

Январь. Февраль. А после, после
Начнётся птичий перелёт.
Луна, раскидывая вёсла,
По водополю проплывёт.
Опять начнётся щучий нерест,
Поутру запоют дрозды.
Всё уплывёт под лёгкий шелест
В зеленоватый свет звезды.
И снова, цвель не уставая,
Росой покроются поля,
И встанет радуга сквозная,
Дождём оранжевым пыля.
По лесу, полем, по-над рожью
Из ветра, солнца и воды
Пройдётся лето знойной дрожью,
Нависнут спелые плоды.
Неслышно подберётся осень,
Дожди пройдут наискосок,
Сорвут и под ноги подбросят
Прошитый золотом листок.

Огонь и горечь расставаний
Мне жизнь раскроет вдруг сама.
Над чёрным дымом расстояний
Поднимет голову зима.
Я вспомню снег и ветер хлёсткий,
В огне и музыке перрон,
Навозом, потом и извёсткой
Насквозь пропитанный вагон.
И вот сквозь мрак, как по уставу,
Как будто жизнь не навестав,
Хрустя и лязгая в суставах,
Летит, как бешеный, состав.
Мы песней согреваем душу,
На нарах отлежав бока,
Орём (в который раз) «Катюшу»
И запеваем «Ермака».
Свистит «буржуйка», едем, едем,
По сизой полночи скользя,
Почти случайные соседи
И через два часа друзья.
А что мы знали: тень, растаяв,
Сменялась светом, по стене
Летел порывистый Чапаев
На диком, взмыленном коне.
Нам только снился дым сражений
И тьма тревожная застав.
И вот нас жизнь без сожалений
Взяла, за книгами застав,
И привела, сказала: «Трогай,
Бери винтовку, котелок,
Иди счастливою дорогой,
Но помни, нет трудней дорог».

И мы пошли неотвратимо
Навстречу вызову судьбы.
И наплывали клубы дыма
На телеграфные столбы.

1940

***

Дебаркадер да базар,
Яблоки мочёные,
Деревянный тротуар,
Каблуки точёные.

Все черёмухи в дыму
Над речными плёсами.
Пароход на Кострому —
Чайки за колёсами.

Много вёсен утекло
Полноводной Волгою.
Было грустно и светло
Той дорогой долгою.

Вечер мой который раз
Одиноко тянется.
Почему-то вспомнил вас,
И глаза туманятся.

Будто снова от реки,
Новые, с колодочки,
Простучали каблуки,
Лаковые лодочки.

1959

АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ

1918, Екатеринослав – 1977, Париж

ПОСЛЕ ВЕЧЕРИНКИ

Под утро, когда устанут
Влюблённость и грусть, и зависть,
И гости опохмелятся
И выпьют воды со льдом,
Скажет хозяйка: «Хотите
Послушать старую запись?» –
И мой глуховатый голос
Войдёт в незнакомый дом.

И кубики льда в стакане
Звякнут легко и ломко,
И странный узор на скатерти
Начнёт рисовать рука,
И будет бренчать гитара,
И будет крутится плёнка,
И в дальний путь к Абакану
Отправятся облака...

И гость какой-нибудь скажет:
«От шуточек этих зябко,
И автор напрасно думает,
Что сам ему чёрт не брат!»

«Ну что вы, Иван Петрович, –
Ответит ему хозяйка, –
Бояться автору нечего,
Он умер лет сто назад...»

1970

ПСАЛОМ

Я вышел на поиски Бога.
В предгорьи уже рассвело.
А нужно мне было немного –
Две пригоршни глины всего.

И с гор я спустился в долину,
Развёл над рекою костёр,
И красную вязкую глину
В ладонях размял и растёр.

Что знал я в ту пору о Боге
На тихой заре бытия?
Я вылепил руки и ноги,
И голову вылепил я.

И, полон предчувствием смутным,
Мечтал я, при свете огня,
Что будет Он добрым и мудрым,
Что Он пожалеет меня!

Когда ж он померк, этот длинный
День страхов, надежд и скорбей –
Мой Бог, сотворённый из глины,
Сказал мне:
– Иди и убей!..

И канули годы.
И снова —
Всё так же, но только грубей,
Мой Бог, сотворённый из слова,
Твердил мне:
— Иди и убей!..

И шёл я дорогою праха,
Мне в платье впивался репей,
И Бог, сотворённый из страха,
Шептал мне:
— Иди и убей!..

И вновь я печально и строго
С утра выхожу за порог —
На поиски доброго Бога
И — ах, да поможет мне Бог!

15 января 1971

***

Я в путь собирался всегда налегке,
Без долгих прощальных торжеств,
И маршальский жезл не таскал в рюкзаке.
На кой он мне, маршальский жезл!

Я был рядовым и умру рядовым.
Всей щедрой земли рядовой,
Что светом дарила меня даровым,
Поила водой даровой.

До старости лет молоко на губах,
До тьмы гробовой – рядовой.
А маршалы пусть обсуждают в штабах
Военный бюджет годовой.

Пуškai заседают за круглым столом
Вселенской охоты псаря,
А мудрость их вся заключается в том,
Что два – это меньше, чем три.

Я сам не люблю старичков-ворчунов
И всё-таки истово рад,
Что я не изведал бесчестья чинов
И низости барских наград.

Земля под ногами и посох в руке
Торжественней всяких божеств,
А маршальский жезл у меня в рюкзаке –
Свирель, а не маршальский жезл.

9 марта 1972

Из ПОЭМЫ О СТАЛИНЕ

АВЕ МАРИЯ

Дело было липовое – всё как на ладони,
Но пятую неделю долбят допрос,
Следователь-хмурик с утра на валидоле,
Как пророк, подследственный бородой оброс...

А Мадонна шла по Иудее
В платице, застиранном до сини,

Шла Она с котомкой за плечами,
С каждым шагом становясь красивой,
С каждым вздохом делаясь печальней,
Шла, платок на голову набросив –
Всех земных страданий средоточье,
И уныло брёл за ней Иосиф,
Убежавший славы Божий отчим...

Аве Мария...

Упекли пророка в республику Коми,
А он и – перекинись башкой в лебеду,
А следователь-хмурик получил в месткоме
Льготную путёвку на месяц в Теберду...

А Мадонна шла по Иудее,
Оскользясь на размокшей глине,
Обдирая платье о терновник,
Шла Она и думала о Сыне
И о смертных горестях сыновьих.
Ах, как ныли ноги у Мадонны,
Как хотелось всхлипнуть по-ребячьи,

А вослед Ей ражие долдоны
Отпускали шутки жеребьячи...

Аве Мария...

Грянули впоследствии всякие хренации,
Следователь-хмурик на пенсии
в Москве,
А справочку с печатью о реабилитации
Выслали в Калинин пророковой вдове...

А Мадонна шла по Иудее...
И всё легче, тоньше, всё худее
С каждым шагом становилось тело...
А вокруг шумела Иудея
И о мёртвых помнить не хотела.
Но ложились тени на суглинок,
И таились тени в каждой пяди,
Тени всех бутырок и треблинок,
Всех измен, предательств и распятий...
Аве Мария...

1966-1969

ИВАН ЕЛАГИН

1918, Владивосток – 1987, Питсбург, США

ЗВЁЗДЫ

Моему отцу

Колыхались звёздные кочевья.
Мы не засыпали у костра.
Шумные тяжёлые деревья
Говорили с нами до утра.
Мне в ту ночь поэт седой и нищий
Небо распахнул над головой,
Точно сразу кто-то выбил днище
Топором из бочки вековой!
И в дыру обваливался космос,
Грузно опускался млечный мост,
Насмерть перепуганные сосны
Заблудились в сутолоке звёзд.

– Вот они! Запомни их навеки!
То Господь бросает якоря!
Слушай, как рыдающие реки
Падают в зелёные моря!
Чтоб земные горести, как выпи,
Не кричали над твоей душой,
Эту вечность льющуюся выпей
Из ковша Медведицы Большой!

Как бы ты ни маялся и где бы
Ни был – ты у Бога на пиру..
Ангелы завидовали с неба
Нашему косматому костру.

За окном – круги фонарной ряби.
Браунинг направленный у лба.
На каком-то чёртовом ухабе
Своротила в сторону судьба.
Рукописи, брошенные на пол.
Каждый листик – сердца черепок.
Письмена тибетские заляпал
Часового каменный сапог.
Как попало комнату забили,
Вышли. Ночь была уже седа.
В старом грузовом автомобиле
Увезли куда-то навсегда.

Ждём ещё, но всё нервнее курим,
Реже спим и радуемся злей.
Это город тополей и тюрем,
Это город слёз и тополей.
Ночь. За папиросой папироса,
Пепельница дыбится, как ёж.
Может быть, с последнего допроса
Под стеной последнею встаёшь?
Или спишь, а поезд топчет вёрсты
И тебя уносит в темноту..
Помнишь звёзды? Мне уже и к звёздам
Голову поднять не вмоготу.

Хлынь, война! Швырни под зубья танку,
Жерла орудийные таращ! —
Истаскало время наизнанку
Вечности принадлежащий плащ!
Этот поезд, крадущийся воров,
Эти подползающие пни...
Он скулил, как пёс, под семафором,
Он боялся зажигать огни.
Чащами и насыпями заперт,
Выбелен панической луной,
Он тянулся медленно на запад,
Как к постели тянётся больной.

В небе смерть. И след её запутан.
И хлеща по небу на ура,
Взвили за шпицрутеном шпицрутен
С четырёх сторон прожектора!
Но укрывшись тучею косматой,
Смерть уже свистит над головой!
Смерть уже от лопасти крылатой
Падает на землю по кривой.
...Полночь, навалившаяся с тыла,
Не застала в небе и следа.
Впереди величественно стыла
К рельсам примерзавшая звезда.

Мы живём, зажатые стенами
В чёрные берлинские дворы.
Вечерами дьяволы над нами
Выбивают пыльные ковры.
Чей-то вздох из глубины подвала:
— Господи, услышим ли отбой? —

Как тогда мне их недоставало,
Этих звёзд, завещанных тобой!
Сколько раз я звал тебя на помощь, —
Подойди, согрей своим плечом.
Может быть, меня уже не помнишь?
Мёртвые не помнят ни о чём.

Ну, а звёзды, наши звёзды помнишь?
Нас от звёзд загнали в погреб.
Нас судьба ударила наотмашь,
Нас с тобою сбила с ног судьба!
Наше небо стало небом чёрным,
Наше небо разорвал снаряд.
Наши звёзды выдернуты с корнем,
Наши звёзды больше не горят.
В наше небо били из орудий,
Наше небо гаснет, покорясь,
В наше небо выплеснули люди
Мира металлическую грязь!

Нас со всех сторон обдало дымом,
Дымом погибающих планет.
И глаза мы к небу не подыдем,
Потому что знаем: неба нет.

АМНИСТИЯ

Ещё жив человек,
Расстрелявший отца моего
Летом в Киеве, в тридцать восьмом.
Вероятно, на пенсию вышел.
Живёт на покое
И дело привычное бросил.

Ну, а если он умер, –
Наверное, жив человек,
Что пред самым расстрелом
Толстой
Проволокою
Закручивал
Руки
Отцу моему
За спиной.
Верно, тоже на пенсию вышел.

А если он умер,
То, наверное, жив человек,
Что пытал на допросах отца.
Этот, верно, на очень хорошую
Пенсию вышел.
Может быть, конвоир ещё жив,
Что отца выводил на расстрел.

Если б я захотел,
Я на родину мог бы вернуться.

Я слышал,
Что все эти люди
Простили меня.

***

Отпускаю в дорогу, с Богом!
Отдаю тебя всем дорогам,
Всем обманывающим и сулящим,
По которым мы жизни тащим.
Отдаю и реке, и саду,
И скамье, где с тобой не сяду,
И кусту отдаю, и оврагу,
И траве, где с тобой не лягу,
И предутреннему перрону,
Где, прощаясь, тебя не трону.

Отдаю всем заливам синим,
Где мы в воду камней не кинем,
Всем перилам и всем оградкам,
Где с тобой не застынем рядом.

Отпускаю в дорогу, с Богом!
Отдаю тебя всем дорогам,
Всем тревожным привалам нашим,
На которых свистим и пляшем,
На которых поём и плачем...
Всем удачам и неудачам.

Отдаю тебя на поруки
Ветру, счастьем, дождю, разлуке —
Тем, что будут с тобой повсюду
Там, где я никогда не буду.

Отдаю тебя службам жадным,
Лифтам, лестницам и парадным,

Коридорам и кабинетам,
Разговорам, кивкам, газетам.

Папкам, подписям и печатям.
Так мы порознь жизни растратим
За казённым и за подённым
Сумасшествием телефонным.
За столами и за дверями
С именами и номерами...

Отдаю тебя всем соблазнам,
Встречам лёгким, весёлым, праздным,
И печальным горячим встречам
В час, когда защититься нечем.

***

Слёз не проливайте надо мною.
Жил я. Видел землю. И прошёл.
Надо стать когда-нибудь золою,
Чтобы оградить себя от зол.

НИКОЛАЙ ТРЯПКИН

---

*1918, деревня Саблино Старицкого района Тверской губернии –
1999, Москва*

ЛЕТЕЛА ГАГАРА...

1.

Летела гагара,
Летела гагара
На вешней заре.

Летела гагара
С морского утёса
Над тундрой сырой.

А там на болотах,
А там на болотах
Брусника цвела.

А там на болотах
Дымились туманы,
Олени паслись.

2.

Летела гагара,
Кричала гагара,
Махала крылом.

Летела гагара
Над мохом зелёным,
Над синей водой.

Дымились болота,
Дымились болота
На тёплой заре.

Дымились болота,
Туманились травы,
Брусника цвела.

3.

Кричала гагара.
Кричала гагара
Над крышей моей.

Кричала гагара,
Что солнце проснулось,
Что море поёт.

Что солнце проснулось,
Что месяц гуляет,
Как юный олень.

Что месяц гуляет,
Что море сияет,
Что милая ждёт.

1955

***

Суматошные скрипы ракит,
Снеговая метель-хлопотушка.
Не на курьих ли ножках стоит
У тебя твоя вдовья избушка?

Ни двора, ни крыльца, ни сеней.
Только снег, что бельмо, на окошке.
Да на крыше концы от жердей –
Как у ведьмы надбровные рожки.

Да сермягой обитая дверь,
Да за вьюгой – ни зги в переулке.
Уж не ты ли тут скачешь теперь
На какой-то подмазанной втулке?

Только ворон – кричи не кричи,
Да и ты не страшна мне, колдунья.
И всю ночь мы с тобой на печи
Да под шубкой твоей, да под куньей.

Пусть рыдает метель, как сова,
Пусть грохочут в лесах буреломы.
В нас пылают такие дрова,
Что сгорят все другие хоромы.

Только ночь, да крутель, да сверчок,
Только волчья грызня за избою,
Да заглохшая дверь – на крючок,
Да сиянье твоё надо мною.

И всю ночь, как шальная, летит
Грозовая под нами подушка,
И с питьём недопитым стоит
За трубою волшебная кружка.

1970

СТАНСЫ

Давно отпили, отлюбили,
Отгоревали, отцвели –
И стали горстью чёрной пыли,
И затерялись в пыли.

И всё держались за кастеты,
И в землю падали ничком.
А ты всё так же, мать-планета,
Извечным крутишься волчком.

И вновь мы царства сокрушаем,
И снова пашем целину –
И всё ж стоим над тем же краем,
У той же горести в плену.

И снова падаем, как ветки,
К подножью древа своего.
И не спасают нас ни предки,
Ни хмель, ни слава – ничего.

И всё же в кратком просветленьи
Мы песни петь не устаём
И славим каждый миг рожденья
И каждый солнышка подъём.

И перед космосом безмерным
Мы окрылённые стоим
И с той же гривенкой усердной
В калитку райскую стучим.

И только слёзы утираем,
И ставим город на холму...
И никому не доверяем
Свою убогую суму.

1970

НЕТ, Я НЕ ВЫШЕЛ ИЗ НАРОДА!

Нет, я не вышел из народа.
О, чернокостная порода!
Из твоего крутого рода
    Я никуда не выходил.
И к белой кости, к серой кости
Я только с музой езжу в гости.
И на всеобщем лишь погосте
    Меня разбудит Гавриил.

И кровь моя – не голубая!
Что, голубая? Да худая!
Она – венозная, вторая.
    То – не земля и не вода,
А только ил и только сода.
А соль вошла в кулак народа.
О, чернокостная порода!
    О, черносошная орда!

Пусть я смерд. Но не смердящий.
Пусть я пёс. Но не скулящий.
И пот – мой запах настоящий,
    Мозоли – перстни на руках!
А если вы, мои онучи,
Порою чёрны и вонючи, –
Прополощу вас в Божьей туче
    И просушу на облаках!

И даже в рубищах Парижа
Да не замучает нас грыжа!
И в этих песенках – не жижа,
    А родниковая вода.
Нет, я не вышел из народа.
О, чернокостная порода!
Из твоего крутого рода
    Не выходил я никуда.

1982

***

А жизнь прошла. Закончены ристанья.
Исправим печь. И встретим холода.
И только смутный гул воспоминанья
Проходит вдруг по жилам иногда.

Он пронесётся там, как в шахтах воды,
Промчится гул – и снова забытьё.
И перед древним сумраком природы
Горит свеча – окошечко моё.

1998

БОРИС СЛУЦКИЙ

1919, Славянск – 1986, Тула

ПРОЗАИКИ

*Артёму Весёлому,
Исааку Бабелю,
Ивану Катаеву,
Александру Лебеденко*

Когда русская проза пошла в лагеря –
В землекопы,
А кто половчей – в лекаря,
В дровосеки, а кто потолковей – в актёры,
В парикмахеры
Или в шофёры, –
Вы немедля забыли своё ремесло:
Прозой разве утетишься в горе?
Словно утлые щепки,
Вас влекло и несло,
Вас качало поэзии море.
По утрам, до поверки, смирны и тихи,
Вы на нарах слагали стихи.
От бескормиц, как палки, тощи и сухи,
Вы на марше творили стихи.
Из любой чепухи
Вы лепили стихи.
Весь барак, как дурак, бормотал, подбирал
Рифму к рифме и строчку к строке.

То начальство стихом до костей пробирал,
То стремился излиться в тоске.
Ямб рождался из мерного боя лопат,
Словно уголь он в шахтах копался,
Точно так же на фронте из шага солдат
Он рождался и в строфы слагался.
А хорей вам за пайку заказывал вор,
Чтобы песня была потягучей,
Чтобы длинной была, как ночной разговор,
Как Печора и Лена – текучей.
А поэты вам в этом помочь не могли,
Потому что поэты до шахт не дошли.

***

Покуда над стихами плачут,
Пока в газетах их порочат,
Пока их в дальний ящик прячут,
Покуда в лагеря их прочат, –
До той поры не оскудело,
Не отзвенело наше дело.
Оно, как Польша, не стинело,
Хоть выдержало три раздела.
Для тех, кто до сравнений лаком,
Я точности не знаю большей,
Чем русский стих сравнить с поляком,
Поэзию родную – с Польшей.

Ещё вчера она бежала,
Заламывая руки в страхе,
Ещё вчера она лежала
Почти что на десятой плахе.
И вот она романы крутит
И наглым хохотом хохочет.
А то, что было,
То, что будет, —
Про это знать она не хочет.

ДАВИД САМОЙЛОВ

1920, Москва – 1990, Пярну, Эстония

***

Мне выпало счастье быть русским поэтом.
Мне выпала честь прикоснуться к победам.

Мне выпало горе родиться в двадцатом,
В проклятом году и в столетье проклятом.

Мне выпало всё. И при этом я выпал,
Как пьяный из фуры, в походе великом.

Как валенок мёрзлый, валяюсь в кювете.
Добро на Руси ничего не имети.

***

Вот и всё. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса.

Тянем, тянем слово залежалое,
Говорим и вяло, и темно.
Как нас чествуют и как нас жалуют!
Нету их. И всё разрешено.

1966

БЛУДНЫЙ СЫН

1

По пустому тёмному просёлку
Шёл солдат из города домой.
Думал он: «Конечно, мало толку
Жить у нас, особенно зимой...»

2

Время было накануне святок,
Но ещё не вылегли снега.
«А отцу-то за восьмой десяток,
Захворал – и вся тут недолга».

3

Вышел к полю Псовые Охоты,
А оттуда, если глянуть в дол,
Прежде, словно праздничные флоты,
Плыли огоньки окрестных сёл.

4

А теперь – хоть глаз коли! Весомо
С четырёх сторон стояла мгла.
«С довойны, – подумал, – не был дома,
Может, немец всё спалил дотла».

5

Поддувало снизу. Шла позёмка.
Далеко кричал локомотив.
Что-то монотонно и негромко
В воздухе гудело, как мотив.

6

Дом был крайний к лесу. Всё молчало.
Пёс не выл. Петух не голосил.
Во дворе корова не дышала.
Конь не бил копытом о настил.

7

А отец не спал. Ломило руку.
Тараканы тёрлись на печи.
Он прислушался к ночному стуку
И зажёт огарочек свечи.

8

«И кого так поздно носят черти!
Без того нейдёт проклятый сон!» –
– Отворяй! Заколенел до смерти! –
И старик подумал: «Может, он».

9

Ветер режет хуже божьей кары,
Не найти дорогу без луны.
– Сам ты чей? – «Не он», – подумал старый.
– Сам с войны. Шагаю в Тиуны.

10

«Пусть-ка сам меня признает», – думал
Да и снедь тем временем извлёк.
Печь остыла. От окошка дуло.
Колебался светлый стебелёк.

11

– Выпьем, батя, на помин усопших,
Сам своих ушедших помяни.
А ещё за тех, кто тропы топчет
Далеко от дома и родни.

12

Парень, видно, был совсем не беден.
Не пустой мешок с войны волок.
Водку в кружки наплескал: «Поедем!»
– С Богом. Тиуны-то немец сжёг.

13

Думал сын: «Не стоит открываться,
Только зря расстроишь старика.
Здесь не жить мне, здесь не оставаться.
Лучше напишу издалека».

14

Он молчал и пил, смятенья полон.
И зубами от тоски скрипел.
А держать язык за частоколом
И в хмелю умел. А надо – пел.

15

Пел натужно, диковато, хрипло.
Песню начинал по десять раз.
Долго пел. Но голова поникла.
Был ещё далёк рассветный час.

16

То, что старый не увидел глазом,
Мог бы он слышать в песне той.
Но, наверно, помутился разум
От войны, от жизни прожитой.

17

Думал старый: «Он, видать, не беден.
А добро задаром нажито.
Ночью не заглядывал к соседям.
Пропадёт – не хватится никто».

18

Дуло-поддувало в чистом поле.
Дуло, снег сметало на пути.
Ветры на бугре стерню пололи.
Время было около пяти.

19

У печи нащупал топорище.
На мгновение прохватила дрожь.
Отодвинул от хмельного пищу.
«Может – он? Пожалуй, не похож».

20

Задохнулся. Ноги стали шатки.
«Крепко спит. А если встанет вдруг?
В кошельке, небось, одни тридцатки,
Может, десять, может, двадцать штук...»

21

Дуло, дуло, дуло, дуло, дуло,
Ночь не выдувало со двора.
Посреди избы стоял сутуло
Он, не выпуская топора.

22

Свечка вдруг вздохнула и истлела.
Очи словно дёгтем залило.

.....
.....

23

.....
.....

Сын проснулся. За окном белело.
– Шею, – говорит, – совсем светло!

24

Был он трезв. Старик со страху замер.
Думал, вскочит, крикнет: «Загублю!»
А солдат: – Давай топор, хозяин,
Я тебе дровишек нарублю.

25

– Благодарствуй, – старец чуть ответил.
– Слава Богу, ветер унялся.
Мне пора. Просёлок вон как светел,
А отсюда ходу два часа.

26

Старому при свете стало жутко.
Холод разлился в его крови.
Выдохнул: – Как звать тебя?
– Зовутка. Как захочешь, батя, так зови.

27

...По пустому зимнему просёлку
Шёл солдат от дома на восток.
Шёл солдат и плакал втихомолку.
За плечом висел пустой мешок.

28

Он остановился там, где рядом
У раскрёстка стыли две сосны –
Две вершинки срезаны снарядом,
Только вбок росли они с войны.

29

С той межи, где мёрзли две калеки,
Дом ещё виднелся вдалеке.
И пошёл солдат к одноколейке –
Восемь вёрст не страшно налегке.

СОРОКОВЫЕ

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные
И перестуки эшелонные.

Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...

А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звездочка не уставная,
А вырезанная из банки.

Да, это я на белом свете,
Худой, весёлый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.

И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И всё на свете понимаю.

Как это было! Как совпало –
Война, беда, мечта и юность!
И это всё в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

1961

***

Обратно крути киноленту,
Механик, сошедший с ума,
К тому небывалому лету,
За коим весна и зима!

Крути от июня до мая
Обратного времени ход,
Что стало моим – отнимая,
Приход превращая в уход.

Пуškai разомкнутся объятья,
Окажется шляпа в руке.
И слёзы в минуту отъятья
Покатятся вверх по щеке.

Спиною подамся к перрону,
Прощанью бессмысленно рад,
Рукою махну изумлённо,
И поезд потянет назад.

Уйдут станционные здания,
Просторный откроется вид.
И смутное счастье незнания
Тревожно черты озарит.

Крути мою ленту обратно.
Злорадствуй, механик шальной.
Зато я увижу двукратно
Всё то, что случилось со мной.

Я прожил ни много ни мало
Счастливых и сумрачных лет.
Я фильм досмотрю до начала
И выйду из зала на свет...

ВЕНИАМИН БЛАЖЕННЫЙ

---

*1921, село Копысь, Оршанский уезд, Витебская губерния –
1999, Минск*

***

Матушка вострит большой топор,
Говорит: «Грехов твоих не счесть...
Это ты и есть – всемирный вор,
Тать великий – это ты и есть».
– Матушка моя, – ей говорю, –
Не казни разбойного сынка...
Дай мне помолиться на зарю,
Дай мне помолиться на закат.
Это я и есть – небесный бес,
Это я и есть – предвечный срам...
Древнего изгнанника небес,
Звали меня некогда – Адам.
Матушка, шальная моя кровь
Красным безголовым петухом
Буйно зацветает вновь и вновь,
Вспыхивает яростно грехом...
Не губи же голову мою,
Не смущай, родимая, молвы...
...Я стою у смерти на краю, –
И не жалко буйной головы...

***

Сколько лет нам, Господь?.. Век за веком с тобой мы
стареем...

Помню, как на рассвете, на въезде в Иерусалим,
Я беседовал долго со странствующим иудеем,
А потом оказалось – беседовал с Богом самим.
Это было давно – я тогда был подростком безусым,
Был простым пастухом и овец по нагорьям пас,
И таким мне казалось прекрасным лицо Иисуса,
Что не мог отвести от него я восторженных глаз.
А потом до меня доходили тревожные вести,
Что распят мой Господь, обучавший весь мир доброте,
Но из мёртвых воскрес – и опять во вселенной мы вместе,
Те же камни и тропы, и овцы на взгорьях всё те.
Вот и стали мы оба с тобой, мой Господь, стариками,
Мы познали судьбу, мы в гробу побывали не раз
И устало садимся на тот же пастушеский камень,
И с тебя не свожу я, как прежде, восторженных глаз.

АЛЕКСАНДР РЕВИЧ

1921, Ростов-на-Дону

***

Вкус железной воды из колодца,
солнце марта и тающий снег –
всё, что было, при нас остаётся,
было – сплыло, пребудет вовек.
Всё, что радостно, всё, что печально,
не исчезнет во все времена:
та ладонь, что махнула прощально,
та щека, что от слёз солона.

1983

СТЕПЬ СОРОК ПЕРВОГО ГОДА

Был я ранен, возможно, убит,
может быть, угодил в Моабит
и, однако, не числился в списках
тех, кто без вести, тех, кто ничком,
тех, которые будут потом
обозначены на обелисках.

А на самом-то деле я шёл
через пашню, овраг, суходол
по захваченной в плен Украине,
где лишь ветер степной, вертопрах,

проносился на длинных ногах,
да на травах поскрипывал иней.

Так броди без дорог, холодей,
голодай среди добрых людей,
среди злых забывай об обидах,
проходи от угла до угла,
от пустого двора до кола,
где не хата, а печь да зола...

А меня где-то мама ждала
и не числила в списках убитых.
Для неё на пригорке ничком
не лежал я с пробитым виском,
а шагал в октябре невесёлом,
там, где ветер, шальной вертопрах,
проносился на пыльных крылах
над холодным степным суходолом.

1986

***

В дни горечи, в дни озверенья
шла оттепель, капало с крыш,
под осень варили варенье,
и пели на свадьбах «Камыш»,

и пели, и пили, и ели,
ложились попарно в постель,
глotalи рассолы с похмелья,
и кутали горло в метель.

Что было? Всё было, как надо:
в дни праздников, в блеске побед
салютов цвела канонада,
оркестры гремели в ответ.

Давнишняя горечь веселья,
холодный полуночный страх,
барачная цвель новоселья,
могилы в далёких снегах,

и нет ни креста, ни таблицы
ни там, ни над глиной траншей,
лишь время безжалостно длится,
лишь ветер коснётся ушей.

Что было? Что было, то сплыло,
но слышалось пенье скворца,
травой порастала могила,
и славили птицы Творца.

1997

ЯВЛЕНИЕ

Дали, белённые мелом,
мы никогда не покинем,
чёрные птицы на белом
видятся в мареве синем,
а далеко за пределом
край, где раздолье полянам,
кашкам, репьям и осотам,
всюду растущим по склонам,

по каменистым высотам,
голым, безводным и сонным.
Кажется, в этих вот далях,
здесь, на бесплодных откосах,
путник в белёсых сандалях
шёл, опираясь на посох,
и под шатром небосвода
лёгкие марева пыли
вкруг головы пешехода
солнечной дымкой светили.

1998

ЧАША

Мог бы совсем не родиться,
мог бы... Но слава Творцу!
Вспомнишь забытые лица —
слёзы текут по лицу.

Снежное утро рожденья —
твой незапамятный мир,
тот, где чадили поленья
в печках озябших квартир.

Страху в глаза и отваге
острой крупною мело,
бились кровавые флаги
с белой пургою в стекло.

Снова пространство в сугробах,
вьюга и выстрелы в лоб,
и на холмах крутолобых
ноги вмерзают в окоп.

Всё это было когда-то
и остаётся вовек:
чёрные строки штрафбата
в белый впечатаны снег.

Жизнь завершается наша
зимней атакой во сне.
Выпита полная чаша,
самая малость на дне.

20 января 2001

***

Все мы бредили Блоком в далёкие дни,
танцевали бостон и фокстрот,
рвались из дому прочь, рвались прочь от родни,
стали взводами маршевых рот.

И в ночном блиндаже, лишь умолкнет обстрел,
всякий раз без особых препон
снова голос какой-то из прошлого пел,
уцелевший хрипел патефон.

Снова визг и разрыв, и удар наповал,
в лоб волна и осколок в груди,
но ещё патефон под завалом зывал
и хрипел: «Если любишь – приди!»

2006

ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ

1922, г. Козелец Черниговской области – 1996, Москва

***

Светлый праздник бездомности,
тихий свет без огня.
Ощущенье бездонности
августовского дня.

Ощущенье бессменности
пребыванья в тиши
и почти что бессмертности
своей грешной души.

Вот и кончено полностью,
вот и кончено с ней,
с этой маленькой повестью
наших судеб и дней,

наших дней, перемеченных
торопливой судьбой,
наших двух переменчивых,
наших судеб с тобой.

Полдень пахнет кружением
дальних рощ и лесов.
Пахнет вечным движением
привокзальных часов.

Ощущенье беспечности,
как скольжение на льду.
Запах ветра и вечности
от скамеек в саду.

От рассвета до полночи
тишина и покой.
Никакой будто горечи
и беды никакой.

Только полночь опустится,
как догадка о том,
что уже не отпустится
ни сейчас, ни потом,

что со счёта не сбросится
ни потом, ни сейчас
и что с нас ещё спросится,
ещё спросится с нас.

1976

ДИАЛОГ У НОВОГОДНЕЙ ЁЛКИ

– Что происходит на свете? – А просто зима.
– Просто зима, полагаете вы? – Полагаю.
Я ведь и сам, как умею, следы пролагаю
В ваши уснувшие ранней порою дома.

– Что же за всем этим будет? – А будет январь.
– Будет январь, вы считаете? – Да, я считаю.
Я ведь давно эту белую книгу читаю,
Этот, с картинками вьюги, старинный букварь.

– Чем же всё это окончится? – Будет апрель.
– Будет апрель, вы уверены? – Да, я уверен.
Я уже слышал, и слух этот мною проверен,
Будто бы в роще сегодня звенела свирель.

– Что же из этого следует? – Следует жить!
Шить сарафаны и лёгкие платья из ситца.
– Вы полагаете, всё это будет носиться?
– Я полагаю, что всё это следует шить!

Следует шить, ибо сколько вьюгэ ни кружить,
Недолговечны её кабала и опала.
Так разрешите же в честь новогоднего бала
Руку на танец, сударыня, вам предложить.

Месяц – серебряный шар со свечою внутри,
И карнавальные маски – по кругу, по кругу.
Вальс начинается. Дайте ж, сударыня, руку,
И – раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три!

1979

***

Кто-нибудь утром проснётся и ахнет,
и удивится – как близко черёмухой пахнет,
пахнет влюблённостью, пахнет любовным признанием,
жизнь впереди – как ещё нераскрытая книга.

Кто-нибудь утром проснётся сегодня и ахнет,
и удивится – как быстро черёмуха чахнет,
сохнет под окнами деревце, вьюгою пахнет,
пахнет снегами, морозом, зимой, холодами.

Кто-нибудь утром совсем не проснётся,
кто-нибудь тихо губами к губам прикоснётся
и задохнётся – как пахнет бинтами и йодом,
и стеарином, и свежей доскою сосновой.

В утреннем воздухе пахнет бинтами и йодом,
и стеарином, и свежей доскою сосновой,
пахнет снегами, морозом, зимой, холодами
и – ничего не поделать – черёмухой пахнет.

Пахнет черёмухой в утреннем воздухе раннем.
Пахнет влюблённостью, пахнет любовным признанием.
Что бы там ни было с нами, но снова и снова
пахнет черёмухой – и ничего не поделать!

1985

АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ

1923, Москва – 2009, Нью-Йорк

***

Мы под Колпино скопом стоим,
Артиллерия бьёт по своим.
Это наша разведка, наверно,
Ориентир указала неверно.

Недолёт. Перелёт. Недолёт.
По своим артиллерия бьёт.

Мы недаром присягу давали.
За собою мосты подрывали, —
Из окопов никто не уйдёт.
Недолёт. Перелёт. Недолёт.

Мы под Колпино скопом лежим
И дрожим, прокопчённые дымом.
Надо всё-таки бить по чужим,
А она — по своим, по родимым.

Нас комбаты утешить хотят,
Нас, десантников, армия любит..
По своим артиллерия лупит, —
Лес не рубят, а щепки летят.

1956

***

Тишайший снегопад –
Дверьми обидно хлопать.
Посередине дня
В столице как в селе.
Тишайший снегопад,
Закутавшийся в хлопья,
В обувке пуховой
Проходит по земле.

Он формами дворов
На кубы перерезан,
Он конусами встал
На площадных кругах,
Он тучами рождён,
Он пригвождён железом,
И всё-таки он кот
В пуховых сапогах.

Штандарты на древках,
Как паруса при штиле.
Тишайший снегопад
Посередине дня.
И я, противник од,
Пишу в высоком штиле,
И тает первый снег
На сердце у меня.

1961

***

Подкова счастья! Что же ты, подкова?
Я разогнул тебя из удалства –
И вот теперь согнуть не в силах снова
Вернуть на счастье трудные права.

Как вернуть лицо твое степное,
Угрюмых глаз неистовый разлет,
И губы, пересохшие от зноя,
И все, что жизнь обратно не вернет?

Так я твержу девчонке непутевой,
Которой всё на свете трын-трава, –
А сам стою с разогнутой подковой
И слушаю, как падают слова.

1961

БОРИС ЧИЧИБАБИН

1923, Кременчуг – 1994, Харьков

***

Кончусь, останусь жив ли, —
чем зарастёт провал?
В Игоревом Путивле
выгорела трава.

Школьные коридоры —
тихие, не звенят...
Красные помидоры
кушайте без меня.

Как я дожил до прозы
с горькою головой?
Вечером на допросы
водит меня конвой.

Лестницы, коридоры,
хитрые письма...
Красные помидоры
кушайте без меня.

1946

***

Больная черепаха,
Ползучая эпоха,
Смотри – я горстка праха,
И разве это плохо?

Я жил на белом свете
И даже был поэтом, –
Попавши к миру в сети,
Раскаиваюсь в этом.

Давным-давно когда-то
Под песни воровские
Я в звании солдата
Бродяжил по России.

Весь тутошний, как Пушкин
Или Василий Тёркин,
Я слушал клёп кукушкин
И верил птичьим толкам.

Я жрец лесных религий,
Мне труд – одна морока,
По мне и Пётр Великий
Не выше скомороха.

Как мало был я добрым,
Хоть с мамой, хоть с любимой,
За что и бит по рёбрам
Судьбиной, как дубиной.

В моей дневной одышке,
В моей ночи бессонной
Мне вечно снятся вышки
Над лагерной зоной.

Не верю в то, что русы
Любили и дерзали:
Одни вдали и трусы
Живут в моей державе.

В ней от рожденья каждый
Железной ложью мечен,
А кто измучен жаждой,
Тому напиться нечем.

Вот и моя жаровней
Рассыпалась по рощам,
Безлюдно и черно в ней,
Как в городе полночном.

Юродивый, горбатенький,
Стучусь по белу свету,
Зову народ свой батенькой, —
А мне ответу нету.

От вашей лжи и люти
До смерти не избавлен,
Не вспоминайте, люди,
Что был я Чичибабин.

Уже не быть мне Борькой,
Не целоваться с Лилькой.
Опохмеляюсь горькой,
Закусываю килькой.

1969

***

Ночью черниговской, с гор араратских,
шёрсткой ушей доставая до неба,
чад упасая от милостынь братских,
скачут лошадки Бориса и Глеба.

Плачет Господь с высоты осиянной.
Церкви горят золочёной извёсткой.
Меч наострил Святополк окаянный.
Дышат убивцы за каждой берёзкой.

Еле касаясь камней Синая,
тёмного бора, воздушного хлеба,
беглою рысью кормильцев спасая,
скачут лошадки Бориса и Глеба.

Путают путь им лукавые черти.
Даль просыпается в россыпях солнца.
Бог не повинен ни в жизни, ни в смерти.
Мук не приявший – вовек не спасётся.

Киев поникнет, расплещется Волга,
глянет Царьград обречённо и слепо,
как от кровавых очей Святополка
скачут лошадки Бориса и Глеба.

Смертынька ждёт их на выжженных пожнях,
нет им пристанища, будет им плохо,
коль не спасёт их бездомный художник,
бражник и плужник по имени Лёха.

Пусть же вершится весёлое чудо,
служится красками звонкая треба,
в райские кущи от здешнего худа
скачут лошадки Бориса и Глеба.

Бог Вседержитель с лазоревой тверди
ласково стелет под ноженьки путь им.
Бог не повинен ни в жизни, ни в смерти.
Чад убиенных волшбою разбудим.

Ныне и присно по кручам Синая,
по полю русскому в русское небо,
ни колоска под собой не сминая,
скачут лошадки Бориса и Глеба.

1977

***

До гроба страсти не избуду.
В края чужие не поеду.
Я не́ был сроду и не буду,
каким пристало быть поэту.
Не в игрищах литературных,
не на пирах, не в дачных рощах —
мой дух возвращивался в тюрьмах
этапных, следственных и прочих.

И всё-таки я был поэтом.

Я был одно с народом русским.
Я с ним ютился по баракам,
леса валил, подсолнух лускал,
каналы рыл и правду брякал.
На брюхе ползал по-пластунски
солдатом части миномётной.
И в мире не было простушки
в меня влюбиться мимолётно.

И всё-таки я был поэтом.

Мне жизнь дарила жар и кашель,
а чаще сам я был нешёлков,
когда давился пшённой кашей
или махал пустой кошёлкой.
Поэты прославляли вольность,
а я с неволей не расстанусь,
а у меня вылезит волос
и пять зубов во рту осталось.

И всё-таки я был поэтом,
и всё-таки я есмь поэт.

Влюблённый в чёрные деревья
да в свет восторгов незаконных,
я не внушал к себе доверья
издателей и незнакомок.
Я был простой конторской крысой,
знакомой всем грехам и бедам,
водяру дул, с вождями грызся,
тишком за девочками бегал.

И всё-таки я был поэтом,
сто тысяч раз я был поэтом,
я был взаимправдашним поэтом,
и подыхаю, как поэт.

1960

БУЛАТ ОКУДЖАВА

1924, Москва – 1997, Париж

ПЕСЕНКА О СОЛДАТСКИХ САПОГАХ

Вы слышите: грохочут сапоги,
и птицы ошалелые летят,
и женщины глядят из-под руки,
вы поняли, куда они глядят?

Вы слышите: грохочет барабан?
Солдат, прощайся с ней, прощайся с ней.
Уходит взвод в туман-туман-туман...
а прошлое ясней-ясней-ясней.

А где же наше мужество, солдат,
когда мы возвращаемся назад?
Его, наверно, женщины крадут
и, как птенца, за пазуху кладут.

А где же наши женщины, дружок,
когда ступаем мы на свой порог?
Они встречают нас и вводят в дом,
но в нашем доме пахнет воровством.

А мы рукой на прошлое – враньё!
А мы с надеждой в будущее – свет!
А по полям жиреет вороньё,
а по пятам война грохочет вслед.

И снова переулком – сапоги,
и птицы ошалелые летят,
и женщины глядят из-под руки...
В затылки наши круглые глядят.

1957

***

Ю. Нагибину

Неистов и упрям,
гори, огонь, гори.
На смену декаблям
приходят январь.

Нам всё дано сполна –
и горести, и смех,
одна на всех луна,
весна одна на всех.

Прожить лета б дотла,
а там пускай ведут
за все твои дела
на самый страшный суд.

Пусть оправдания нет
и даже век спустя
семь бед – один ответ,
один ответ – пустяк.

Неистов и упрям,
гори, огонь, гори.
На смену декаблям
приходят январь.

1946

ПРОЩАНИЕ С НОВОГОДНЕЙ ЁЛКОЙ

Зое Крахмальниковой

Синяя крона, малиновый ствол, звяканье шишек зелёных.
Где-то по комнатам ветер прошёл:
там поздравляли влюблённых.
Где-то он старые струны задел – тянется их перекличка..
Вот и январь накатил-налетел, бешеный, как электричка.
Мы в пух и прах наряжали тебя, мы тебе верно служили.
Громко в картонные трубы трубя, словно на подвиг
спешили.
Даже поверилось где-то на миг (знать, в простодушие
сердечном):
женщины той очарованный лик слит с твоим
празднеством вечным.

В миг расставания, в час платежа, в день увяданья недели
чем это стала ты нехороша? Что они все, одурели?!
И утончённые, как соловьи, гордые, как гренадеры,
что же надёжные руки свои прячут твои кавалеры?

Нет бы собраться им – время унять, нет бы им всем –
расстараться.
Но начинают колеса стучать: как тяжело расставаться!
Но начинается вновь суета. Время по-своему судит.
И в суете тебя сняли с креста, и воскресенья не будет.

Ель моя, Ель, – уходящий олень, зря ты, наверно, старалась:
женщины той осторожная тень в хвое твоей затерялась!
Ель моя, Ель, словно Спас на Крови, твой силуэт
отдалённый,
будто бы след удивлённой любви, вспыхнувшей,
неутолённой.

1966

***

Ю. Левитанскому

Заезжий музыкант целуется с трубою.
Пассажи по утрам, так просто, ни о чём..
Он любит не тебя. Опомнись, бог с тобою.
Прижмись ко мне плечом. Прижмись ко мне плечом.

Живёт он третий день в гостинице районной,
где койка у окна – всего лишь по рублю,
и на своей трубе, как чайник, раскалённой,
вздыхает тяжело... А я тебя люблю.

Ты слушаешь его задумчиво и кротко,
как пенье соловья, как дождь и как прибой.
Его большой трубы простуженная глотка
отчаянно хрипит. (Труба, трубы, трубой...)

Трубач играет туш, трубач потеет в гамме,
трубач хрипит своё и кашляет, хрипя.
Но как портрет судьбы, он весь в оконной раме,
да любит не тебя... А я люблю тебя.

Дождусь я лучших дней и новый плащ надену,
чтоб пред тобой проплыть, как поздний лист, дрожа...
Не много ль я хочу, всему давая цену?
Не сладко ль я живу, тобой лишь дорожа?

Тебя не соблазнить ни платьями, ни снедью:
заезжий музыкант играет на трубе!
Что мир весь рядом с ним, с его горячей медью?..
Судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе...

1972

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ

1925, Брянск – 1993, Москва

МОСКВИЧИ

В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Серёжка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.

А где-то в людном мире
Который год подряд
Одни в пустой квартире
Их матери не спят.

Свет лампы воспалённой
Пылает над Москвой
В окне на Малой Бронной,
В окне на Моховой.

Друзьям не встать. В округе
Без них идёт кино.
Девчонки, их подруги,
Все замужем давно.

Пылает свод бездонный,
И ночь шумит листвой
Над тихой Малой Бронной,
Над тихой Моховой.

1953

ВЛАДИМИР СОКОЛОВ

1928, г. Лихославль Тверской обл. – 1997, Москва

ВЕНОК

Вот мы с тобой и развенчаны.
Время писать о любви...
Русая девочка, женщина,
Плакали те соловьи.

Пахнет водою на острове
Возле одной из церквей.
Там не признал этой росстани
Юный один соловей.

Слушаю в зарослях, зарослях,
Не позабыв ничего,
Как удивительно в паузах
Воздух поёт за него.

Как он ликует божественно
Там, где у розовых верб
Тень твоя, милая женщина,
Нежно идёт на ущерб.

Истина не наказуема.
Ты указала между.
Я ни о чём не скажу ему,
Я ни о чём не скажу.

Видишь, за облак барашковый,
Тая, заплыл наконец
Твой васильковый, ромашковый
Неповторимый венец.

1966

***

Пластинка должна быть хрипящей,
Заигранной...

Должен быть сад,
В акациях так шелестящий,
Как лет восемнадцать назад.

Должны быть большие сирени –
Султаны, туманы, дымки.
Со станции из-за деревьев
Должны доноситься гудки.

И чья-то настольная книга
Должна трепетать на земле,
Как будто в предчувствии мига,
Что всё это канет во мгле.

1967

***

Нет школ никаких. Только совесть,
Да кем-то завещанный дар,
Да жизнь, как любимая повесть,
В которой и холод и жар.

Я думаю, припоминая,
Как школила юность мою
Война и краюшка сырая
В любом всероссийском раю.

Учебников мы не сжигали,
Да и не сожжём никогда,
Ведь стёкла у нас вышибали
Не мячики в эти года.

Но знаешь, зелёные даты
Я помню не хуже других.
Черемуха... Май... Аттестаты.
Берёзы. Нет школ никаких...

1971

ВИКТОР НЕКИПЕЛОВ

1928, Харбин – 1987, Франция

В ПРОГУЛОЧНОМ ДВОРИКЕ

Помнят ли там о печальном затворнике
Или пора забывать?
Вот я опять в этом каменном дворике,
Созданном, чтоб тосковать.

Скорчены в тесном и гулком скворечнике
Наша гордыня и боль.
Три с половиной шага в поперечнике,
Восемь с осьмушкой вдоль.

Только и видно охраннице заспанной,
Стражнице нашей судьбы –
Гордые руки заложены за спину,
Сбиты лихие чубы.

Будто бы в этом бесцельном кружении
Наш неизбежный оброк:
Восемь с осьмушкой в одном направлении,
Три с половиною – вбок.

Солнце блеснуло бы огненной лавою,
Ангел бы вдруг заглянул!
Даже и небо решёткою ржавою
Красный паук затянул!

Будто бы жалкие, вечные грешники,
Проклята наша юдоль –
Три с половиной шага в поперечнике,
Восемь с осьмушкой вдоль.

Только напрасно двуногие хищники
Пробуют нас на излом!
Есть у меня золотые наливники,
Лодка с волшебным веслом.

Только в мечтании, только в видении –
Веры зелёный росток.
Восемь с осьмушкой – в одном направлении,
Три с половиною – вбок.

Ветки черёмухи, мокрые, росные,
Старый с кувшинками пруд..
Милые, верные, добрые, вздорные –
Губы, которые ждут!

Дудочка веры – с валторною вечности
Слиты в единый прибой.
Три с половиной шага в поперечнике,
Восемь с осьмушкой вдоль.

И расступаются стены постылые,
Рушится камень оград!
Чьё там лицо над вселенской пустынею?
Чей там блистающий град?

Только в висках – в забытьё – в отдалении –
Шёпот привязчивых строк:
Восемь с осьмушкой – в одном направлении,
Три с половиною – вбок.

Пусть же лютуют лихие опричники,
Чёрная, злобная рать.
Есть у меня золотые наличники,
Этого им не понять.

Есть у меня золотые наличники,
Этого им не отнять!

Сентябрь 1973, Владимирская тюрьма № 2

ЮЗ АЛЕШКОВСКИЙ

1929, Красноярск

ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

На просторах Родины чудесной,
Закаляясь в битвах и труде,
Мы сложили радостную песню
О великом друге и вожде.

Алексей Сурков

Товарищ Сталин, Вы большой ученый,
В языкознании знаете Вы толк,
А я простой советский заключенный,
И мне товарищ – серый брянский волк.

За что сижу, воистину не знаю,
Но прокуроры, видимо, правы.
Сижу я нынче в Туруханском крае,
Где при царе сидели в ссылке Вы.

В чужих грехах мы сходу сознавались,
Этапом шли навстречу злой судьбе.
Мы верили Вам так, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе.

И вот сижу я в Туруханском крае,
Где конвоиры, словно псы, грубы.
Я это всё, конечно, понимаю,
Как обостренье классовой борьбы.

То дождь, то снег, то мошкара над нами,
А мы в тайге с утра и до утра.
Вы здесь из искры разводили пламя,
Спасибо Вам, я греюсь у костра.

Вам тяжелей, Вы обо всех на свете
Заботитесь в ночной тоскливый час,
Шагаете в кремлёвском кабинете,
Дымите трубкой, не смыкая глаз.

И мы нелёгкий крест несём задаром
Морозом дымным и в тоске дождей,
Мы, как деревья, валимся на нары,
Не ведая бессонницы вождей.

Вчера мы хоронили двух марксистов,
Тела одели ярким кумачом.
Один из них был правым уклонистом,
Другой, как оказалось, ни при чём.

Он перед тем, как навсегда скончаться,
Вам завещал последние слова,
Велел в евонном деле разобраться
И тихо вскрикнул: «Сталин – голова!»

Вы снитесь нам, когда в партийной кепке
И в кителе идёте на парад.
Мы рубим лес по-сталински, а щепки,
А щепки во все стороны летят.

Живите тыщу лет, товарищ Сталин,
И пусть в тайге придётся сдохнуть мне,
Я верю, будет чугуна и стали
На душу населения вполне.

1959

АНАТОЛИЙ ЖИГУЛИН

1930, Воронеж – 2000, Москва

***

Соловецкая чайка
Всегда голодна.
Замирает над пеною
Жалобный крик.
И свинцовая
Горькая катит волна
На далёкий туманный
Пустой материк.

А на белом песке –
Золотая лоза.
Золотая густая
Лоза-шелюга.
И солёные брызги
Бросает в глаза,
И холодной водой
Обдаёт берега.

И обветренным
Мокрым куском янтаря
Над безбрежием чёрных
Дымящихся вод,

Над холодными стенами
Монастыря
Золотистое солнце
В тумане встаёт...

Только зыбкие тени
Развеянных дум.
Только горькая стылая
Злая вода.
Ничего не решил
Протопоп Аввакум.
Всё осталось, как было.
И будет всегда.

Только серые камни
Лежат не дыша.
Только мохом покрылся
Кирпичный карниз.
Только белая чайка –
Больная душа –
Замирает, кружится
И падает вниз.

1973

КАЛИНА

На русском Севере –
Калина красная,
Края лесистые,
Края озёрные.
А вот у нас в степи
Калина – разная,

И по логам растёт
Калина чёрная.

Калина чёрная
На снежной замети –
Как будто пулями
Всё изрешечено.
Как будто горечью
Далёкой памяти
Земля отмечена,
Навек отмечена.

Окопы старые
Закрыты пашнями.
Осколки острые
Давно поржавели.
Но память полнится
Друзьями павшими,
И сны тревожные
Нас не оставили.

И сердцу видится
Доныне страшная
Войной пробитая
Дорога торная.
И кровью алою –
Калина красная.
И горькой памятью –
Калина чёрная.

Калина красная
Дроздами склёвана.

Калина чёрная
Растёт-качается.
И память горькая,
Печаль суровая
Всё не кончается,
Всё не кончается...

1976

***

О, жизнь моя, не уходи,
Как ветер в поле!
Ещё достаточно в груди
Любви и боли.
Ещё дубрава у бугра
Листвой колышет,
И дальний голос топора
Почти не слышен.

И под ногой ещё шуршат
Сухие прутья,
И липы тонкие дрожат
У перепутья,
Ещё гудит по жилам кровь
В надежде вечной,
И вечной кажется любовь
И бесконечной.

Но с каждым годом уже круг
И строже время

Моих друзей, моих подруг,
Моих деревьев.
О, хрупкий мир моей души,
И даль лесная!
Живи, блаженствуй и дыши,
Беды не зная...

Прозрачен лес, закат багров,
И месяц вышел.
И дальний голос топоров
Почти не слышен.
О, жизнь моя, не уходи,
Как ветер в поле!
Ещё достаточно в груди
Любви и боли!..

1980

***

Б. Окуджаве

Чёрный ворон, белый снег.
Наша русская картина.
И горит в снегу рябина
Ярче прочих дальних вех.

Чёрный ельник, белый дым.
Наша русская тревога.
И звенит, звенит дорога
Над безмолвием седым.

Чёрный ворон, белый снег.
Белый сон на снежной трассе.
Рождество. Работать – грех.
Но стихи – работа разве?

Не работа – боль души.
Наше русское смятенье.
Очарованное пенье –
Словно ветром – в камыши.

Словно в жизни только смех,
Только яркая рябина,
Только вечная картина:
Чёрный ворон, белый снег.

1978

ДМИТРИЙ СУХАРЕВ

1930, Ташкент

ПАХНЕТ КРАСКОЙ

Мы ремонт учинили, поскольку
Так решил все семейный хурал.
Мы поставили новую койку
В том углу, где отец умирал.

В общем, в доме сплошные обновы,
Пахнет краской, не пахнет бедой.
Широки мне сорочки отцовы.
Ничего, поношу – молодой.

1963

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

Две женщины проснулись и глядят –
Проснулись и глядят в окно вагона.
Две женщины умылись и сидят –
Друг дружку наряжают благосклонно.

Две тайны примеряют кружева,
Им так охота выглядеть красиво!
Одна из них пять платьев износила –
Она пять лет на свете прожила.

Одна пять лет на свете прожила
И повидала разного немало.
Другая – пять смертей пережила
И пятый свой десяток разменяла.

Две ясности, две хитрых простоты
Играют в дурачка на нижней полке,
А сам дурак лежит на верхней полке,
Заглядывая в карты с высоты.

Там на заход валетик желторотый,
Там на отбой четыре короля,
Там козырями черви под колодой,
Там за окном летучая земля.

И карты сообщают так немного,
И так земля летучая легка,
И так длинна, так коротка дорога,
Что можно спать, не слушая гудка.

1977

ГЛЕБ ГОРЬБОВСКИЙ

1931, Ленинград

ФОНАРИКИ

Когда качаются фонарики ночные
и тёмной улицей опасно вам ходить,
я из пивной иду,
я никого не жду,
я никого уже не в силах полюбить.

Мне дева ноги целовала, как шальная,
одна вдова со мной пропила отчий дом!
Ах, мой нахальный смех
всегда имел успех,
и моя юность пролетела кувырком!

Лежу на нарах, как король на именинах,
и пайку серого мечтаю получить.
Гляжу, как кот в окно,
теперь мне всё равно!
Я раньше всех готов свой факел потушить.

Когда качаются фонарики ночные
и чёрный кот бежит по улице, как чёрт,
я из пивной иду,
я никого не жду,
я навсегда побил свой жизненный рекорд!

1953

НАРОД

С похмелья очи грустные,
в речах – то брань, то блажь.
Плохой народ, разнузданный,
растяпа! Но ведь – наш!

В душе – тайга дремучая,
в крови – звериный вой.
Больной народ, измученный,
небритый... Но ведь – свой!

Европа или Азия? –
Сам по себе народ!
Ничей – до безобразия!
А за сердце берёт...

1995

***

Переулки Перми – деревяшки.
Как старушки глухие – дома...
Я кого-то ищу по бумажке,
а найти не хватает ума.

На столбе непризорный фонарик
огоньком папиросным в ночи.
Кто-то молча на сонной гитаре
запоздалую песню бренчит.

Впереди замаячили купно
этажи, ослепительный свет...
И, кого я ищу неотступно,
всё равно в этом городе нет.

1966

***

Пристально на пристани
Волхова-реки
я смотрю в неистовый
мир любви, тоски...

Сам я – рваный, драненький,
как бесхозный стул.
...Пароходик пьяненький
в Ладогу скользнул.

Но повеет запахом
чистым – от реки,
и стоишь, заплаканный,
долей взят в тиски.

Отмываешь душеньку
от кислотных слёз.
...Берег тот – потушенный,
этот – полон звёзд!

2000

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

1933, Москва – 2010, посёлок Переделкино под Москвой

ПЕСНЯ ВЕЧЕРНЯЯ

Ты молилась ли на́ ночь, берёза?
Вы молились ли на ночь,
запрокинутые озёра
Сенеж, Свистязь и Нарочь?

Вы молились ли на́ ночь, соборы
Покрова и Успенья?
Покурю у забора.
Надо, чтобы успели.

Ты молилась ли на́ ночь, осина?
Труд твой будет – обильный.
Ты молилась, Россия?
Как тебя мы любили!

1972

САГА

Ты меня на рассвете разбудишь,
проводить необутая выйдешь.
Ты меня никогда не забудешь.
Ты меня никогда не увидишь.

Заслонивши тебя от простуды,
я подумаю: «Боже Всевышний!
Я тебя никогда не забуду.
Я тебя никогда не увижу».

Эту воду в мурашках запруды,
эти Адмиралтейство и Биржу
я уже никогда не забуду
и уже никогда не увижу.

Не мигают, слезятся от ветра
безнадёжные карие вишни.
Возвращаться – плохая примета.
Я тебя никогда не увижу.

Даже если на землю вернёмся
мы вторично, согласно Гафизу,
мы, конечно, с тобой разминёмся.
Я тебя никогда не увижу.

И окажется так минимальным
наше непониманье с тобою
перед будущим непониманьем
двух живых с пустотой неживою.

И качнётся бессмысленной высью
пара фраз, залетевших отсюда:
«Я тебя никогда не забуду.
Я тебя никогда не увижу».

1977

АЛЕКСАНДР ГОРОДНИЦКИЙ

1933, Ленинград

НОВОДЕВИЧИЙ МОНАСТЫРЬ

Снова рябь на воде и сентябрь на дворе.
Я брожу в Новодевичьем монастыре,
Где невесты-берёзы, склоняясь ко рву,
Словно девичьи слёзы, роняют листву.
Здесь все те, кто был признан в народе, лежат.
Здесь меж смертью и жизнью проходит межа.
И кричит одинокая птица, кружа,
И влюблённых гоняют с могил сторожа.

У нарядных могил обихоженный вид,—
Здесь и тот, кто убил, рядом с тем, кто убит.
Им легко в этом месте — ведь тот и другой
Жизни отдали вместе идее одной.
Дым плывёт, невесом. Тишина, тишина...
Осеняет их сон кружевная стена.
И металлом на мраморе их имена,
Чтобы знала, кого потеряла, страна.

А в полях под Москвой, а в полях под Орлом,
Порыжевшей травой, через лес напролом,
Вдоль освоенных трасс на реке Колыме,
Ходит ветер, пространство готова к зиме.

Зарастают окопы колючим кустом.
Не поймёшь, кто закопан на месте пустом:
Без имён их земля спеленала, темна,
И не знает, кого потеряла, страна.

Я люблю по холодной осенней поре
Побродить в Новодевичьем монастыре.
День приходит, лилов, и уходит назад,
Тусклый свет куполов повернув на закат...
Не хочу под плитой именно лежать, —
Мне б водою речной за стеною бежать,
Мне б песчинкою лечь в монастырь, что вместил
Территорию тех безымянных могил.

1970

не знаем,
        отчего ушла из дому,
а знаем только, что ушла она.
В костюме и немодном и неновом, —
как и всегда, немодном и неновом, —
да, как всегда, немодном и неновом, —
спускается профессор в гардероб.
Он долго по карманам ищет номер:
«Ну что такое?
        Где же этот номер?
А может быть,
        не брал у вас я номер?
Куда он делся? —
        Трет рукою лоб. —

Ах, вот он!..
        Что ж,
                как видно, я старею,
не спорьте, тетя Маша,
                я старею.
И что уж тут поделаешь —
                старею...»
Мы слышим —
        дверь внизу скрипит за ним.
Окно выходит в белые деревья,
в большие и красивые деревья,
но мы сейчас глядим не на деревья,
мы молча на профессора глядим.
Уходит он,
        сутулый,
                неумелый,

под снегом,
                        мягко падающим в тишь.
Уже и сам он,
                        как деревья,
  белый,
да,
                        как деревья,
                                совершенно белый,
ещё немного —
                        и настолько белый,
что среди них
                        его не разглядишь.

1955

«ЗАЧЕМ ТЫ ТАК?»

Когда радист «Моряны», горбясь,
Искал нам радиомаяк,
Попал в приёмник женский голос:
«Зачем ты так, зачем ты так?»

Она из Амдермы кричала
Сквозь мачты, льды и лай собак,
И словно шторм, кругом крепчало:
«Зачем ты так, зачем ты так?»

Белуха в море зверобою
Кричала, путаясь в сетях,
Фонтаном крови, всей собою:
«Зачем ты так, зачем ты так?»

Ну а его – волна рябая
Швырнула с лодки, и бедняк
Шептал, бесследно погибая:
«Зачем ты так, зачем ты так?»

Забыв тебя, мечусь я нервно,
И нет мне удержу никак,
И молишь ты глазами нерпы:
«Зачем ты так, зачем ты так?»

Ты отчужденно и ненастно
Глядишь, почти уже как враг,
И я молю тебя напрасно:
«Зачем ты так, зачем ты так?»

И всё сильнее год от году
Кричат сквозь непогодь и мрак
Душа – душе, народ – народу:
«Зачем ты так, зачем ты так?»

1964

***

Идут белые снеги,
как по нитке скользя..
Жить и жить бы на свете,
но, наверно, нельзя.

Чьи-то души бесследно,
растворяясь вдали,
словно белые снеги,
идут в небо с земли.

Идут белые снеги..
И я тоже уйду.
Не печалюсь о смерти
и бессмертья не жду.

Я не верую в чудо,
я не снег, не звезда,
и я больше не буду
никогда, никогда.

И я думаю, грешный,
ну, а кем же я был,
что я в жизни поспешной
больше жизни любил?

А любил я Россию
всею кровью, хребтом —
её реки в разливе
и когда подо льдом,

дух её пятистенков,
дух её сосняков,
её Пушкина, Стеньку
и её стариков.

Если было несладко,
я не шибко тужил.
Пусть я прожил нескладно,
для России я жил.

И надеждою маюсь
(полный тайных тревог),
что хоть малую малость
я России помог.

Пусть она позабудет,
про меня без труда,
только пусть она будет,
навсегда, навсегда.

Идут белые снеги,
как во все времена,
как при Пушкине, Стеньке
и как после меня.

Идут снеги большие,
аж до боли светлы,
и мои, и чужие
заметая следы.

Быть бессмертным не в силе,
но надежда моя:
если будет Россия,
значит, буду и я.

1965

КОГДА УБИЛИ ЛОРКУ

Когда убили Лорку, –
а ведь его убили! –
жандарм дразнил молодку,
красуясь на кобыле.

Когда убили Лорку, –
а ведь его убили! –
сограждане ни ложку,
ни миску не забыли.

Поубиваясь малость,
Кармен в наряде модном
с живыми обнималась –
ведь спать не ляжешь с мёртвым.

Знакомая гадалка
слонялась по халупам.
Ей Лорку было жалко,
но не гадают трупам.

Жизнь оставалась жизнью –
и запивохи рожа,
и свиньи в желтой жиже,
и за корсажем роза.

Остались юность, старость,
и нищие, и лорды.
На свете всё осталось –
лишь не осталось Лорки.

И только в пыльной лавке
стояли, словно роты,
не веря смерти Лорки
игрушки-донкихоты.

И пусть царят невежды
и лживые гадалки,
а ты живи надеждой,
игрушечный гидальго!

Средь сувенирной швали
они, вздымая горько
смешные крошки-шпаги,
кричали: «Где ты, Лорка?»

Тебя ни вяз, ни ива
не скинули со счётов.
Ведь ты бессмертен, — ибо
из нас, из донкихотов!»

И пели травы ломко,
и журавли трубили,
что не убили Лорку,
когда его убили.

ЕЛАБУЖСКИЙ ГВОЗДЬ

Памяти М. Цветаевой

Помнишь, гераневая Елабуга,
ту городскую, что вечность назад
долго курила, курила, как плакала,
твой разъедающий самосад?

Бога просила молитвенно, ранено,
чтобы ей дали бельё постирать.
Вы мне позвольте, Марина Ивановна,
там, где вы жили, чуть-чуть постоять.

Бабка открыла калитку зыбучую:
«Пытка под старость – незнамо за что.
Ходют и ходют – ну прямо замучили.
Дом бы продать, да не купит никто.

Помню – была она строгая, крупная.
Не подходила ей стирка белья.
Не получалось у ней с самокрутками.
Я их крутила. Веревку – не я».

Сирые сени. Слепые. Те самые,
где оказалась пенька хороша,
где напослед леденящею Камою
губы смочить привелось из ковша.

Гвоздь, а не крюк.
Он граненый, увесистый –
для хомутов, для рыбацких снастей.

Слишком здесь низко,
чтоб взять и повеситься.
Вот удавиться – оно попростей.

Ну а старуха, что выжила впроголодь,
мне говорит, словно важный я гость:
«Как мне с гвоздем-то?
Все смотрят и трогают.
Может, возьмёте себе этот гвоздь?»

Бабушка, я вас прошу как о милости, –
только не спрашивайте опять:
«А отчего она самоубилась-то?
Вы ведь учёный. Вам легче понять».

Бабушка, страшно мне в сенцах и комнате.
Мне бы поплакать на вашем плече.
Есть лишь убийства на свете, запомните.
Самоубийств не бывает вообще.

1967

ВЛАДИМИР ЛЕОНОВИЧ

1933, Кострома

***

В Калязине душном шиповник цветёт,
в Калязине влажном высок и опасен
разлив подземельных блуждающих вод —
при малом дожде оплывает Калязин.

Зачем на зубах эта терпкая вязь —
зелёная каменно-кислая слива —
и странное чувство — никак не зовясь —
у тёплого моря удушье прилива.

Лягушки звенят в потоплённом бору,
такие лиловые и голубые...
Когда — я не знаю — весной, поутру, —
а только не вынесу этой судьбы я.

И пальцем не тронут, никто не убьёт,
а только не вынесу — жизни родимой...
В Калязине душном шиповник цветёт,
неделю стоит, кисловатый, сладимый.

От вольного света, от жизни дневной —
запомни, Калязин! — чиста роговица,
когда перед старостью или войной
является светлая отроковица.

АНАТОЛИЙ ПЕРЕДРЕЕВ

1934, село Новый Сокур Саратовской области – 1987, Москва

РОМАНС

В. Кожинovu

Как эта ночь пуста, куда ни деться,
Как город этот ночью пуст и глух...
Нам остаётся, друг мой, только песня –
Ещё не всё потеряно, мой друг!

Настрой же струны на своей гитаре,
Настрой же струны на старинный лад,
В котором всё в цветенье и разгаре –
«Сияла ночь, луной был полон сад».

И не смотри, что я не подпеваю,
Что я лицо ладонями закрыл,
Я ничего, мой друг, не забываю,
Я помню всё, что ты не позабыл.

Всё, что такой отмечено судьбою
И так звучит – на сердце и на слух,
Что нам всего не перепеть с тобою,
Ещё не всё потеряно, мой друг!

Ещё струна натянута до боли,
Ещё душе так непомерно жаль

Той красоты, рождённой в чистом поле,
Печали той, которой дышит даль...

И дорогая русская дорога
Ещё слышна – не надо даже слов,
Чтоб разобрать издалика-далёка
Знакомый звон забытых бубенцов.

1965

***

Наедине с печальной елью
Я наблюдал в вечерний час
За бесконечной каруселью
Созвездий, окружавших нас.

Но чем торжественней и строже
Вставало небо надо мной,
Тем беззащитней и дороже
Казался мир земли ночной,

Где ель в беспомощном величье
Одна под звёздами стоит,
Где царство трав и царство птичьё,
К себе прислушиваясь, спит.

Где всё по балкам и полянам
И над мерцающим селом
Куруется медленным туманом,
Дымится трепетным теплом...

1965

***

Не помню ни счастья, ни горя,
Всю жизнь забываю свою,
У края бескрайнего моря,
Как маленький мальчик, стою.

Как маленький мальчик, на свете,
Где снова поверить легко,
Что вечности медленный ветер
Моё овекает лицо.

Что волны безбрежные смыли
И скрыли в своей глубине
Те годы, которые были
И снились которые мне.

Те годы, в которые вышел
Я с опытом собственных сил,
И всё-таки, кажется, выжил,
И, кажется, всё же не жил.

Не помню ни счастья, ни горя...
Простор овекает чело.
И, кроме бескрайнего моря,
В душе моей нет ничего.

1968

ЕВГЕНИЙ РЕЙН

1935, Ленинград

ЗА ПСКОВОМ

Бесконечная жизнь повилики,
краснотала, репья, лопуха...
Мне достаточно и половинки,
я не знаю такого греха
за собой, чтобы вновь не воскреснуть
после смерти блаженной весной,
чтобы леса и луга окрестность
обошлась без меня, а за мной
не послала хоть облака или
разогретого ветра набег,
ведь растили меня и любили
не затем, чтоб я сгинул навек.
Вечеру пламенеет пространство,
на осине галчата галдят,
где-то там, на границе славянства,
угасает варяжский закат.
Засыпая на жаркой овчине,
я внимаю, хоть слух огрубел,
голосам повелительным: «Сыне,
ты вернулся, прими свой удел».

ЭЛЕКТРИЧКА 0.40

В последней пустой электричке
Пойми за пятнадцать минут,
Что прожил ты жизнь по привычке,
Кончается этот маршрут.

Выходишь прикуривать в тамбур,
А там уже нет никого.
Пропойца спокойный, как ангел,
Тулуп расстелил наголо.

И видит он русское море,
Стакан золотого вина,
И слышит, как в белом соборе
Его отпевает страна.

ПРО ВОРОНА

Там, где мусорные баки цвета хаки
на Волхонке во дворе стоят в сторонке,
обитает юный ворон, он проворен.
Он над баками витает и хватает
апельсиновую дольку, хлеба корку,
а потом попьёт из лужи и не тужит.
Он мрачнее, но прочнее человека,
он-то знает, что прожить ему два века.
И увидит он большие перемены,
неприменно их увидит, неприменно.

ПЕТРОГРАДСКАЯ СТОРОНА

Около мечети, возле дома Витте
вы меня поймайте и остановите.
Снова помотайте вы седою прядью
рядом с «Великаном» в этом Петрограде.
Что нам чай да сахар, «Мартовское» пиво,
то несправедливо, это справедливо.
Ничего на свете нам не удаётся,
только сигаретка нам и остаётся.
Чёрная «Аврора», розовая «Прима»,
и подруга Люда, и подруга Римма.
В вашей подворотне холодно и жутко,
лампочка в прихожей вроде промежутка
между тёмной ночью и, конечно, белой...
Поцелуй мне веки в той заледенелой
комнате печальной, в суете опальной,
в той кровати старой полутораспальной.
И скорей, скорее на Крестовский остров,
медлят над яхт-клубом десять флагов пёстрых –
все они победы, все они удачи,
выцвели, поблёкли накануне сдачи.
И слились с твоею прядью седоватой,
чем-то знаменитой, маловиноватой.

***

Январская теплынь и птах не подморозит,
вот в городском саду панует вороньё.
Неужто и февраль нам зиму не воротит?
Как муторно сейчас в предзимье без неё!
О, если бы пройти путём оледенелым,
узнать морозный звук тоскующих снегов,
увидеть этот свет как белое на белом,
сообразить, что он воистину таков.
И тут же, наконец, переселясь на взморье,
добраться до тебя, открытый окоём.
Побудь со мной хоть день, Великое Зимовье,
всего один денёк без всех, вдвоём, вдвоём.
Позволь, я подойду к тебе тогда вплотную,
проглянет за тобой твой век и материк.
За целый день тебя от силы разлиную
и поцелую твой заиндевелый лик.

МОСТ ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДТА

Закат над широкой рекою
и город на том берегу
исполнены жизнью такою,
что я объяснить не могу.
Пешком возвращаясь с прогулки,
гляжу на огни и дома,
но ключик от этой шкатулки
найти не хватает ума.

Подумать – Васильевский остров
так близко – достанешь рукой!
Но, скрытен, как будто подросток,
он что-то таит за рекой.
И жёлтое небо заката
тревожно, и так же почти
неясным волненьем объята
душа на обратном пути.
Но ведь неспроста, не впустую
я с этим живу и умру;
какую-то тайну простую
я чувствую здесь на ветру.
Мелькают трамвайные числа
у площади на вираже.
Не знаю названья и смысла,
но что-то понятно уже.

НАУМ САГАЛОВСКИЙ

1935, Киев

Ах, эти кони вороные,
что унесли в края иные
отца, и маму, и сестру!..
Мне не уйти от их погони,
они вернутся, эти кони,
за мной однажды поутру.

Они вернутся! Их возница
не станет медлить и возиться,
натянет вожжи, крикнет «Вьё!»,
и стукнут громкие копыта,
и скажет горькое finita
существование моё.

Как быстро годы пролетели!
Их мишура и канители
твердят, что жизнь была пестра.
Удача, что ли, дар судьбы ли?
О, как они меня любили –
отец, и мама, и сестра!..

Дай Бог им вечного покоя!
А я... Уже недалеко я
от их заоблачной глуши.
Слабеет память, рвутся фото,
слова теряются, но что-то
ещё живёт на дне души.

За всё, что больше не вернётся,
всё, что стихами обернётся,
за путь мой пройденный земной –
спасибо вам, мои родные!
Я слышу – кони вороные
уже торопятся за мной...

АЛЕКСАНДР КУШНЕР

1936, Ленинград

***

Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
Большой пошлости на свете
Нет, чем кланчить и пенять.
Будто можно те на эти,
Как на рынке, поменять.

Что ни век, то век железный.
Но дымится сад чудесный,
Блещет тучка; я в пять лет
Должен был от скарлатины
Умереть, живи в невинный
Век, в котором горя нет.

Ты себя в счастливы прочишь,
А при Грозном жить не хочешь?
Не мечтаешь о чуме
Флорентийской и прокаже?
Хочешь ехать в первом классе,
А не в трюме, в полутьме?

Что ни век, то век железный.
Но дымится сад чудесный,

Блещет тучка; обниму
Век мой, рок мой на прощанье.
Время – это испытанье.
Не завидуй никому.

Крепко тесное объятье.
Время – кожа, а не платье.
Глубока его печать.
Словно с пальцев отпечатки,
С нас – его черты и складки,
Приглядевшись, можно взять.

1978

***

Придешь домой, шурша плащом,
Стирая дождь со щёк:
Таинственна ли жизнь ещё?
Таинственна ещё.

Не надо призраков, теней:
Темна и без того.
Ах, проза в ней ещё странней,
Таинственной всего.

Мне дорог жизни крупный план,
Неровности, озноб
И в ней увиденный изъян,
Как в сильный микроскоп.

Биолог скажет, винт кружа,
Что взгляда не отвести:
– Не знаю, есть ли в нас душа,
Но в клетке, – скажет, – есть.

И он тем более смущён,
Что в тайну посвящён.
Ну, значит, можно жить ещё.
Таинственна ещё.

Придёшь домой, рука в мелу,
Как будто подпирал
И эту ночь, и эту мглу,
И каменный портал.

Нас учат мрамор и гранит
Не поминать обид.
Но помнить, как листва летит
К ногам кариатид.

Как мир качается – держись!
Уж не листву ль со щёк
Смахнуть решили, сделав жизнь
Таинственной ещё?

1976

СКВОЗЬ НОЧЬ

Посчастливилось плыть по Оке, Оке
На речном пароходе сквозь ночь, сквозь ночь,
И, представь себе, пели по всей реке
Соловьи, как в любимых стихах точь-в-точь.

Я не знал, что такое возможно, мне
Представлялся фантазией до тех пор,
Поэтическим вымыслом, не вполне
Адекватным реальности, птичий хор.

До тех пор, но, наверное, с той поры,
Испытав потрясенье, поверил я,
Что иные, загробные, есть миры,
Что иные, загробные, есть края.

И, сказать ли, ещё из густых кустов
Ивняка, окаймлявших речной песок,
Долетали до слуха обрывки слов,
Женский смех, приглушённый мужской басок.

То есть голос мужской был, как мрак, басист,
И таинственней был женский смех, чем днём,
И, по здешнему счастью специалист,
Лучше ангелов я разбирался в нём.

А какой это был, я не помню, год,
И кого я в разлуке хотел забыть?
Назывался ли как-нибудь пароход,
«Композитором Скрябиным», может быть?

И на палубе, верно, была скамья,
И попутчики были – не помню их,
Только путь этот странный от соловья
К соловью и сверканье зарниц ночных!

2002

АЛЕКСЕЙ ЕРАНЦЕВ

1936, с. Павловское Алтайского края – 1972, Курган

СЛОВО

Он говорит на пальцах мне. Он лепит
Из воздуха слова. А речь смутна,
Как лепет листьев в тишине, как лепет
Ребёнка в жарком обмороке сна.
Мой голос напряжён. Вот-вот до хрипа
Дойдёт, сорвётся. Но в его глазах
Я словно ртом хватающая рыба:
Мы говорим на разных языках.
И между нами пустота пустая.
Но вот берёт сырую глину он,
Отбрасывает лишнее и ставит
Лепное слово на мою ладонь.
Лепное слово: буйный глаз олений,
Закинутые на спину рога,
И раздувает ноздри дух весенний,
И на рогах обрывок поводка.
И мысль его, как сон по корневищу,
Идёт в меня. Впервые на веку
Отчётливо глухонемого слышу,
Впервые отозваться не могу.

1951

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

1936, посёлок Емецк Архангельской области – 1971, Вологда

В МИНУТЫ МУЗЫКИ

В минуты музыки печальной
Я представляю жёлтый плёс,
И голос женщины прощальный,
И шум порывистых берёз,

И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей,
И путь без солнца, путь без веры
Гонимых снегом журавлей...

Давно душа блуждать устала
В былой любви, в былом хмелю,
Давно понять пора настала,
Что слишком призраки люблю.

Но всё равно в жилищах зыбких –
Попробуй их останови! –
Перекликаясь, плачут скрипки
О жёлтом плесе, о любви.

И всё равно под небом низким
Я вижу явственно, до слёз,
И жёлтый плёс, и голос близкий,
И шум порывистых берёз.

Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чём...
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чём.

1966

ТИХАЯ МОЯ РОДИНА

В. Белову

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

— Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу. —
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.

Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос.

Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...

Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.

Новый забор перед школою,
Тот же зелёный простор.
Словно ворона весёлая,
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!..
Время придёт уезжать –
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

1964

В ГОРНИЦЕ

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмёт ведро,
Молча принесёт воды...

Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догнёт совсем.

Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень.
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!

Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...

1965

ОТПЛЫТИЕ

Размытый путь. Кривые тополя.
Я слушал шум – была пора отлёта.
И вот я встал и вышел за ворота,
Где простирались жёлтые поля,

И вдаль пошёл... Вдали тоскливо пел
Гудок чужой земли, гудок разлуки!
Но, глядя вдаль и вслушиваясь в звуки,
Я ни о чём ещё не сожалел...

Была суровой пристань в поздний час.
Искрясь, во тьме горели папиросы,
И трап стонал, и хмурые матросы
Устало поторапливали нас.

И вдруг такой повеяло с полей
Тоской любви, тоской свиданий кратких!
Я уплывал... Всё дальше, без оглядки
На мглистый берег юности своей.

1967

***

Грустные мысли наводит порывистый ветер,
Грустно стоять одному у размытой дороги,
Кто-то по ельнику в сумерках едет и едет –
Позднее время – спешат запоздалые дроги.
Плачет звезда, холодея, над крышей сарая...
Вспомни – о родина! – праздник на этой дороге!
Шумной гурьбой под луной мы катались, играя,
Снег освещенный летел вороному под ноги.

Скачут ли свадьбы в глуши потрясенного бора,
Мчатся ли птицы, поднявшие крик над селеньем,
Льется ли чудное пение детского хора, –
О, моя жизнь! На душе не проходит волненье...
Нет, не кляню я мелькнувшую мимо удачу,
Нет, не жалею, что скоро пройдут пароходы.
Что ж я стою у размытой дороги и плачу?
Плачу о том, что прошли мои лучшие годы...

1970

ПОД ВЕТВЯМИ БОЛЬНИЧНЫХ БЕРЁЗ

Под ветвями плакучих деревьев
В чистых окнах больничных палат
Выткан весь из пурпуровых перьев
Для кого-то последний закат...
Вроде крепок, как свеженький овощ,
Человек, и легка его жизнь, –
Вдруг проносится «скорая помощь»,
И сирена кричит: «Расступись!»
Вот и я на больничном покое.

И такие мне речи поют,
Что грешно за участие такое
Не влюбиться в больничный уют!
В светлый вечер под музыку Грига
В тихой роще больничных берёз
Я бы умер, наверно, без крика,
Но не смог бы, наверно, без слёз...
Нет, не всё, – говорю, – пролетело!
Посильней мы и этой беды!
Значит, самое милое дело –
Это выпить немного воды,
Посвистеть на манер канарейки
И подумать о жизни всерьёз
На какой-нибудь старой скамейке
Под ветвями больничных берёз...

БЕЛЛА АХМАДУЛИНА

1937, Москва – 29 ноября 2010, посёлок Переделкино под Москвой

***

По улице моей который год
звучат шаги – мои друзья уходят.
Друзей моих медлительный уход
той темноте за окнами угоден.

Запущены моих друзей дела,
нет в их домах ни музыки, ни пенья,
и лишь, как прежде, девочки Дега
голубенькие оправляют перья.

Ну что ж, ну что ж, да не разбудит страх
вас, беззащитных, среди этой ночи.
К предательству таинственная страсть,
друзья мои, туманит ваши очи.

О одиночество, как твой характер крут!
Посверкивая циркулем железным,
как холодно ты замыкаешь круг,
не внемля увереньям бесполезным.

Так призови меня и награди!
Твой баловень, обласканный тобою,
утешусь, прислонясь к твоей груди,
умоюсь твоей стужей голубою.

Дай стать на цыпочки в твоём лесу,
на том конце замедленного жеста
найти листву, и поднести к лицу,
и ощутить сиротство, как блаженство.

Даруй мне тишь твоих библиотек,
твоих концертов строгие мотивы,
и – мудрая – я позабуду тех,
кто умерли или доселе живы.

И я познаю мудрость и печаль,
свой тайный смысл доверят мне предметы.
Природа, прислонясь к моим плечам,
объявит свои детские секреты.

И вот тогда – из слёз, из темноты,
из бедного невежества бывшего
друзей моих прекрасные черты
появятся и растворятся снова.

1959

ЗАКЛИНАНИЕ

Не плачьте обо мне – я проживу
счастливой нищей, доброй каторжанкой,
озябшею на севере южанкой,
чахоточной да злой петербуржанкой
на малярийном юге проживу.

Не плачьте обо мне – я проживу
той хромоножкой, вышедшей на паперть,
тем пьяницей, поникнувшим на скатерть,
и этим, что малюет Божью Матерь,
убогим богомазом проживу.

Не плачьте обо мне – я проживу
той грамоте наученной девчонкой,
которая в грядущести нечёткой
мои стихи, моей рыжея чёлкой,
как дура будет знать. Я проживу.

Не плачьте обо мне – я проживу
сестры помилосердней милосердной,
в военной бесшабашности предсмертной,
да под звездой моею и пресветлой
уж как-нибудь, а всё ж я проживу.

1968

ВЗОЙТИ НА СЦЕНУ

Пришла и говорю: как нынешнему снегу
легко лететь с небес в угоду февралю,
так мне в угоду вам легко взойти на сцену.
Не верьте мне, когда я это говорю.

О, мне не привыкать, мне не впервой, не внове
взять в кожу, как ожог, вниманье ваших глаз.
Мой голос, словно снег, вам упадет в ноги,
и он умрёт, как снег, и превратится в грязь.

Неможется! Нет сил! Я отвергаю участь
явиться на помост с больничной простыни.
Какой мороз во лбу! Какой в лопатках ужас!
О, кто-нибудь, приди и время растяни!

По грани роковой, по острию каната –
плясунья, так пляши, пока не сорвалась.
Я знаю, что умру, но я очнусь, как надо.
Так было всякий раз. Так будет в этот раз.

Исчерпана до дна пытливыми глазами,
на сведенье ушей я трачу жизнь свою.
Но тот, кто мной любим, всегда спокоен в зале.
Себя не сохраню, его не посрамлю.

Когда же я очнусь от суетного риска
неведомо зачем сводить себя на нет,
но скажет кто-нибудь: она была артистка,
и скажет кто-нибудь: она была поэт.

Измучена гортань кровотечением речи,
но весел мой прыжок из темноты кулис.
В одно лицо людей, всё явственней и резче,
сливаются черты прекрасных ваших лиц.

Я обращаю в поклон нерасторопность жеста.
Нисколько мне не жаль ни слов, ни мук моих.
Достанет ли их вам для малого блаженства?
Не навсегда прошу – но лишь на миг, на миг.

1973

***

Бьют часы, возвестившие осень:
тяжелее, чем в прошлом году,
ударяется яблоко оземь –
столько раз, сколько яблок в саду.

Этой музыкой, внятной и важной,
кто твердит, что часы не стоят?
Совершает поступок отважный,
но как будто бездействует сад.

Всё заметней в природе печальной
выражение любви и родства,
словно ты – не свидетель случайный,
а виновник её торжества.

1973

ЛЕВ ЛОСЕВ

1937, Ленинград – 2009, Ганновер, Нью-Гэмпшир, США

НАТЮРМОРТ С ФАМИЛИЯМИ

Ну, Петров, по фамилии Водкин,
а по имени просто Кузьма,
как так вышло? Выходит, я воткан
в этот холст. И наш холст, как зима,
без конца. Ежедневное выткан,
не пора ль отдохнуть нам. Кончай.
Много мы испытали напитков,
всё же лучшие – водка и чай.
Посидим, постепенно совея
от тепла и взаимных похвал.
Я ещё скатертей розовее,
стен синее не видывал.
В синем блюдечке пара лимонов,
желтоватость конверта. Кузьма,
что мне пишет мой друг Парамонов –
пожду, не открою письма,
погляжу на снежинок круженье
и на всё, что назвать не берусь,
хоть на миг отложив погруженье
в океан, окружающий Русь.

***

Спой ещё, Александр Похмельч,
я тебя на такси отвезу..
Разгулялась пузатая мелочь,
подвывает, пускает слезу.

Он не станет. Его не упросит
даже эта в шуршащем шелку.
Он себе одному преподносит
что осталось у нас коньяку.

Табака, коньяка и катара
прогулялся по горлу наждак.
В свой чехол заползает гитара.
Заграничный напялен пиджак.

Изучает на скатерти пятна
наш певец, и усат, и носат,
и уже никому не понятно,
что творилось минутою назад.

Не наполнится сердце любовью
и на подвиг нас не поведёт,
и тиран исторической бровью
истерически не поведёт.

Водка выпита. Песенка спета.
Мы поели того и сего.
Как привязчива музыка эта.
Но важнее, важнее всего —

нет, не юмор, не хитрое что-то,
не карманчики с фигой внутри —
просто дёрганье струн на три счёта:
раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три.

ЮННА МОРИЦ

1937, Киев

***

Когда мы были молодые
И чушь прекрасную несли,
Фонтаны били голубые
И розы красные росли.

В саду пиликало и пело –
Журчал ручей и цвёл овраг,
Черешни розовое тело
Горело в окнах, как маяк.

С тех пор прошло четыре лета.
Сады – не те, ручьи – не те.
Но живо откровенье это
Во всей священной простоте:

Когда мы были молодые
И чушь прекрасную несли,
Фонтаны били голубые
И розы красные росли.

Тетрадку дайте мне, тетрадку –
Чтоб этот мир запечатлеть,
Лазурь, сверканье, лихорадку!
Давясь от нежности, воспеть

Всё то, что душу очищало,
И освещало, и влекло,
И было с самого начала,
И впредь исчезнуть не могло;

Когда мы были молодые
И чужь прекрасную несли,
Фонтаны били голубые
И розы красные росли.

1968

СНЕГОПАД

Снега выпадают и денно и ночью,
Стремятся на землю, дома огибая.
По городу бродят и денно и ночью
Я, чёрная птица, и ты, голубая.

Над Ригой шумят, шелестят снегопады,
Утопи дороги, недвижны трамваи.
Сидят на перилах чугунной ограды
Я, чёрная птица, и ты, голубая.

В тумане, как в бане из вопля Феллини,
Плывут воспарения ада и рая,
Стирая реалии ликов и линий,
Я – чёрная птица, а ты – голубая.

Согласно прогнозу последних известий,
Неделю нам жить, во снегах утопая.

А в городе вести: скитаются вместе
Та, чёрная птица, и та, голубая.

Две птицы скитаются в зарослях белых,
Высокие горла в снегу выгибая.
Две птицы молчащих. Наверное, беглых!
Я – чёрная птица, и ты – голубая.

Качаются лампочки сторожевые,
Качаются дворники, снег выгребая.
Молчащие, беглые, полуживые,
Я – чёрная птица, и ты – голубая.

Снега, снегопады, великие снеги!
По самые горла в снегу утопая,
Бежали и бродят – ах, в кои-то веки –
Та, чёрная птица, и та, голубая.

1963

ОСЕННИЙ ЮГ

Как ветрено! Как неуютно!
От неба, где ярость огня,
Доносится ежеминутно
Остуда грядущего дня.

Сквозняк пробирает ущелья,
Над садом – холодная тень.
Прощайте, блаженство безделья
И ты, вдохновенная лень!

Ещё на неделю растянёт
Вино этот рай над людьми.
Магнолия дышит страстями,
Которые старше любви.

Ещё обойдёмся накидкой
Под ливнем — одной на двоих.
Опутан серебряной ниткой
Мускат, словно вымыслом — стих.

Но вымысел с правдой сличая,
Лимонный склоняется плод
Над чашкой грузинского чая,
Душе обещаю оплот.

У вымысла — всё обиходно,
В нём — смыслы, он прёт на рожон.
Как ветрено! Как превосходно!
Как пасмурно! Как хорошо!

Под струями ливня с вокзала
Отъедет полночный состав,
Чтоб тайну во мне указала
Душа, за окошком привстав.

1965

СОЛО НА ТРУБЕ

Узел молний свивается туго,
Раскаляется трубная медь.
Чтобы ангельский голос оттуда
Нас оплакать хотел и воспеть.
Это наше священное право –
Остро, вечно нуждаться в любви,
Чтобы ангел светился и плавал
Над тобой, как над всеми людьми.

В лабиринты магической меди
Дует огненно-чёрный трубач.
Он подобен горящей комете,
Извергающей пеньё и плач:
Это наше священное право –
Остро, вечно нуждаться в любви.
Чтобы ангел светился и плавал
Над тобой, как над всеми людьми!

Пламя белое, звёздная пена
Вихри вьют на висках трубача,
Плачет кровь и поёт, как сирена,
Во вселенское ухо журча:
Это наше священное право –
Остро, вечно нуждаться в любви.
Чтобы ангел светился и плавал
Над тобой, как над всеми людьми.

Нет нам счастья без этой корысти —
Без любви, разделённой на всех!
Музыканта лиловые кисти
Пахнут медью, как воздухом снег.
Он слюну из трубы выливает,
Отрывая мундштук от губы
И пленительный блюз напевает,
Выливая слюну из трубы.

И пленительный блюз напевает
Его ангел, летящий домой,
И на Млечном Пути оставляет
След, похожий на негра с трубой.

1979

ГЕННАДИЙ ШПАЛИКОВ

---

*1937, Сегежа, Карельская АССР –
1974, посёлок Переделкино под Москвой*

***

Городок провинциальный,
Летняя жара,
На площадке танцевальной
Музыка с утра.

Рио-рита, рио-рита,
Вертится фокстрот,
На площадке танцевальной
Сорок первый год.

Ничего, что немцы в Польше,
Но сильна страна,
Через месяц – и не больше –
Кончится война.

Рио-рита, рио-рита,
Вертится фокстрот,
На площадке танцевальной
Сорок первый год.

1971

ГЕННАДИЙ РУСАКОВ

1938, село Ново-Гольское Воронежской области

***

Майн Рид, корсары, прерия, погони.
И жизнь-копьё, готовое на вброс —
туда, где ходят женщины и кони,
потряхивая гривами волос.

Ужель то я?.. Ещё не читан Бабель,
ещё не переписан такелаж.
Ещё судьба не выставлена в табель —
столетье только-только входит в раж.

А те мертвы, кто были и жалели.
А те умрут, кто встретят и простят.
А за окном самары отболели.
И ржавые акации летят.

Уже и я вернулся из погони.
А по земле сегодня, как вчера,
всё так же ходят женщины и кони.
И в окна бьют продольные ветра.

***

В моей стране готовится июль,
который я не вспомню без подсказки.
Картавят козы, ветер лезет в куль.
И слышен гомон транспортной развязки.

В моей стране всегда кого-то ждут.
Кому-то верят, а потом стреляют.
В сырую землю бережно кладут.
И хлеб на стопке мёртвым оставляют.

ОЛЕГ ЧУХОНЦЕВ

1938, Павловский Посад Московской области

***

Я из тёмной провинции странник,
из холопского званья перехожий.
И куда мне, хожалому, податься?
А куда глаза глядят, восвояси.

Я хлебнул этой жизни непутёвой,
отравил душу пойлом непотребным
и давно бы махнул на всё рукою,
каб не стыд перед Материю Божией.

Вот бреду, а Она-то всё видит,
спотыкаюсь, а Она-то всё знает,
и верёвочке куда бы ни виться,
всё кабак мне выходит да кутузка.

Ах, не этой земли я окаянной,
не из этой юдоли басурманской,
а из той я стороны палестинской,
из нечаемой страны херувимской.

Я худой был на земле богомолец,
скоморошьих перезвон колоколец
больше звонов я любил колокольных,
не молитвы сотворял, а погудки.

Есть на белой горе белый город,
о́кружённый раскалёнными песками.
Есть в том городе храм золотоголовый,
а внутри прохладная пещера.

Я пойду туда, неслух, повиниться,
перед храмом в пыль-песок повалиться,
перед храмом, перед самым порогом:
не суди меня, Господь, судом строгим,

а суди, Господь, судом милосердным,
как разбойника прости и помилуй,
и порог я перейду Твоего храма
и поставлю две свечи у пещеры.

ДЕЛЬВИГ

*Из трубки я выдул сгоревший табак,
Вдохнул и на брови надвинул колтак.*

А. Дельвиг

В табачном дыму, в полуночной тоске
сидит он с погасшею трубкой в руке.

Смиранный пропойца, набитый байбак,
сидит, выдувая сгоревший табак.

Прекрасное время – ни дел, ни забот,
петух, слава Богу, ещё не клюёт.

Друзья? Им пока не пришёл ещё срок –
трястись по ухабам казённых дорог.

Любовь? Ей пока не гремел бубенец,
с поминок супруга – опять под венец.

Век минет, и даром его не труди,
ведь страшно подумать, что ждёт впереди.

И честь вымирает, как парусный флот,
и рыба в каналах вверх брюхом гниёт.

Жизнь канет, и даром себя не морочь.
А ночь повторяется – каждую ночь!

Прекрасное время! Питух и байбак,
я тоже надвину дурацкий колпак,

подсяду с набитою трубкой к окну
и сам не замечу, как тихо вздохну.

Творец, ты бессмертный огонь сотворил:
он выкурил трубку, а я закурил.

За что же над нами два века подряд
в ночах близорукие звёзды горят?

Зачем же над нами до самой зари
в ночах близоруко горят фонари?

Сидит мой двойник в полуночной тоске.
Холодная трубка в холодной руке.

И рад бы стараться – да нечем помочь,
уж больно долга петербургская ночь.

***

Робея, сама прибежала,
накидку смахнула рывком
и, волосы взбив как попало,
осыпала талым снежком.

А плечи так жарки до дрожи,
так мокро топорщится ворс,
что только ознобом по коже
и страшно, что это всерьёз!

Ах, радость моя, успокойся.
К чему наводить марафет?
Присядем. Не бойся, не бойся.
Как зябко! И выключим свет.

О чём ты? Как доводы долги.
Как руки твои холодны.
Не надо, не надо о долге –
мы только любимым должны.

Да ладно, сочтёмся со всеми.
Скорей же! – я сам без ума.
Скорей! – и колени в колени,
и сердце у горла, и тьма.

...А там, за тяжёлою шторой,
где в соснах стоит Орион,
протяжно торопится скорый,
влача за вагоном вагон.

Он буфером буфер толкает,
динамо-машиной гремит,
стрекочет, стучит, громыхает,
спешит, затихает, скрипит...

А наша с тобою дорога –
навстречу да в две колеи.
Ты плачешь? Прости, ради Бога!
Я руки целую твои.

Ты плачешь? Не мучься обманом,
смотри, как счастливо горит
на пальце твоём безымянном
болезненный камень нефрит.

И так хорошо, что мы рядом,
что тёмен случайный ночлег
и ночь шелестит снегопадом,
и только и свету что снег...

***

Заплачет иволга и зацветёт жасмин.
И догадаешься: ты в мире не один.

Так тишь колодезна. Так ведро глубоко.
Гроза промчалась – и прокисло молоко.

И дуб струящийся, вобравший небосвод,
как конь от мух, листвою нижнею прядёт.

Живи как можется, вдыхай до ломоты
озон жасминовый и банный дух тщеты!

Тебе ли не было отпущено с лихвой?
Так слушай: иволга кричит над головой...

***

Как торопится жизнь! Не вчера ли
ветки торкались в изморозь рам,
а сегодня уже разметали
брачный пух по зелёным дворам.

– Горько! Горько! – и в пьяном веселье
чья-то свадьба колотит горшки.

– Горько! Горько! – ещё на похмелье
желчь измены и горечь тоски.

Ну да что! В этом мире цветущем
так легко на душе, так светло,
что не хочется знать о грядущем
или думать о том, что прошло.

Хороша эта жадная воля –
не загадывать век наперёд,
всё теперь – и любовь, и застолье,
потому что и это пройдёт.

Потому что скорбям и удачам
счёт один. И как древний собрат
говорю вам: я тленьем охвачен,
но в груди моей чувства кипят!

***

А берёзова кукушечка зимой не куковат.
Стал я на ухо, наверно, и на память глуховат.
Ничего опричь молитвы и не помню, окромя:
Мати Божия, Заступнице в скорбех, помилуй мя.

В школу шёл, вальки стучали на реке, и в лад валькам
я сапожками подкованными тукал по мосткам.
Инвалид на чём-то струнном тренькал-бренькал у реки,
всё хотел попасть в мелодию, да, видно, не с руки,

потому что жизнь копейка, да и та коту под зад,
потому что с самолёта пересел на самокат,
молодость ли виновата, мессершмит ли, медсанбат,
а берёзова кукушечка зимой не куковат.

По мосткам, по белым доскам в школу шёл, а рядом шла
жизнь какая-никакая, и мать-мачеха цвела,
где чинили палисадник, где копали огород,
а киномеханик Гулин на бегу решал кроссворд,

а наставник музыкальный Тадэ, слывший силачом,
нёс футляр, но не с баяном, как всегда, а с кирпичом,
и отнюдь не ради тела, а живого духа для,
чтоб дрожала атмосфера в опусе «Полёт шмеля».

Участь! вот она – бок о бок жить и состояться тут.
Нас потом поодиночке всех в березнячок свезут,
и кукушка прокукует и в глухой умолкнет час...
Мати Божия, Заступнице, в скорбех помилуй нас.

ИОСИФ БРОДСКИЙ

1940, Ленинград – 1996, Нью-Йорк

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РОМАНС

Жене Рейну, с любовью

Плывёт в тоске необъяснимой
среди кирпичного насада
ночной кораблик негасимый
из Александровского сада.
Ночной кораблик нелюдимый,
на розу жёлтую похожий,
над головой своих любимых,
у ног прохожих.

Плывёт в тоске необъяснимой
пчелиный хор сомнамбул, пьяниц.
В ночной столице фотоснимок
печально сделал иностранец,
и выезжает на Ордынку
такси с больными седоками,
и мертвецы стоят в обнимку
с особняками.

Плывёт в тоске необъяснимой
певец печальный по столице,
стоит у лавки керосинной
печальный дворник круглолицый,

спешит по улице невзрачной
любовник старый и красивый,
полночный поезд новобрачный
плывёт в тоске необъяснимой.

Плывёт в тоске замоскворецкой
пловец в несчастье случайный,
блуждает выговор еврейский
по жёлтой лестнице печальной,
и от любви до невеселья,
под Новый год, под воскресенье,
плывёт красotka записная,
своей тоски не объясняя.

Плывёт в глазах холодный вечер,
дрожат снежинки на вагоне,
морозный ветер, бледный ветер,
обтянет красные ладони,
и льётся мёд огней вечерних,
и пахнет сладкою халвою,
ночной пирог несёт сочельник
над головою.

Твой Новый год по тёмно-синей
волне среди моря городского
плывёт в тоске необъяснимой,
как будто жизнь начнётся снова,
как будто будут свет и слава,
удачный день и вдоволь хлеба,
как будто жизнь качнётся вправо,
качнувшись влево.

28 декабря 1961

***

Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.
На Васильевский остров
я приду умирать.
Твой фасад тёмно-синий
я впотьмах не найду
между выцветших линий
на асфальт упаду.

И душа, неустанно
поспешая во тьму,
промелькнёт над мостами
в петроградском дыму,
и апрельская морось,
над затылком снежок,
и услышу я голос:
— До свиданья, дружок.

И увижу две жизни
далеко за рекой,
к равнодушной отчизне
прижимаясь щекой,
— словно девочки-сёстры
из непрожитых лет,
выбегая на остров,
машут мальчику вслед.

1962

СТАНСЫ ГОРОДУ

Да не будет дано умереть мне вдали от тебя,
в голубиных горах, кривоногому мальчику вторя.
Да не будет дано и тебе, облака торопя,
в темноте увидеть мои слёзы и жалкое горе.

Пусть меня отпоёт хор воды и небес, и гранит
пусть обнимет меня, пусть поглотит, мой шаг вспоминая,
пусть меня отпоёт, пусть меня, беглеца, осенит
белой ночью твоя неподвижная слава земная.

Всё умолкнет вокруг, только чёрный буксир закричит
посредине реки, иступленно борясь с темнотою,
и летящая ночь эту бедную жизнь обручит
с красотою твоей и с посмертной моей правотою.

2 июня 1962

***

В деревне Бог живёт не по углам,
как думают насмешники, а всюду.
Он освящает кровлю и посуду
и честно двери делит пополам.
В деревне Он – в избытке. В чугуне
Он варит по субботам чечевицу,
приплясывает сонно на огне,
подмигивает мне, как очевидцу.
Он изгороди ставит. Выдаёт
девицу за лесничего. И в шутку
устраивает вечный недолёт
объездчику, стреляющему в утку.

Возможность же всё это наблюдать,
к осеннему прислушиваясь свисту,
единственная, в общем, благодать,
доступная в деревне атеисту.

1964

ПИСЬМА РИМСКОМУ ДРУГУ

Из Марциала

*

Нынче ветрено и волны с перехлёстом.
Скоро осень, всё изменится в округе.
Смена красок этих трогательней, Постум,
чем наряда перемены у подруги.

Дева тешит до известного предела –
дальше локтя не пойдёшь или колена.
Сколь же радостней прекрасное вне тела:
ни объятье невозможно, ни измена!

*

Посылаю тебе, Постум, эти книги.
Что в столице? Мягко стелют? Спать не жёстко?
Как там Цезарь? Чем он занят? Всё интриги?
Всё интриги, вероятно, да обжорство.

Я сижу в своём саду, горит светильник.
Ни подруги, ни прислуги, ни знакомых.
Вместо слабых мира этого и сильных –
лишь согласное гуденье насекомых.

*

Здесь лежит купец из Азии. Толковым
был купцом он – деловит, но незаметен.
Умер быстро: лихорадка. По торговым
он делам сюда приплыл, а не за этим.

Рядом с ним – легионер, под грубым кварцем.
Он в сражениях Империю прославил.
Столько раз могли убить! а умер старцем.
Даже здесь не существует, Постум, правил.

*

Пусть и вправду, Постум, курица не птица,
но с куриными мозгамихватишь горя.
Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря.

И от Цезаря далёко, и от вьюги.
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.
Говоришь, что все наместники – ворюги?
Но ворюга мне милей, чем кровопийца.

*

Этот ливень переждать с тобой, гетера,
я согласен, но давай-ка без торговли:

братъ сестерций с покрывающего тела
всё равно, что дранку требовать у кровли.

Протекаю, говоришь? Но где же лужа?
Чтобы лужу оставлял я, не бывало.
Вот найдёшь себе какого-нибудь мужа,
он и будет протекать на покрывало.

*

Вот и прожили мы больше половины.
Как сказал мне старый раб перед таверной:
«Мы, оглядываясь, видим лишь руины».
Взгляд, конечно, очень варварский, но верный.

Был в горах. Сейчас вожусь с большим букетом.
Разыщу большой кувшин, воды налью им...
Как там в Ливии, мой Постум, – или где там?
Неужели до сих пор ещё воюем?

*

Помнишь, Постум, у наместника сестрица?
Худощавая, но с полными ногами.
Ты с ней спал ещё... Недавно стала жрица.
Жрица, Постум, и общается с богами.

Приезжай, попьём вина, закусим хлебом.
Или сливами. Расскажешь мне известья.
Постелю тебе в саду под чистым небом
и скажу, как называются созвездья.

*

Скоро, Постум, друг твой, любящий сложенье,
долг свой давний вычитанию заплатит.
Забери из-под подушки сбереженья,
там немного, но на похороны хватит.

Поезжай на вороной своей кобыле
в дом гетер под городскую нашу стену.
Дай им цену, за которую любили,
чтоб за ту же и оплакивали цену.

*

Зелень лавра, доходящая до дрожи.
Дверь распахнутая, пыльное оконце.
Стул покинутый, оставленное ложе.
Ткань, впитавшая полуденное солнце.

Понт шумит за чёрной изгородью пиний.
Чьё-то судно с ветром борется у мыса.
На разохшейся скамейке – Старший Плиний.
Дрозд щебечет в шевелюре кипариса.

Март 1972

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ

---

*1941, станция Ленинградская, Краснодарский край –
2003, Москва*

АТОМНАЯ СКАЗКА

Эту сказку счастливую слышал
Я уже на теперешний лад,
Как Иванушка во поле вышел
И стрелу запустил наугад.

Он пошёл в направленье полёта
По серебристому следу судьбы.
И попал он к лягушке в болото,
За три моря от отчей избы.

– Пригодится на правое дело! –
Положил он лягушку в платок.
Вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток.

В долгих муках она умирала,
В каждой жилке стучали века.
И улыбка познания играла
На счастливом лице дурака.

2 февраля 1968

***

Завижу ли облако в небе высоком,
Примечу ли дерево в поле широком, —
Одно уплывает, одно засыхает..
А ветер гудит и тоску нагоняет.
Что вечного нету — что чистого нету.
Пошёл я шататься по белому свету.
Но русскому сердцу везде одиноко..
И поле широко, и небо высоко.

1970

ДЕРЕВЯННЫЕ БОГИ

Идут деревянные боги,
Скрипя, как великий покой.
За ними бредет по дороге
Солдат с деревянной ногой.

Не видит ни их, ни России
Солдат об одном сапоге.
И слушает скрипы глухие
В своей деревянной ноге.

Солдат потерял свою ногу
В бою среди белого дня.
И вырубил новую ногу
Из старого тёмного пня.

Он слушает скрипы пространства,
Он слушает скрипы веков.
Голодный огонь христианства
Пожрал деревянных богов.

Мы раньше молились не Богу,
А пню среди тёмного дня.
Он вырубил новую ногу
Из этого старого пня.

Бредёт и скрипит по дороге
Солдат об одном сапоге.
Скрипят деревянные боги
В его деревянной ноге.

Скрипят деревянные вздохи,
Труху по дороге метут.
Народ разбегается в страхе.
А боги идут и идут.

По старой разбитой дороге
В неведомый тёмный конец
Идут деревянные боги.
Когда же пройдут наконец?..

Прошли деревянные боги,
Прошли на великий покой.
Остался один на дороге
Солдат с деревянной ногой.

2003

АЛЕКСАНДР ВОЛОВИК

1942, Сорочинск Оренбургской области

БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР

Безделушечный мастер работает тонко и трезво.
Совершенство в безделке даётся трудом и трудом.
И бренчит в его ранце не маршальский титул маэстро,
а предметы попроще: палитра, блокнот, метроном.

Безделушечный мастер совсем не безделками занят.
Он творенье своё для проверки выносит на свет.
Проверяет на глаз: не сверкнёт ли восторга слезами.
Проверяет на слух: зазвенит, или, может быть, нет?

Он собой недоволен и правит в работе изъяны:
то акцент переставит, то охры добавит в сурьму,
то бравурное forte заменит на робкое piano...
Вот бессмысленный труд! Он и нужен ему одному.

Но гармонию выверив замысла гибким лекалом,
из властителей мира лишь ей подчинён и не чужд,
он свободен смеяться и видеть великое малым,
и общественный скепсис для личных использовать нужд.

И когда он в отделке безделки достигнет предела,
завершив не разменный на зло и добро сувенир –
пусть останется чёрное чёрным и белое белым.
Что он, в сущности, миру, и что ему, в сущности, мир!

Он работу закончил. Дальнейшее, в общем, известно.
Отодвинут блокнот и уложен в футляр метроном.
И, промыв скипидаром палитру, вздыхает маэстро
и торопится к двери – пока не закрыт гастроном.

ИЛЬЯ ФАЛИКОВ

1942, Владивосток

***

Немецких кладбищ в Казахстане увижу вымытый гранит,
Отмечу это в ресторане с душой, она всегда горит,
Глотая новые поленья, дабы до утренней звезды
Спокойно спали поколенья в окрестностях Караганды, –
Проснусь, Шолпан* моя не в духе: под утро три часа подряд
В шубейках плисовых старухи на чистом дойче говорят,
А я-то думал: эту бабку и эту бабку видел там,
Где вы с меня сорвали шапку, когда я ползал по кустам
В киношной тьме, когда калина цвела не в поле у ручья,
А где «Падение Берлина» происходило в три ручья
От радости.
Посею шапку на свадьбе Марты с Абдуллой.
Во сне башку засуну в топку: нет шапки – голова долой,
Но я в Карелию поеду, погост увижу в Повенце,
Опухшерожую Победу в терновом пропитом венце,
В медвежьегорском книготорге «Цветы» Жигулина возьму,
Не восприму стиха, в восторге проклявшего свою тюрьму,
А там века затеют козни, и Пётр потребует хвалу,
И на руинах царской кузни ищу остывшую золу, –

---

* Венера и женское имя (тюрк.)

Куёт кузнец, сверкая горном с вершины взятой высоты,
И в ресторане забугорном цветут полярные цветы,
Но не огонь глотаю, кстати, и не слезу глотаю, чай,
Глотаю кофе в Куфферате, лугов густо-зелёный чай,
А в Казахстане – буду снова, убогую покину Русь
И в качестве орла степного на скифской бабе отосплюсь.

ПАТРИАРШИЕ ПРУДЫ

Топай на пруды. Не спится сутками –
отоспись с открытыми глазами:
эти конькобежцы станут утками
по весне и даже лебедями.
Эти дети! Утренние отроки,
розовеющие непорочно.
Вот и мы на воле, сучьи потрохи,
выросли условно и досрочно.

Эта воля пахнет уголовщиной,
коноплёй, растленьем малолеток.
Помечтали? Стали новой общиной?
Въехали в театр марионеток.
Ухаться с небес, ломая лопасти,
хлопаться на льду – лежи и пухни,
вляпаться в историю и влопаться
в нимфу с тесаком на общей кухне.

Но, покуда носятся по ломаным
линиям весёлые ребята,

не скрипи, старик, ребром поломанным —
не смехи крыловского примата.
В деревьях, над птицами опавшими,
хорошо слышна музычка эта
пробегающей над Патриаршими
первой скрипке некого квартета.

Блеском от ладош её надраенных
звук идёт, не стоящий ни цента, —
отдаётся где-то на окраинах
голос исторического центра.
Баю-баю, милый, топай баиньки.
На халяву стопку опрокинуть,
в омут кануть, кокнуться на «боинге»
или на катке коньки откинуть.

МИХАИЛ ВИШНЯКОВ

1945, село Сухайтуй Читинской области – 2008, Чита

ТОЛЬКО БЫ ДАЛЬ ОТОЗВАЛАСЬ ДАЛЁКАЯ

Только бы даль отзывалась далёкая.
Только бы высь открывалась высокая.

Только бы солнце России в лицо.
Только бы внук выбегал на крыльцо.

Много ли надо мне, старость обычная?
Личная воля да книга приличная.

Русская жизнь с огоньками в ночи,
Где отыскились от света ключи.

Письма друзей с откровенными строчками.
Ясь и мерцающий разум над точками.

Почта в Читу ещё ходит пока.
Жизнь коротка. Потому велика.

***

Русским быть – всегда в горящем танке,
под прицелом рока и судьбы.
Плач и клич. Любовь на полустанке.
Ранний гул работы и гульбы.
Русским быть – поставить резкий прочерк
в той графе, где счастье и покой.
Ветер встречный, северо-восточный.
Мир такой и человек такой.
Крестный путь пройти и поклониться
синь-реке с зовущей глубиной.
Мой поклон вам: утро, поле, птицы.
Русский путь небесный и земной.

ВЛАДИМИР АЛЕЙНИКОВ

1946, г. Молотов (ныне Пермь)

***

Когда в провинции болеют тополя,
И свет погас, и форточку открыли,
Я буду жить, где провода в полях
И ласточек надломленные крылья;
Я буду жить в провинции, где март,
Где в колее надломленные льдинки
Слегка звенят, но, если и звенят,
Им вторит только облачко над рынком;
Где воробьи и сторожихи спят,
И старые стихи мои мольбою
В том самом старом домике звучат,
Где голуби приклеены к обоям;
Я буду жить, пока растает снег,
Пока стихи не дочитают тихо,
Пока живут и плачутся во сне
Усталые большие сторожихи;
Пока обледенели провода,
Пока друзья живут – и нет любимой,
Пока не тает в мартовских садах
Тот неизменный, потаённый иней;
Покуда жилки тлеют на висках,
Покуда небо не сравнить с землёю,

Покуда грусть в протянутых руках
Не подарить — я ничего не стою;
Я буду жить, пока живёт земля,
Где свет погас и форточку открыли,
Когда в провинции болеют тополя
И ласточек надломленные крылья.

1964

МИХАИЛ ПРОБАТОВ

1946, Москва

***

Я слушал канон покаянный,
И путь свой измерил земной,
И молодость гостьей незваной
Пришла посчитаться со мной.

Я вспомнил: безумного марта
Бессонные ночи близки.
И в кубрике режутся в карты
И пьют до утра моряки.

И я эту чашу позора
До капли последней допью,
И руки пропойцы и вора
Тасуют колоду мою.

Забудешь – а память догонит,
Тебе не простит ничего.
...И потные чьи-то ладони
Коснулись лица моего.

И всё повторилось сначала.
Я вспомнил Великим Постом,
Как женщина страшно рычала,
Распятая в койке крестом.

Я вспомнил – и всё, что там было,
До смерти осталось со мной.
Гармошка охрипшая выла
Про пенистый след за кормой...

А встать бы мне утречком ясным,
Пойти бы по свету с сумой...
Напрасно, напрасно, напрасно
Старушка ждёт сына домой!

***

Колотит ещё моё сильное сердце,
Ещё далеко до беды.
Чайку бы попить, да у печки согреться,
Да тихо вздохнуть и кругом оглядеться –
Нет! Снегом заносит следы.

Пойдут поезда, с перестуком и стоном
На стали морозной звеня.
Сойдутся в картишки сыграть по вагонам
И карты сдадут без меня...

Куда тебя гонит, и сам ты откуда?
Какого ты ждёшь окаянного чуда?
Куда ты всё рвёшься уйти?
Я сам по себе, и живу я не худо,
Да жаль мне бездомного, пьяного люда,
А грешен во многом – прости!

Чего ты боишься? Бывало построже,
Покруче у нас на Руси.
Садись на углу, да укройся рогожей,
А как подвернётся весёлый прохожий,
На водку трояк попроси.

По дальним пойдут поезда перегонам,
И что ни могила – верста.
По гулким, братишка, железным вагонам,
И песню старинную с матом и стоном,
И хлебушка, ради Христа!

***

Тоска высокая, да небо низкое.
А знаешь русскую судьбу мою?
Брусника сладкая, а клюква кислая,
Любовь далёкая, разлука близкая,
А водка горькая в моём краю...

ГАЛИНА КЛИМОВА

1947, Москва

***

Когда я не была твоей женой,
кремлёвскою с бойницами стеной,
когда провинциальна и бедна,
в пальто из уценённых промтоваров
шла из «Некрасовки» под Новый год одна,
перебирая лужи вдоль бульваров,
читала вслух «Нет мест в кафе»,—
как внутренний приказ к аутодафе.

Когда я не была твоей женой,
твоей гражданской маленькой войной,
смотрела в мир через двойные рамы
хрущёвской оттепели узкого окна,
уже ждала как мужняя жена
все поезда твои, шаги и телеграммы.

Когда я не была твоей женой,
в той жизни, что с повадкой иной,
известной, как партийный многотомник,
мы так любили звательный падеж
и площадь, где конём стоит Манеж,
и город — шумной радости питомник,
крещённый и слезами, и водой,
когда я не была твоей вдовой.

2004

ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ

1947, Рыбинск

ТАЙНА

Дом побелённый, недавно построенный,
за ночь оттаял совсем.
Вид на деревья за рамой раздвоенной
должен понравиться всем.

Горькие вдохи дымка сигаретного,
что это было тогда —
Тушино, Стрешнево или Медведково —
вам не узнать никогда.

Ведь и помыслить не можно, а в случае
мыслей тяжёлых, как крест,
нервы задёргают, совесть замучает,
внутренний голос заест.

Это самую судьбой засекречено,
нам ли идти напролом.
Это ещё и теперь не залечено
в чьём-нибудь сердце живом.

Больше ни слова, слезами согретого,
хватит и так за глаза.
Что вам до тайн моих — с вас и без этого
можно писать образа.

1971

Из стихотворения
ОСЕНЬ-39

Ржою оранжевой, хною лиловою
осень посыпалась на бестолковую,
то бишь повинную.
Тлеют отвесные
пламени тесные
рощи купинные.

Крепко за горло берёт меня русское
чувство шестое; в игольное, узкое,
сердце, ушко проскользни,
точно летучий отряд кавалерии
под парусами хоругвей в преддверии
междоусобной резни.

Озолотились холмы с перелесками,
то ж и леса с паутинными лесками.
И пропускает лучи
с ветхой каймою рядом прорежённое,
в это мгновение преображённое
благословенной парчи.

.....

Будто кто выдернул волос из темени:
стал я одним из лощёного племени
чтущих копейку
да поминающих из молодечества,
как пробирала музыка отечества
сквозь телогрейку.

Тело родное, земля, не трофейное,
ты не взяла моё — дело семейное,
главное: слово.
Шавка заштатная, это прознавшая,
враг замолкает, дотоле брехавшая
вслед бестолково.

АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

1947, Украина, Станислав (ныне Ивано-Франковск)

***

Я мечтал подружиться с совой, но, увы,
Никогда я на воле не видел совы,
Не сходя с городской карусели.
И хоть память моя оплыла, как свеча,
Я запомнил, что ходики в виде сыча
Над столом моим в детстве висели.

Я пытался мышам навязаться в друзья,
Я к ним в гости, как равный, ходил без ружья,
Но хозяева были в отъезде,
И, когда я в ангине лежал, не дыша,
Мне совали в постель надувного мыша
Со свистком в неожиданном месте.

Я ходил в зоопарк посмотреть на зверей,
Застывал истуканом у дачных дверей,
Где сороки в потёмках трещали,
Но из летнего леса мне хмурилась вновь
Деревянная жизнь, порошковая кровь,
Бесполезная дружба с вещами.

Отвинчу я усталую голову прочь,
Побросаю колёсики в дачную ночь
И свистульку из задницы выну,
Чтоб шептали мне мыши живые слова,
Чтоб военную песню мне пела сова,
Как большому, но глупому сыну.

ВАСИЛИЙ ПРИГОДИЧ

1948, Берлин – 2009, Санкт-Петербург

***

..И в обморочном зыбком помраченье
Звенела жизнь, как мерная строка...
И я хотел сложить стихотворенье
И в нём тебя оставить на века.

Ты не умрёшь, горенья плоти тленной
Ты убежишь, печальна и светла...
Чтоб растопить предвечный лёд вселенной,
Достанет животворного тепла.

Я, сумасшедший, гаер и мечтатель,
Житейский геометр и рифмоплёт,
Клянусь, что мой негаданный читатель
Нас вспомнит, содрогнётся и поймёт.

И, отложив стихов нелепых томик,
В которых я, как слон, посуду бил,
Подумает: какой был автор комик,
И как он эту женщину любил.

Я не виновен: не дал Бог таланта...
Натужно слёзы крокодильи лью.
Люблю тебя, как любят эмигранты
Двоящуюся родину свою.

Я бросил стыд, смирение и гордыню
В упавший с неба яростный огонь,
Поцеловав надменную рабыню
В мартышечью, но властную ладонь.

БАХЫТ КЕНЖЕЕВ

1950, Чимкент

***

Не убий, учили, не спи, не лги,
Я который год раздаю долги,
Но мешает давний один должок —
Милицейский город, сырой снежок.

Что ещё в испарине тех времён?
Был студент речист, не весьма умён,
Наряжался рыжим на карнавал,
По подъездам барышень целовал.

Хорошо безусому по Руси
Милицейской ночью лететь в такси.
Тормознёт — и лбом саданёшь в стекло,
А очнёшься — вдруг двадцать лет прошло.

Я тогда любил говорящих «нет»
За капризный взгляд, ненаглядный свет,
Просыпалась жизнь, ноготком стуча,
Музыкальным ларчиком без ключа.

Я забыл, как звали моих подруг,
Дальнозорок сделался, близорук,
Да и ты ослепла почти, душа,
В поездах простуженных мельтеша.

Наклонюсь к стеклу, прислонюсь тесней.
Двадцать лет прошло, словно двадцать дней.
Дервянной лесенкой – мышь да ложь.
Поневоле слёзное запоёшь.

Голосит разлука, горчит звезда,
Я давно люблю говорящих «да»,
Всё-то мнится – сердце сквозь даль и лёд
Колокольным деревом прорастёт.

А должок остался, на два глотка,
И записка мокрая коротка –
Засмолим в бутылку воды морской,
Той воды морской пополам с тоской.

Чтобы сны устроили свой парад,
Телефонный мучая аппарат,
Чтобы слаще выплеснуться виной –
Незабвенной, яблочной, наливной...

***

После пьянки в смоленской землянке –
рядовым, а не спецпоселенцем –
Дэзик Кауфман в потёртой ушанке
курит «Приму» у входа в Освенцим.
Керосинка. Сгоревшая гренка.
Зарифмованным голосом мглистым
несравненная Анна Горенко
шлёт проклятье империалистам.

«Нет, режим у нас всё-таки свинский».
«Но и Борькин романчик – прескверный».
Честный Слуцкий
и мудрый Сельвинский
«Жигулёвское» пьют у цистерны.
И, брезгливо косясь на парашу,
кое-как примостившись у стенки,
тихо кушает пшённую кашу
постаревший подросток Савенко.
Штык надёжен, а пуля – дура.
Так и бродим родимым краем,
что российскую литературу –
а другой, к сожалению, не знаем.
А другой, к сожалению, не смеем.
Так держаться – металлом усталым.
Так бежать – за воздушным ли змеем,
за вечерним ли облаком алым...

МИХАИЛ АНИЩЕНКО

1950, Куйбышев, ныне Самара

НЕ ЗА ТО...

Не смотри, не смотри ты вослед журавлю,
Не грусти у ночного порога...
Всё равно я тебя больше жизни люблю,
Больше Родины, неба и Бога!

Возле мокрых заборов, соломы и слег
Я люблю тебя тихо и нежно –
Не за то, не за то, что, как дождик и снег,
Ты была на земле неизбежна.

Не за то, что сгорала со мною дотла
И неслышно в сторонке дышала,
А за то, что всё время со мною была,
И как смерть – мне ни в чём не мешала!

НЕБО

Скучно скитаться по датам,
Позднюю славу блюсти...
Есть куда тучам податься,
Некуда небу пойти.

Лошадь по улице скачет,
Девочка машет рукой.
Но не смеется, не плачет,
Домик над черной Окой.

Скоро запечье остынет,
Тени в ночи загалдят,
Пол превратится в пустыню,
Стены листвой зашумят.

Выйдет луна из тумана,
Даль на пороге зевнет.
Спросит прохожая дама:
– Кто в этом доме живет?

Скажет соседка в халате:
– Глухая птица! Лети!
Небо лежит на кровати,
Некуда небу пойти!»

Я ВОДУ НОШУ

Я воду ношу, раздвигая сугробы.
Мне воду носить всё трудней и трудней.
Но как бы ни стало и ни было чтобы,
Я буду носить её милой моей.

Река холоднее небесного одра.
Я прорубь рублю от зари до зари.
Бери, моя радость, хрустальные вёдра,
Хрусти леденцами, стирай и вари.

Уйду от сугроба, дойду до сугроба,
Три раза позволю себе покурить.
Я воду ношу – до порога, до гроба,
А дальше не знаю, кто будет носить.

А дальше – вот в том-то и смертная мука,
Увижу ли, как ты одна в январе,
Стоишь над рекой, как любовь и разлука,
Забыв, что вода замерзает в ведре...

Но это ещё не теперь, и дорога
Протоптана мною в снегу и во мгле...
И смотрит Господь удивленно и строго,
И знает, зачем я живу на Земле.

ШИНЕЛЬ

Когда по родине метель неслась, как сивка-бурка,
Я снял с Башмачкина шинель в потёмках Петербурга.

Была шинелька хороша, как раз – и мне, и внукам.
Но начинала в ней душа хождение по мукам.

Я вспоминаю с «ох» и «ух» ту страшную обновку.
Я зарубил в ней двух старух, и отнял Кистенёвку.

Шинель вела меня во тьму, в капканы, в паутину.
Я в ней ходил топить Муму и – мучить Катерину.

Я в ней, на радость воронью, кровоточил, как треба,
И пулей царскую семью проваживал на небо.
Я в ней любил дрова рубить, и петли вить на шее.
Мне страшно дальше говорить, но жить ещё страшнее.

Над прахом вечного огня, над скрипом пыльной плахи,
Всё больше веруют в меня воры и патриархи!

Никто не знает на земле, кого когда раздели,
Что это я сижу в Кремле – в украденной шинели.

***

Навалилась усталость...
За окошком темно.
Что прошло, что осталось?
Да не всё ли равно!

Что за страшная сила
И откуда, бог весть,
Нам с тобой подменила
Всё, что было и есть?

Мы не те и не эти,
В нас клубится тоска.
И рождаются дети
С сединой на висках.

Тлеет Русь, словно ветошь,
Гаснет меч-кладенец...
И отцу не ответишь:
Наш ли Ржев наконец...

***

И снег, и дождь... Растерзанный причал
Уводит в даль потешный ледокольник...
А в темноте скитается печаль,
Звонит, звонит коровий колокольчик.

Я жду тебя. Я жду тебя и жду
Из всех твоих немислимых америк.
Лишь ты одна по тоненькому льду
Ходить умела с берега на берег.

Лишь ты одна – летящая душа! –
Бежала мне навстречу и кричала...
А в этот год ты так и не дошла
До нашего последнего причала.

Я жду тебя. Я жду тебя и жду,
Тревожа заживающую рану...
Я сам пойду по тоненькому льду,
Как только ждать и верить перестану.

Ну а пока – растерзанный причал
Уводит вдаль потешный ледокольник...
А в темноте скитается печаль,
Звонит, звонит коровий колокольчик.

***

Склоняясь над могилами и кровью,
Раскуривая трубку у плетня,
Я Русь люблю. Но странно – не любовью,
А чем-то, что сияет вне меня.

Люблю, как любит боль свою калека,
Люблю, когда поёт она и врёт.
Так Бог, наверно, любит человека,
Который завтра вечером умрёт.

СВЕТЛАНА КЕКОВА

1951, город Александровск Сахалинской области

***

Над изгибами рек, над вершинами гор
над земной красотой несказанной
виден ласковый свет, слышен ангельский хор —
он звучит над Россией осанной.

— Мы зимой ледяные алмазы граним
и, когда зажигается Вега,
опускаем на грудь среднерусских равнин
вологодское кружево снега.

Здесь, в России истерзанной, так повелось —
снег ложится на мёртвые лица...
Столько крови невинной уже пролилось,
что слезам невозможно не литься.

Божий храм осквернён, дом родимый сожжён,
Кровь Христова смешалась со снегом...
Только Божьим смотрением мир окружён, —
так вода ограничена берегом.

Пусть плетут кружевницы свои кружева,
ангел жив над кремлёвской стеною,
он неслышно поёт, что Россия жива,
как земля под корой ледяною.

***

Птицы на площади – словно народное вече.
В городе каменном топят белёные печи.
Дым из печей поднимается выше и выше.
Падает снег, черепичные трогая крыши.

Флаги на башнях похожи на огненный велум.
Кто-то по городу едет на ослике белом.
Странник, привыкший к заснеженным русским
пустыням,
красный хитон прикрывает гиматием синим.

Приступом город берёт воробьиная рота.
Сторож уснул, не закрыв Золотые ворота.
Тихо из облака светит печальная Вега.
Дети слепили ягнёнка из белого снега.

Вижу: руно синевой отликает и мелом.
Кто-то по городу едет на ослике белом.
Стынут на стёклах узоры из пальмовых веток,
мёртвых кораллов, диковинных рыб и креветок.

Жители города сушат бельё на балконах,
в жертву приносят невинных птенцов голубиных,
и в колыбелях младенцев баюкают сонных,
и письма вырезают на каменных льдинах.

Первенец-снег разверзает небесное чрево,
дарит себя матерям-одиночкам и вдовам,
а по ночам в небесах появляется Дева
в синей тунике, в мафории тёмно-вишнёвом.

Жители города спят беспокойно, но им бы
очень хотелось бесчувственной сделаться плотью,
чтоб осязать облаков золотистые нимбы
и укрываться от снега овечьей милотью.

Я закричу – и над городом тучи рассею,
Выйду случайно на тихий заснеженный Форум.
Знаю – милоть Илия подарил Елисею,
Дева Мария накрыла Царьград омофором.

Стало темно в катакомбах провинции римской,
смотрят Оранты сквозь время спокойно и немо.
Где же теперь вы, пещеры страны Гадаринской,
пламя Фавора, израненный хлеб Вифлеема?

Дети и ангелы в городе спят опустелом,
кто-то по площади едет на ослике белом,
а впереди – отдающие горечью строфы,
крест кипарисовый и ожиданье Голгофы.

СЕРГЕЙ ГАНДЛЕВСКИЙ

1952, Москва

***

Опасен майский укус гюрзы.
Пустая фляга бренчит на ремне.
Тяжела слепая поступь грозы.
Электричество шелестит в тишине.
Неделю ждал я товарняка.
Всухомятку хлеба доел ломоть.
Пал бы духом наверняка,
Но попутчика мне послал Господь.
Лет пятнадцать круглое он катил.
Лет пятнадцать плоское он таскал.
С пьяных глаз на этот разъезд угодил –
Так вдвоём и ехали по пескам.
Хорошо так ехать. Да на беду
Ночью он ушёл, прихватив мой френч,
В товарняк порожний сел на ходу,
Товарняк отправился на Ургенч.
Этой ночью снилось мне всего
Понемногу: золото в устье ручья,
Простое базарное волшебство –
Слабая дудочка и змея.
Лёг я навзничь. Больше не мог уснуть.
Много всё-таки жизни досталось мне.
«Темирбаев, платформы на пятый путь», –
Прокатилось и замерло в тишине.

1979

***

Будет всё. Охлаждённая долгим трудом,
Устареет досада на бестолочь жизни,
Прожитой впопыхах и взахлёб. Будет дом
Под сосновым холмом на Оке или Жиздре.
Будут клин журавлиный на юг остриём,
Толчея снегопада в движении Броуна,
И окрестная прелесть в сознание моём
Накануне разлуки предстанет утроена.
Будет майская полночь. Осока и плёс.
Ненароком задетая ветка остудит
Лоб жасмином. Забудется вкус чёрных слёз.
Будет всё. Одного утешенья не будет,
Оправданья. Наступит минута, когда
Возникает вопрос, что до времени дремлет:
Пробил час уходить насовсем, но куда?
Инеродная музыка волосы треплет.
А вошедшая в обыкновение ложь
Ремесла потягается разве что с астмой
Духотою. Тогда ты без стука войдёшь
В пятистенки ночлега последнего:
«Здравствуй.

Узнаю тебя. Лёгкая воля твоя
Уводила меня, словно длань кукловода,
Из пределов сумятицы здешней в края
Тишины. Но сегодня пора на свободу.
Я любил тебя. Лёгкою волей твоей
На тетрадных листах, озарённых неярко,
Тарабарщина варварской жизни моей
Обрела простоту регулярного парка.
Под отрывистым ливнем лоснится скамья.

В мокрой зелени тополя тенькают птахи.
Что ж ты плачешь, весёлая муза моя,
Длинноногая девочка в грубой рубахе!
Не сжимай моё сердце в горсти и прости
За оскомину долгую дружбы короткой.
Держит раковина океан взаперти,
Но пространству тесна черепная коробка!»

1980

***

Чикиликанье галок в осеннем дворе
И трезвон перемены в тринадцатой школе.
Росчерк Ту-104 на чистой заре
И клеймо на скамье «Хабидулин + Оля».
Если б я был не я, а другой человек,
Я бы там вечерами слонялся донине.
Все в разъезде. Ремонт. Ожидается снег. —
Вот такое кино мне смотреть на чужбине.
Здесь помойные кошки какую-то дрянь
С вожделием делят, такие-сякие.
Вот сейчас он, должно быть, закурит, и впрямь
Не спеша закурил, я курил бы другие.
Хороша наша жизнь — напоит допьяна,
Карамелью снабдит, удивит каруселью,
Шаловлива, глумлива, гневлива, шумна —
Отщумит, не оставив рубля на похмелье...
Если так, перед тем, как уйти под откос,
Пробеги-ка рукой по знакомым октавам,
Наиграй мне по памяти этот наркоз,
Спой дворовую песню с припевом картавым.

Спой, сыграй, Расскажи о казённой Москве,
Где пускают метро в половине шестого,
Зачинают детей в госпитальной траве,
Троекратно целуют на Пасху Христову.
Если б я был не я, я бы там произнёс
Интересную речь на арене заката.
Вот такое кино мне смотреть на износ
Много лет. Разве это плохая расплата?
Хабидулин выглядывает из окна
Поделиться избыточным опытом, крикнуть –
Спору нет, память мучает, но и она
Умирает – и к этому можно привыкнуть.

1981

***

Самосуд неожиданной зрелости,
Это зрелище средней руки
Лишено общепризнанной прелести –
Выйти на берег тихой реки,
Рефлектируя в рифму. Молчание
Речь мою караулит давно.
Бархударов, Крючков и компания,
Разве это нам свыше дано!
Есть обычай у русской поэзии
С отвращением бить зеркала
Или прятать кухонное лезвие
В ящик письменного стола.
Дядя в шляпе, испачканной голубем,
Отразился в трофейном трюмо.
Не мори меня творческим голодом,
Так оно получилось само.

Было вроде кораблика, ялика,
Воробья на пустом гамаке.
Это облако? Нет, это яблоко.
Это азбука в женской руке.
Это азбучной нежности навыки,
Скрип уключин по дачным прудам.
Лижет ссадину, просится на руки —
Я тебя никому не отдам!
Стало барщиной, ревностью, мукою,
Расплескался по капле мотив.
Всухомятку мычу и мяукаю,
Пятернями башку обхватив.
Для чего мне досталась в наследие
Чья-то маска с двусмысленным ртом,
Одноактовой жизни трагедия,
Диалог резонёра с шутком?
Для чего, моя музыка зыбкая,
Объясни мне, когда я умру,
Ты сидела с недоброй улыбкою
На одном бесконечном пиру
И морочила сонного отрока,
Скатерть праздничную теребя?
Это яблоко? Нет, это облако.
И пощады не жду от тебя.

1982

***

Е.Ф. Фадеевой

Не сменить ли пластинку? Но родина снится опять.
Отираясь от нечего делать в вокзальном народе,
Жду своей электрички, поскольку намерен сажать
То ли яблоню, то ли крыжовник. Сентябрь на исходе.
Снится мне, что мне снится, как еду по длинной стране
Приспособить какую-то важную доску к сараю.
Перспектива из снов – сон во сне, сон во сне, сон во сне.
И курю в огороде на корточках, время теряю.
И по скверной дороге иду восвояси с шести
Узаконенных соток на жалобный крик электрички.
Вот ведь спички забыл, а вернёшься – не будет пути,
И стучусь наобум, чтобы вынесли – как его – спички.
И чужая старуха выходит на низкий порог,
И моргает, и шамкает, будто она виновата,
Что в округе ненастье и нету проезжих дорог,
А в субботу в Покровском у клуба сцепились ребята,
В том, что я ошиваюсь на свете дурак дураком
На осеннем ветру с незажжённой своей сигаретой,
Будто только она виновата и в том, и в другом,
И во всём остальном, и в несчастиях родины этой.

1987

МАРИНА КУДИМОВА

1953, Тамбов

***

Отвори мне уста, Голубица,
Но живую водой не пои,
Ибо жаждут из клюва напиток
Отлетевшие птахи твои.

Горней гаммы мажорные ноты
Подадут элисийскую весть...
Отвори мне уста – для зевоты,
Дай запёкшийся дух перевесть.

Сняв поклажу и узел распутав,
я в метро посреди двойников
Передышку использую, будто
Хоккеист на скамье штрафников.

И пускай моя песенка спета
И мой ангел сидит взаперти,
Отвори мне уста – для ответа
На туристский вопрос: как пройти?

Чтобы в голос могла помолиться
Невечернему свету зари,
Отвори мне уста, Голубица,
Божья Матерь, уста отвори!

***

Лазарь умирает в лазарете,
За окном гражданская война.
В головах сидит на табурете
Нянечка – великая княжна.

Всё никак не умирает Лазарь,
Всё не может заступить черты,
Никому военно не обязан
И ни с кем на свете не на «ты».

Он опять забыл принять лекарство
Для разлуки тела и души.
Первое воздушное мытарство
Застит Ангел, просит:

– Не спеши!

– Лазарь, ляг! –

а он куда-то рвётся.

– Стихни, Лазарь! –

он рубаху рвёт.

И ему от века не живётся,
Как везде честной народ живёт.

Как везде живёт народ безгневный...
А и надо-то от гордеца,
Чтобы труп его четверодневный
Встал из гроба, плат сорвав с лица...

А княжна с него бельё стирает,
Поит с ложки, остужает лоб...

Лазарь ну никак не умирает.
Точит жук его рассохлый гроб...

ЗДЕСЬ

Страхиваю, сбиваю
Юношескую спесь,
Но недоумеваю:
Что меня держит здесь?

Нужный ответ затвержен,
Вызубрены азы...
Держит какой-то держень,
Столбик какой-то, стержень,
Колышек для козы.

Я за него цепляюсь,
Он под рукою – тресь!
Думаю – изумляюсь:
Что меня держит здесь?

Первый, второй сочельник,
Зимний бесцветный пчельник,
Мокрые щёки, зуд,
Звёздчатое роенье, –
Снежные построенья
Сплющатся, оползут...

Вывернутые хляби,
Неразличимый брод,
В ветре, как будто в кляпе,
Полуоткрытый рот...

Лета медвежий угол,
Дачки в распятыях пугал,
Спутаны свет и цвет...
Может быть, всё же осень –
В латках её, в износе?..
Может быть, всё же – нет.

Поворотясь спиною,
Чувствую тут и там –
Родина вслед за мною
Гонится по пятам.

И, завалившись набок,
Точно в груди клинок,
Слушаю этот вабик,
Хлюпающий манок.

Окна уже забила –
Только замок навесь...

Что же я здесь забыла?
Что меня держит здесь?

ИССТУПЛЕНИЕ

За ночь в красном жару, как свеча, оплыла,
А к утру, когда думали – всё, замерла,
Дух не выпустив, оцепенела.
На челе проступил освящённый елей,
И когда за дверьми заходили смелей,
Содрогнулась – и вышла из тела.

Исступила, взлетела без мер и весов,
И себя увидала меж гор и лесов,
И себя оглядела, как страж:
Параллельно, зеркально средь свар и кружал
Витьеватый изгиб арматуры лежал,
Бурелом, террикон, такелаж.

И трелевочный трактор, и клочок от квача...
Так на лицах у жертв торжество палача
Обличает зловещая дипса.
Корм с конём разошлись.
Голос был, но осип.
Был цветочек неправдоподобно красив,
Но от крови младенческой слипся.

И тогда обратилась к себе как к чужой:
– Оставайся, Россия, отдельной душой
И, паря, на Царя уповай,
И, покудова я из-под гор и дерев
Буду этот полёт созерцать, замерев,
Исступления не прерывай.

И когда возыграет, возблещет Труба,
В сонме вестников я не узнаю тебя,
Близорукая для высоты,
Не услышу свидетельств на Страшном суде
И не встречу тебя никогда и нигде,
И не вспомню, что я – это ты...

ИРИНА РАТУШИНСКАЯ

1954, Одесса

БУТЫРСКИЕ ВОРОБЬИ

Вот и снег загрустил.
Отпусти обессиленный разум –
Да покурим-ка в форточку,
Пустим на волю хоть дым...
Прилетит воробей
И посмотрит взыскательным глазом:
– Поделись сухарём!
И по-честному делишься с ним.
Воробьи, они знают,
К кому обращаться за хлебом.
Пусть на окнах двойная решётка –
Лишь крохе пройти.
Что за дело для них,
Был ли ты под судом или не был!
Накормил – так и прав.
Настоящий судья впереди.
Воробья не сманить –
Ни к чему доброта и таланты!
Он не станет стучать
В городское двойное стекло.
Чтобы птиц понимать –
Нужно просто побыть арестантом.
А раз делишься хлебом,
То значит, и время пришло.

Декабрь 1981, Москва, Бутырки

***

Баба Катя вышла с кошёлкой, с утра пораньше,
До отвоза мусора,
Чтоб соседей не стыдно.
А усатый, что в телевизоре, гад-обманщик,
Перевёл часы, и теперь ничего не видно.
Ёжится баба Катя, в смурных потёмках
Разгребает палочкой –
Где бутылки, а где объедки.
В самогонном кайфу небритые спят потомки.
В виртуальных пространствах
Бдят внучки-малолетки.
А счастливая баба Катя нашла картонку:
Если встать на неё, то валенки не промокают.
А над нею месяц всяя Руси:
Тонкий-звонкий.
Задержали, видать, зарплату, и припухает.
Роется баба Катя.
Штаны с начёсом
Поистёрлись: за минус с ветром уже не держат.
Не хватало свалиться, всем на смех, в помойку носом!
Помоги,
Святой Николай, новомученик-самодержец!
А нечистый как раз над городом свесил морду.
Увидала Катя:
Батюшки, ну и харя!
Рожки выставил, и не только.
Раздулся гордо,
Да корячит пальцы, как Ахмет на базаре.
Ахнула баба Катя, и ну креститься!
А потом дерзнула. Старушечью лапку в жилах
Замахнула вверх:

Крестом тебя, вражья птица!
Не таких видали,
Сгинь, нечистая сила!
И завыл, и сгинул. Зелёный рассвет, и зябко.
А добыча богатая – шесть бутылок и кеды.
И пошла Катерина довольная:
Хоть и бабка,
А заступник и ей послал,
Чем праздновать День Победы.

1999

Расторопность беспорядка,
склянки тонущая риска,
полотняный лёд обнов...
Утром стронешь георгины –
обожжёшь спросонья кожу,
по запястьям птичья дрожь,
Сад ещё не влез в рогожу,
лепит мокрые холстины,
дробью высыплется дождь.
То и непереносимо,
что до одури знакомо,
повторяясь искони:
Непросохшая солома,
горстка ягод, склянка дыма,
пепел...
– Господи, храни...

1989

ЮРИЙ ВОРОТНИН

1956, поселок Пирово Тульской области

***

Осень в райских садах...
С неба падают яблоки.
А в земных городах
Начинаются ярмарки.

Осень в райских садах...
Позолота, как золото.
Ради этого в прах
Жизнь моя перемолота.

Осень в райских садах...
Согрешить да покаяться.
То ли мёд на устах,
То ли кровь запекается.

Осень в райских садах...
Не доверившись ангелам,
Постою на весах –
И уйду неприкаянным.

Осень в райских садах...

ПРОСТАЯ ПЕСНЯ

Когда на ветру закачает
И черти запляшут в глазах,
Лечи меня мёдом и чаем,
И баней на крепких дровах.

Я знаю, от этой истомы,
От запаха трав и хвои
Срастутся мои переломы,
Затянутся раны мои.

Как будто листочек кленовый,
Прорежется в небе звезда.
И старый я буду, как новый,
А ты, как всегда, молода.

Не выкинуть слова из песни,
Пусть каждый грустит о своём,
Мы прожили счастливо вместе.
И, бог даст, ещё поживём.

***

Край родной! Прозрей и внемли.
Паром тянет от земли.
Деревянные деревни —
Вот где крепости твои.

Было худо, будет хуже.
Будет лютая зима,
Но спасут тебя от стужи
Деревянные дома.

Горечь споров и раздумий,
Ледяные голоса
Растворят в зелёном шуме
Деревянные леса.

Путь наш после вознесенья —
В чернозёмные пласты.
Но как память и спасенье
Деревянные кресты.

И в веках над снежным краем
Над чертогами из льда
Всё горит — не догорает
Деревянная звезда.

***

Вот она, последняя дорога
По еловым веткам в благодать,
И уже рукой подать до Бога,
До небес уже рукой подать.

Я тебя жалею с опозданием,
Мне немного выпало успеть —
Целовать последним целованьем
И последней жалостью жалеть.

ОЛЕГ ХЛЕБНИКОВ

1956, Ижевск

***

Вымахала крапива выше меня,
ладно, пускай – длинней.
Такие вот теперь времена
на родине бедной моей.

А я человек – уж какой ни есть,
она ж – колючая тварь,
но Бог меня не рассмотрит здесь,
во поле русском – жаль!

Жалко, не слышит и в городе Он
нытьё моё в реве машин.
И незамеченным я обречён
влиться в толпу мужчин –

с лицами, красными от вина,
с проплешинами лет
(кой у кого ещё седина,
но в ней благородства нет).

Ну а сейчас от Господних глаз
крапива хранит меня.
...Обжечь бы, что ли, глаголом вас! –
но речь моя столь темна...

В ПОЕЗДЕ

1

Жалко мать. Отца. Россию –
место родины, язык.
Жалко молодость и силу –
жить без них я не привык.

Как без щедрых, полубедных,
бедных матери с отцом
дотерплю до первых медных
труб над восковым лицом?

Обезлюдевшей России
как скажу: мол, снова жив?
...Что дарили – не спросили,
отнимают – не спросив.

2

Запах сна кисломолочный.
Новенький плацкарт полночный
мчит из прошлого меня,
чайной ложечкой звеня.

В этом прошлом целый город
и людей десятка два,
тех, кто мне, как прежде, дорог, –
лица помнятся едва.

Огоньки мелькают скучно –
в бездну ночи путь лежит.
Нестерпимо однозвучно
ложка чайная дрожит.

***

Сгорели в танках мои читатели
в Афганистане и Чечне.
Уехали к едрене матери –
их было много на челне.

Я оказался всех живучее,
усидчивей или тупей.
Сам для себя, во всяком случае,
творю теперь.

Что натворю – какая разница:
ни возмущений, ни хулы.
И значит снова я у праздничка –
от жрачки ломаются столы.

Но нет гостей. Ужель поверили
тому, что музы пели вам,
что, мол, по крови вы не звери – и
прорвётесь с горем пополам?

ИРИНА ЕВСА

1956, Харьков

***

Закоулки в аэропортах понапрасну шерстит ОМОН, —
я давно уже в Книге мёртвых, в полустёртом столбце имён.
И покуда в стакане виски ты вылавливаешь осу,
бесполезно, как сотый в списке, я взываю к Осирису.

Город с хлопьями взбитых сливок, увлажнённый,
как сантимент,
всех ужимок твоих, наживок мной изучен ассортимент.
Твой шансон приклатнённый, литер искривленьё
в ночной воде,
эти здания, что кондитер сумасшедший состряпал, где,

затесавшись в кирпично-блочный ряд, в нечётные номера,
закопил под шедевр барочный дом на улице Гончара,
чей светильник в окошке узком зажигается ровно в шесть,
чей потомок меня на русском не сподобится перечесть.

Там когда-то, кофейник медный начищая, смиряя прыть,
я боялась не рифмы бедной, а картошку пересолить.
Ум был короток, волос долог. И такой поднимался жар,
словно въедливый египтолог лупу к темени приближал.

***

Бабушка говорит мне: «Всегда одна.
Вечно одна: проснёшься – хоть волком вой».
Бабушка говорит мне: «Я голодна.
Помнишь франзоли в булочной угловой?»

Мы с ней, скользя, спускаемся в переход,
где в картузе и ватнике мужичок
бодро петрушку свежую продаёт.
Бабушка говорит мне: «Купи пучок».

Бабушка говорит мне: «Опять мои
дочери в ссоре. Нету суда на них».
Бабушка говорит мне: «А ты – мири.
Третий на то и есть, чтоб мирить двоих».

Бабушка говорит мне: «Дразнить собак –
так же не здраво, как поучать осла.
И вообще, – ворчит, – убери со лба
чёлку: она тебе никогда не шла».

Я не веду её, а несую почти.
А изнутри познабливает слегка.
С холоду запотели мои очки.
Шарю в карманах – ни одного платка.

«Помни о том, что ласковое теля... –
Морщится. – Дай дыхание перевесть.
Собственно, – говорит, – я пришла тебя
предупредить, что там не страшней, чем здесь...»

...и просыпаюсь. Утро сквозит уже
бледным снежком за стёклами. Пустота
в комнате. Содрогнувшись на этаже,
лифт загудел басовой струной альты.

Но почему так сильно моя рука
правая занемела, напряжена?
«Господи, – говорю, – ведь была легка
та, что к Твоим вратам семенит одна».

***

Пропеты вокзальные стансы, и через десяток минут
названья заснеженных станций в ночи воспалённо мигнут.
И вздрогну: подсвеченный робко, в заплатках
малиновых штор
фасад, – словно память, по кнопкам блуждая, нажала
повтор.
...Что было? – Заставка заката. Ангина, а может быть, грипп.
И в банке – похожий на ската – лечебный подрагивал гриб.

Как нежно укутывал пледом, термометр совал ледяной
под мышку, бессонным полпредом добра нависал
надо мной.

Ветшала зима солевая. От жара стучало в висках.
Шуршала, ступни согревая, сухая горчица в носках.
Но жизнь прояснялась, белела, покой придавала чертам.
Вскипала, пока я болела, стихала, пока он читал...

...о том, как влюблённый поручик загнал на рассвете коня...
Стряхни, бессловесный попутчик, дремоту, спроси у меня,
когда откупились бореи грачами над крышами дач,
и кто исцелился быстрее: больной или, все-таки, врач?
И если, как прежде, маячит сквозь ели малиновый свет, —
зачем этот всадник не скачет вечернему поезду вслед?

АЛЕКСАНДР ЛАВРИН

1958, Советская Гавань, Хабаровский край

САНТА МАРИЯ НОВА

Паоле Педиконе

На вершине холма в монастырском саду,
Где лежат, как младенцы, святые гробы,
Не изведаю страх и с ума не сойду,
Но внезапно очнусь посредине судьбы.

Боже мой, я спрошу в неземной высоте,
Если вправду я камень, откуда я тут –
В ключевой чистоте, в золотой пустоте,
Что под ветром звенит, как скудельный сосуд?

Обветшал монастырь, но не стал он мукой,
Колокольню и крест не обуглила тьма,
Да и сам я ещё не скатился слезой
По небритой щеке голубого холма.

Знаю, жизнь коротка, словно выстрела звук:
Только встали от сна – ан пора вечерять,
Только сели за стол – ложки пали из рук,
А из сада зовёт тихим голосом мать.

И уже не понять, где земля, где вода,
И с ресниц не смахнуть ни слезу, ни звезду –
Словно в Божьей руке, всё сошлось навсегда
На вершине холма в монастырском саду.

ТЕМНОТА

Темнота расставляет посты, а ты –
Разводящий иль часовой?
Ибо всё, что в развалинах темноты,
По пятам идёт за тобой.

Кто идёт? – А идёт молодой приборой,
Шебутной соловьиный щёлк,
Перед злой грозой на террасе пустой
Белых лилий стеклянный шёлк.

Можно пить вино, ну да всё равно:
Если в небо уйдёт вода,
Обмелеет ночь, как речное дно,
Обнажив якоря стыда.

Оглянись вокруг, подыми ладонь
С золотым ноготком огня.
Темнота – это тот же Троянский конь,
Только сам ты – внутри коня.

И сквозь щель видна пустоты сума,
Звёздной азбукой высока.
А придёт зима – и сойдешь с ума,
Как с подножки товарняка.

Опускаясь в снег, ты услышишь смех,
Так похожий на шелест крыл.
И, закрыв глаза, ты увидишь всех,
Кого предал ты и забыл.

***

Холод снов, собачий лай,
Снега вафельное крошево...
Не гляди, не вспоминай
Осторожного прохожего.

Он прошёл судьбы вблизи
Неуклюже, как по клавишам:
До-ре-ми-фа-соль-ля-си...
А запнёшься – так поправишься.

Может быть, и ты за ним
Не отыщешь виноватого
В том, что вечер – словно дым
Где-то в половине пятого.

Что душа – жемчужный пар,
Облачко в морозной ауре,
Что Сиреневый бульвар
В синеве, как будто в трауре.

Но постой ещё чуток,
Зацепись зрачком за кроны ты –
Там, где северо-восток,
Снег лежит почти нетронутый.

Два алмазных волоска
На снегу сверкают шёлково.
Справа – мёртвая тоска.
Слева – выезды на Щёлково.

СТАНИСЛАВ МИНАКОВ

1959, Харьков

***

и жаль её сильнее прочих
поскольку звонче всех поёт
поскольку значит и пророчит
и ноженьки об камни бьёт

поскольку серыми своимя
глядит как ласковая рысь
и полымя волос и имя
льняное заплетая в высь

поскольку и в лоскутьях нищих
льнёт к тайне омутов земных
поскольку плачет тише иных
и молча молится за них

4 декабря 2007, Введение Богородицы во храм

***

солнце встало выше ели
спору факт не подлежит
неужели неужели
мой отец в земле лежит
в шаге от моих сандалий
в глубину на пять штыков
ближе близи дальше далее
в землю лёг и был таков

воробьи клюют печенье
перед клювом у клеста
для блаженной попеченье
есть у этого креста

ходит странная Тамара
крошит крошечки на крест
это ж радость а не кара
если птица здесь поест

всё лежащему веселье
две синички два клеста
отмечают новоселье
возле нашего креста

постою но не завою
лишь примну седой висок
тятя тятя Бог с тобою
птицы небо и лесок

18–24 окт. 2007

ИЗ ТРИПТИХА ПО ОТЦУ

Катафалк не хочет – по дороге,
где лежат гвоздики на снегу.
...Рассказал профессор Ольдерогге –
то, что повторить я не смогу.

Про миры иные, золотые, –
без придумок и без заковык.
Пшикайте, патроны холостые!
Что – миры? Я к здешнему привык.

Катафалк, железная утроба,
дверцей кожу пальцев холодит.
А внутри его, бледна, у гроба
моя мама бедная сидит.

Этот гроб красивый, красно-чёрный,
я с сестрицей Лилей выбирал.
В нём, упёрший в смерть висок точёный,
батя мой лежит – что адмирал.

Он торжествен, словно на параде,
будто службу нужную несёт.
Был он слеп, но нынче, Бога ради,
прозревая, видит всех и всё.

Я плечом толкаю железяку:
не идёт, не катит – не хочет.
Голова вмещает новость всяку,
да не всяку – сердце уместит.

Хорошо на Ячневском бугрище,
где берёзы с елями гудут!
Ищем – что? Зачем по свету рыщем?
Положи меня, сыночек, тут!

Через сорок лет и мне бы здесь лечь,
где лежит фамилия моя.
Буду тих – как Тихон Алексеич
с Александром Тихонычем – я.

А пока – гребу ногой по снегу,
и слеза летит на белый путь.
Подтолкнёшь и ты мою телегу –
только сын и сможет подтолкнуть.

2005

КАМУШЕК

Песенка калики

Стоит наш батюшка на камушке,
Под кровом бора – как во храмушке.
Как столп, как крест, как Спас на кровушке.
И «Богородицу» поёт.
Стоит наш батюшка, наш дедушка,
Приходит к дедушке медведушка
Сухарика отведать, хлебушка,
В ладошку влажный нос суёт.

Ай, свиристят, щебечут, цвенькают
Пичуги. И пеньки с опеньками
Обсели, а бельчата спинками
У старцевых мелькают ног.

Пусть распрострилось семя змеево,
Крепчает дело лиходеево, —
Да диво дивное, Дивеево,
Намолено среди дорог.

А с дедушкóю — Божья матинка!
И, даром что спина горбатенька,
За грешников молися, батенька,
Господень умаяя гнев.
Когда б у старца Серафимушки
За всю за Русь достало силушки
Молиться, не смыкая крылушки —
Два века, словно тыщу дней!

Где веют промыслы бесовския,
Там плачут ангелы Саровския.
Но живы серафимы русския,
Покров — их до поры таит.
Повырастала снитка-травушка,
Где стынет борушка-дубравушка.
Хоть нет того на свете камушка,
Да батюшка на нём — стоит.

5 мая 2003

***

Ирине Евсе

Обещал, что скажу. Вот теперь говорю: золотой.
Словно шар золотой за душою Святого Франциска,
Этот мир – золотой. Подступивший так явственно, близко,
Но, как тайная тайна, в светящийся кокон свитой.

Чей анапест лелеет надежду в любой запятой,
Чьи слова сочетаются в речь, как янтарная низка,
Тот не ведает страха и дышит веселием риска,
И идёт, восхищённый, вослед за державной пятой
Проходящего в Силе и Славе Своей Золотой –
Вне исчадий, глядящих в упор, но не видящих чуда.
Лишь тебе, моя певчая радость, родная пичуга,
Обещанье моё: золотой... золотой... золотой...

ВЛАДИМИР БЕРЯЗЕВ

1959, г. Прокопьевск

***

А стационарный смотритель
Где-то за Карасуком,
Словно бы давний мыслитель,
Лишь с облаками знаком.

Четверодневной щетиной
Схож со стернёю степной,
Смотрит за тягой утиной,
Клонится тягой земной.

Мыкает рядом корова,
Трогает рогом забор,
Скорый в начале второго
Вздор подымает и сор.

В сини и золоте тая
И сотрясая среду,
Грохот от края до края
Пересечёт Кулунду.

Вздоргнет озёр ожерелье,
Птицы замрут в камыше,

И, с непонятною целью,
Станет легко на душе.

Выйдет старик за ограду,
Слушает ветер живой,
Солнце по синему скату
Падает вниз головой.

Счастья не просит у Бога,
Щёку подпёр кулаком...
Небо полого-полого
Где-то за Карасуком.

***

На веранде дома деревянного,
от зимы ещё не отошедшего,
я слоняюсь – сам не хуже пьяного
грузного шмеля, едва нашедшего
выход из норы, где зимогорами
ждали мы тепла насущного
и – поющей Пасхи над соборами,
и – замены тощего на тучного.

На веранде, светом перекрещенной,
с шевеленьем сора прошлогоднего,
с кучей дров, с извилистою трещиной
на стекле, с остатками исподнего
в банной шайке, с ветхими растениями
на столе, в кувшине мне подаренном,
я торчу – и глупо и растерянно,
как телёнок посередь проталины.

На веранде, сквозняками обжитой,
с верстаком, со стружкой почернелой,
с кирпичом корчагинского обжига
(из него тандыр, быть может, сделаю)
и с рыбачьей снастью, что по осени
на гвоздях повисла, не разобрана,
я опять ворон считаю до семи
и плюю на все четыре стороны.

На веранде, верю я, на родине,
где за огородами – околица,
где лишь самородной боли отдано
всё, что окликается и молится,
где ещё побуду я, не призванный,
не прощённый пленник мира данного –
братом, человеком, а не призраком,
на веранде дома деревянного.

***

Дерева в объятых снегопада,
Дерева,
От Оби до Хладокомбината –
Глушь и марева.

Лабиринт снегов нерукотворный
И души
Обмирает в Господу покорной
Пустоши.

Выстужена до преображенья
Родина,
В жертву для любви-богослуженья
Отдана.

Вот оно, усилие полёта...
Выпростай
Душу из пурги круговорота
И растай,

И останься, чтобы по сугробам
Выбрести
В ожиданье милости за гробом,
Милости...

2006

АЛЕКСЕЙ СОСНА

1959, Москва

***

просто по-другому не выходит никак
и традиционно то погром то поджог
это наша родина то храм то кабак
славно мы с тобой обосновались дружок

о казацкой вольнице и думать забудь
разве что приснится неизвестный солдат
преподобный ленин указал этот путь
не дурдом так зона не санчасть так штрафбат

не мытьём так катаньем не бродом так вplashь
в это брито-стрижено-налево-кругом
там и объяснят что настоящая явь
не петля на горле так похмельный синдром

как тогда сверкали мысли славные те
власть прижмём к ногтю и сразу всё как с куста
помнишь как ты грезил о работе рантье
я теперь рантье да только рента не та

да и ты не ты одна лишь память горит
словно наяву тот новый год маскарад
где теперь та девушка которой навзрыд
мы эдгара по читали вечность назад

что теперь нам ужасы смешные его
а тогда казалось гениальный поэт
ничего дружище ничего ничего
ничего на свете кроме родины нет

АЛЕКСАНДР БАШЛАЧЁВ

1960, Череповец – 1988, Ленинград

ХОЗЯЙКА

Сегодня ночью – дьявольский мороз.
Открой, хозяйка, бывшему солдату.
Пусти погреться, я совсем замёрз,
Враги сожгли мою родную хату.
Перекрестившись истинным крестом,
Ты молча мне подвинешь табуретку,
И самовар ты выставишь на стол
На чистую крахмальную салфетку.
И калачи достанешь из печи,
С ухватом длинным управляясь ловко.
Пойдёшь в чулан, забрякают ключи.
Вернёшься со своей заветной поллитровкой.
Я поиграю на твоей гармонии.
Рвану твою трёхрядку от души.
– Чего сидишь, как будто на иконе?
А ну, давай, пляши, пляши, пляши...
Когда закружит мои мысли хмель
И «День Победы» я не доиграю,
Тогда уложишь ты меня в постель,
Потом сама тихонько ляжешь с краю.
...А через час я отвернусь к стене.
Пробормочу с ухмылкой виноватой:

– Я не солдат... зачем ты веришь мне?
Я всё наврал. Цела родная хата.
И в ней есть всё – часы и пылесос.
И в ней вполне достаточно уюта.
Я обманул тебя. Я вовсе не замёрз.
Да тут ходьбы всего на три минуты.
Известна цель визита моего –
Чтоб переспать с соседкою-вдовою.
А ты ответишь: – Это ничего...
И тихо покачаешь головою.
И вот тогда я кой-чего пойму,
И кой о чём серьёзно пожалею.
И я тебя покрепче обниму
И буду греть тебя, пока не отогрею.
Да, я тебя покрепче обниму
И стану сыном, мужем, сватом, братом.
Ведь человеку трудно одному,
Когда враги сожгли родную хату.

1983

АЛЕКСЕЙ ИВАНТЕР

1961, Москва

***

Если сердце разрезать и вынуть осколок Гаскони, то останется в нём тишина, Конаковский паром... Пятилетняя девочка тихо поёт на балконе «бесамэ», и пылает закат над московским двором. От железных ворот и до дворницкой с левого края отражается солнце в оплавленном красном снегу. Ничего проще жизни на свете я белом не знаю, ничего, кроме жизни, я так не понять не могу. Над февральским двором зависает багровая туча, и душа покидает последний обжитый придел. Так ли внучка моя напоёт это подлое «мучо», как для деда когда-то я «время изменится» пел? Если сердце разрезать и вынуть Урал и Пехорку, Верхоянский хребет и Архангельск в сентябрьском дыму, горький привкус любви, цепкий искус подмокшей махорки, что останется в нём – я, наверное, сам не пойму. Но впитало оно, кроме лязга родного металла всё, что было со мной и с родней на советском веку, всё что било в виски и в литавры, и срок отмотало, там, где птиц не слышать, а подставишь башку и ку-ку; всё смешалось давно в том одном ядовитом флаконе, где союз нерушимый дарован нам – Ява-Дукат... Пятилетняя девочка тихо поёт на балконе, и в Охотское море садится московский закат.

***

памяти о.Василия Гоголушко

Из всех полёгших за Россию в глухие тёмные года
(у Бога смерти попросили, наверно, многие тогда,
Сибирь, как яблоню трусили, в посёлках томских
храмы жгли),
из всех полёгших за Россию мне жальче эту соль земли.
В тайге сентябрьской и апрельской среди багульника
и хвой
лежит в воде священник сельский с отрубленною головой.

Из всех полёгших за Россию – не за понюшку табака,
приснился мне отец Василий, убитый томской Губчека.
Кому по вере и по силе, а он у Господа в паю.
Идёт, несёт отец Василий в холстине голову свою.
И, что мне с этой головою, в какую мне сокрыть траву
за Искитимом, Луговою усекновенную главу?

Прости меня, отец Василий, что разумею, но дышу.
У всех полёгших за Россию себе прощения прошу.
Отец Василий, это ты ли? Ты отпусти мои грехи,
мне протяни Дары Святые из замерзающей реки.
Дожди падут, снега растают, где родился – то люби.
Плывёт гусей шальная стая, и нету храма на крови.
Журчит-течёт вода святая по Искитиму и Оби.

***

Что-то мама захворала, навалилось через край,
Мама, нас осталось мало, обожди, не умирай!
Помнишь снег под Павлодаром, голод, бабушку в тифу,
Запах кож и скипидара, ссылку, пятую графу?
Помнишь, бабушка в апреле ни к чему произнесла:
«Мы евреи, мы евреи, бухенвальдская зола...»
И легла, уже не встала, как ушла из-за стола,
Догорела вполнакала, незаметно умерла.
И под русскою ветлою разместились декабрём
Бухенвальдскою золою за Донским монастырём...
Не её ль ладошкой узкой с медицинской иглой
Я подмешан к песне русской бухенвальдскою золой?
Полистай мои страницы: ссылки, войны, холода,
Леденящие больницы, немудрящая беда,
То с обрезом под полою, то с колымскою пилой,
С бухенвальдскою золою, с бухенвальдскою золой...

***

Но пахнет кирзой и махоркой, как в семьдесят первом году,
где берегом грязной Пехорки я в галстукe красном иду. Но
пахнет гнилою ботвою, помойкой за нашим двором, попут-
кой в Ручьях бортовую, спешащей на ранний паром, но пах-
нет грунтовой разбитой, ухтомским бараком худым, могилой
солдатской забытой и папой, ещё молодым, и воздухом звон-
ким и ковким над шелестом синих осин, над старым прудом
в Салтыковке за лавкой, где был керосин. Над чудом родных
демократий, скудеющих день ото дня, со старых глядят фото-
графий родные мои на меня, там пахнет хамсой и теплушкой,
ночным казахстанским ледком, побитою молью мерлушкой,
крутым фронтowym кипятком...

***

Двери хлопают в той коммуналке,
От которой давно только память.
И три бабки мои – коммунарки –
Хором всплёскивают руками.

Ленинград допотопного года,
Пять Углов за окном и «Победы»,
Бесконечно – сырая погода,
Бесконечные сборы к обеду.

Двери хлопают в той коммуналке,
Где на кухне – сплошная морока,
И та бабка, которая Амма
Ту ругает, которая Роха,

И, конечно, сгорает пирог мой –
Именинная сладкая хала...
Вместе бабки – и Амма и Роха
Ту ругают, которая Хана.

А звонок коммунальный – трезвонит,
А на кухне – воруют обмылки,
И гвоздит оттрубившая в зоне
За неё отбывавшую в ссылке!

Двери хлопают в той коммуналке,
Из которой сундук и стаканы,
В коммунальном раю – коммунарки,
Нету места в нём только для Ханы.

Будет место. И хлеб поминальный –
Он и смолот уже и замешан.
...и шумит Ленинград коммунальный
Из пяти коммунальных скворещен,

Снег летит над Невой и тает,
До утра не хватает заварки,
Три сестры надо мной пролетают –
Коммунарки летят, коммунарки.

СТАНЦИЯ ПЛЮССА. НОЧНАЯ ПЕХОТА

Боре Левиту

Под обстрелом на станции Плюсса во дворе нежилого жилья среди месива стёкол и бруса под телегою мама моя. Не найти на пути мне ночлега, не пробиться сквозь синюю мгу: это мама моя под телегой, а я маме помочь не могу. Всё горит он, горит, не погашен это свет, не поросший быльём, звёзды красные с танковых башен отпечатаны в сердце моём. Торошковичи – Старая Русса... Я к тому отхожу рубежу. Под обстрелом на станции Плюсса под телегой пожарной лежу. Задыхаюсь в случайном побеге, смерти жду в станционном чаду. Всё-то было спасенье в телеге гужевой на железном ходу.

ИГОРЬ ЛАВЛЕНЦЕВ

1963, Тамбов – 2005, там же

***

С веток – яблоки,
С белых цветов – лепестки,
С неба – звёзды,
Из сердца – пустые тревоги.
Нам пора,
Из-под пыли мятежной тоски
Разбегаются прочь две обочных дороги.

Всё случилось до срока,
Чему наперёд
Суждено и предписано
Было случиться:
Скрылся в сумрачном облаке
Твой самолёт,
Прокричала в полночи
Дикая птица.

Скоро утро развеет над заводью пар,
Словно память,
И я позабуду навеки
Губ прохладных твоих
Опьяняющий жар,
Эти руки твои –
Эти белые реки.

Я забуду
Шафрановый запах волос,
Я забуду твой взгляд,
Настигавший повсюду,
Под усненское пенье тоскующих ос
Я твой голос,
Дыханье твоё позабуду.

В третий раз прогоняет
Бессонный петух
Мелких бесов измен,
Горьких духов разлуки,
Только твой
Неуёмный безжалостный дух
Всё кладёт мне на грудь
Невесомые руки.

Сгинь!
Но губы...
Но глаз полусвет-полумрак...
Прочь изыди!
Но век золотых гильотина...
Расточись!
Но дыханье, похожее так
На последний полёт
Лепестка георгина...

***

Этих глаз
Потаённый огонь золотой
Различит только ангел небесный,
Да бродяга,
Что грезит надеждой пустой,
Ожидая судьбы неизвестной.

Этих губ
С ароматом полыни в меду,
Что бродяга отроду не ведал,
Он губами своими коснётся в бреду,
И ушьётся
Полуночным бредом.

И умрёт..
И душа бесприютная к ней
Полетит,
Не встречая запрета.
А она будет думать,
Что ночь холодней,
И заплачет
За час до рассвета.

И, поплавав,
Задремлет в мерцаньи свечи,
Сожалея о давней разлуке.
И не вспомнит того,
Кто в холодной ночи
Дышит ей
На озябшие руки.

НОЙ

Он сажал на язык
Золотую пчелу,
И ещё,
И за нею другую,
И вонзала пчела
Золотую иглу
В ненасытную мякоть тугую.
Не до боли
В доении стонущих сих,
Во смещении мёда и яда.
И в глазах,
Необъятно прекрасно больших,
Зеленела безумья прохлада.

Выше облака дум,
В лубяных небесах,
Над стенами звенящего зноя
Лик полуденный солнца
В парчовых усах
Изнывал над молчанием Ноя.

Был ли знак или голос:
Ступиша на твердь...
Не до знаменья в мареве дела.
Мир гудел под руками,
И новая смерть
Во спасаемом улье гудела.

И спирали галактик
Вились за спиной,

И клубились туманностей шубы.
Не скиталец убогий,
Не названный Ной
Мазал воском
Иссохшие губы.

Был он Бог,
И земля,
И четыре угла
Светлой горницы –
Звёздного плата.
И сползала во тьму
Золотая пчела
По печальному лбу Арарата.

***

М. Березину

Одуванчик, крапива, лопух...
Вянут травы от осени ранней.
Встрепенётся ли суетный слух
От твоих невеликих стараний,
Где не слово,
А вздох по верхам
Тополей за изгибом дороги.
Осыпаются листья к ногам,
Тонут в золоте бранные ноги,
И ни с места от этих болот
Золотых, золотее Эдема.
Поздно, поздно,
Кончается год,
Сякнет в землю безумная тема.

Не до радости,
Не до беды.
Полусон, полубдение, полу-
Свет мерцает в снегу бороды
Неусыпного старца Николы.
Наплывёт на оконницах лёд.
Сквозь наросты обыденной прозы
Будут зиму цвести напролёт
Георгины, пионы и розы.
Не разбудят вовек
Ни петух,
Ни архангел...
Но вспомнится всё же:
Прорастут по весне,
Дай то, Боже,
Одуванчик, крапива, лопух.

***

Ни тоску не лечат,
Ни тревогу
Эти вопли галок и ворон.
Оседает солнце понемногу
В сучья стылых липовых корон.
В области закатного предела
Пламенеет небо декабря.
Ни души,
Ни разума,
Ни тела
Не согреет зимняя заря.

Не расцветит прожитую долю
Алая закатная гряда.
Улетает вдаль по белу полю
Птичий крик
На вёрсты,
На года.
Чёрных крыл несчитанные тыщи,
Солнца обезноженного шар,
Липы на завьюженном кладбище
Да пожар,
Негаснувший пожар..
Не пометить вымученным словом
Этот мир
Не дальний,
Не чужой.
Бьются галки в полыме багровом
Над кривой кладбищенской межой.
Стынет гомон,
Колется,
Дробится.
Мечется шальное вороньё.
Полно,
Обезумевшие птицы,
Славить одиночество моё.

АЛЕКСЕЙ КОРОЛЁВ

1965, г. Загорск (ныне Сергиев Посад) Московской области

ПОЧТОВЫЙ СЛУЖАЩИЙ РОГОЗИН

вчера постельно и пустынно тянулось до звонка клак-клак
клак-клак в дверях стоял мужчина и он представился
мне как
почтовый служащий рогозин спросил с меня расписку и
я догадался это осень закралась в комнаты мои
алёша если я приеду то за вещами зпт
и чтобы поддержать беседу в прихожей в полной темноте
рогозин козырнул уставом и хрипотцою рядом с ним
я выглядел совсем усталым отчаявшимся и больным
а что я говорю по чаю или покрепче как лады
и вскоре но не обещаю мы оба перешли на ты
и поняли что одногодки и многого не удалось
достичь а в голове от водки неслошь поврозь поврозь
поврозь
рогозин трогал пальцем сколы на подоконнике молчал
а я бубнил о фильмах сколы о ферлингетти и о чайлд-
гарольде графоманстве греках геральдике и грабаре
и путался в своих огрехах как верующий в календаре
но чувствовал барьер препону между рогозиным и мной
и вдруг рогозин начал помню часы с титовым семь
ноль ноль
я мальчик я в машине резок отцовский баритон на треть
в дороге миновал отрезок который хочется смотреть
я щупаю литую пряжку подаренную мне ко дню

рожденья и люблю наташку соседскую её одну
мне мама говорит не ёрзай мне мама говорит включи
приёмник батя с папирсой во рту сорвался не учи
мальчишку ты свиное рыло пошли за словом кулаки
вильнувший в сторону обрыва перевернувшись у реки
автомобиль уткнулся в жерди качнулся и заглох на том
а я уткнулся в спину смерти передо мной входящей в дом
к себе и потекло по коже и где-то глубоко в мозгу
я убежать хочу похоже но шевельнуться не могу
рогозин затянулся я не кхе-кхе курю так баловство
в ногах моих играл бровями пятнистый бигль для него
погода пахла следом лисьим а для меня страницами
воспоминаний или писем или угрозами от сми
а дальше я спросил а дальше рогозин вытер рукавом
с колена пепел на наташе женился васька гамов он
увёз её в районной школе она устроилась кино-
механиком ну выпьем что ли мне на неё плевать давно
так продолжали до утра мы и пожалеть того пора
кто не дождался телеграммы в районном городке вчера
чей рассыпающийся кожух облюбовали сквозняки
чьи фонари среди прохожих выискивали грустных и
над всеми осень величаво шпицрутеном из золотин
по подоконникам стучала один один один один
когда ж в кровать свалился пьяный последнее что помнил я
завод дышал на полотняный рассвет потоками гнилья

2004

ВИТАЛИЙ ПУХАНОВ

1966, Киев

***

Где-то есть ещё русское поле.
Не удержишься, стоя на нём.
Тает белая сталь на припое
И антоновым греет огнём.

Отобьёшься от вражьего стана —
Не узнаешь, каких ты кровей.
Пролетела подмётная стая,
Распахала лицо до бровей.

Со своей нерадивой мечтою:
Жить трудом и погибнуть в бою —
Я шатаюсь по русскому полю,
Как последний в разбитом строю.

Мы уйдём без земного поклона
Чужеродные звёзды стеречь.
Не дари мне последнего слова —
Я забыл тебя, русская речь.

***

Я сам ничей, но – около пути,
Где каждый пеший – всё-таки прохожий,
Ему под ноги родина летит,
И тень её на бабочку похожа.

Уйти в листву осеннюю до пят
И понемногу родины дожждаться.
Забрезжит свет, и бабочки летят
Установить сиротство и гражданство.

Распахнуто, и Севером сквозит.
Брожу в лесу некрашенных скамеек,
Где каждый кустик гибелью грозит,
Но каждый зяблик родину имеет.

ДЕНИС НОВИКОВ

1967, Москва – 2004, Иерусалим

РОССИЯ

плат узорный до бровей

А. Блок

Ты белые руки сложила крестом,
лицо до бровей под зеленым хрустом,
ни плата тебе, ни косынки –
бейсбольная кепка в посылке.
Износится кепка – пришлют паранджу,
за так, по-соседски. И что я скажу,
как сын, устыдившийся срама:
«Ну вот и приехали, мама».

Мы ехали шагом, мы мчались в боях,
мы ровно полмира держали в зубах,
мы, выше чернил и бумаги,
писали своё на рейхстаге.
Своё – это грех, нищета, кабала.
Но чем ты была и зачем ты была,
яснее, часть мира шестая,
вот эти скрижали листая.

Последний рассудок первач помрачал.
Ругали, таскали тебя по врачам,
но ты выгрызала торпеду
и снова пила за Победу.

Дозволь же и мне опрокинуть до дна,
теперь не шестая, а просто одна.
А значит, без громкого тоста,
без иста, без веста, без оста.

Присядем на камень, пугая ворон.
Ворон за ворон не считая, урон
державным своим эпатажем
ужо нанесём – и завяжем.

Подумаем лучше о наших делах:
налево – Маммона, направо – Аллах.
Нас кличут почившими в бозе,
и девки хохочут в обозе.
Поедешь налево – умрёшь от огня.
Поедешь направо – утопишь коня.
Туман расстилается прямо.
Поехали по небу, мама.

1992

АЛЕКСАНДР КАБАНОВ

1968, Херсон

***

Напой мне, Родина, дамасскими губами
в овраге тёмно-синем о стрижах.
Как сбиты в кровь слова! Как срезаны мы с вами —
за истину в предложных падежах!

Что истина, когда — не признавая торга,
скрывала от меня и от тебя
слезинки вдохновенья и восторга
спецназовская маска бытия.

Оставь меня в саду на берегу колодца,
за пазухой Господней, в лебеде...
Где жжётся рукопись, где яростно живётся
на Хлебникове и воде.

***

Облака под землёй — это корни кустов и деревьев:
кучевые — акация, перистые — алыча,
грозовые — терновник, в котором Григорий Отрепьев,
и от слёз у него путеводная меркнет свеча.

Облака под землёй — это к ним возвращаются люди,
возвращается дождь, и пустынны глазницы его.

Спят медведки в берлогах своих,
спят личинки в разбитой посуде,
засыпает Господь, больше нет у меня ничего...

Пусть сермяжная смерть – отгрызает свою пуповину,
пахнет паленой водкой рассохшийся палеолит.
Мой ночной мотылёк пролетает сквозь синюю глину,
сквозь горящую нефть и, нетронутый, дальше летит!

Не глазей на меня, перламутровый череп сатира,
не зови за собой искупаться в парной чернозём.
Облака под землёй – это горькие корни аира...
...и гуляют кроты под слепым и холодным дождём.

Мы свободны во всём, потому что во всём виноваты,
мы – не хлеб для червей, не вино – для речного песка.
И для нас рок-н-рол – это солнечный отблеск лопаты
и волшебное пенье подвыпившего рыбака.

АККОРДЕОН

Когда в пустыне, на сухой закон –
дожди плевали с высоты мечетей,
и в хижины вползал аккордеон,
тогда не просыпался каждый третий.

Когда в Европе, орды духовых
вошли на равных в струнные когорты,
аккордеон не оставлял в живых,
живых – в живых, а мёртвых – даже в мёртвых.

А нынче он – не низок, не высок,
кирпич Малевича, усеянный зрачками,
у пианино отхватил кусок
и сиганул в овраг за светлячками.

Последний, в клетке этого стиха,
все остальные – роботы, подделки,
ещё хрипят от ярости меха
и спесью наливаются гляделки.

А в первый раз: потрепанная мгла
над Сенной, словно парус от фелюки...
...аккордеон напал из-за угла,
но человек успел подставить руки.

***

Над Марсовым полем – звезды керосиновый свет,
защитная охра, потёртый вишнёвый вельвет.
Идёшь и не плачешь, не плачешь, не плачешь, не пла...
...из холода, солода и привозного тепла.

Ещё Инженерного – дынный не виден фасад,
и жизнь одинока, и это она – наугад
меня выбирала, копясь в кошачьем мешке,
без всяческих выгод, не зная об этом стишке.

Когтистая музыка, книжное перевранье,
попробуйте, твари, отклеить меня от неё!
Попробуйте звукопись, летопись, львиные рвы,
салат Эрмитажа, селёдочный отблеск Невы!

Нас, может быть, трое на Марсовом поле: пастух
и мячик футбольный, в кустах испускающий дух.
Забывший, забитый – в чужие ворота, и тот,
который звезду над воинственным полем пасёт.

Петром привезённый, с Кенжеевым накоротке,
пастух-африканец, сжимающий пряник в руке.

На Марсовом поле – трофейный горчит шоколад,
и смерть – одинока, и это она – наугад,
ко мне прикоснулась, и больше не тронула, нет.
А лишь погасила звезды керосиновый свет.

***

Какое вдохновение – молчать,
особенно – на русском, на жаргоне.
А за окном, как роза в самогоне,
плывёт луны прохладная печать.
Нет больше смысла – гнать понты, калякать,
по фене ботать, стричься в паханы.
Родная осень, импортная слякоть,
весь мир – сплошное ухо тишины.
Над кармою, над Библией карманной,
над картою (больничною?) страны –
Поэт – сплошное ухо тишины
с разбитой перепонкой барабанной...

Наш сын уснул. И ты, моя дотрога,
курносую вселенную храня,
не ведаешь: молчание – от Бога,
но знаешь, что ребёнок – от меня.

АНДРЕЙ ПОЛЯКОВ

1968, Симферополь

СТИХОТВОРЕНИЕ, ОСТАНОВИВШЕЕ НОЧЬ

Без заварки крутой кипяток, сигаретка одна на двоих...
Ворошиловский, помнишь, стрелок был нам близок
в исканьях своих?

Есть ещё и такая тоска: в соответствии с книгой одной,
грека в Лете по локоть рука, Генри Миллер поводит
клевнёй.

Трупик рака мусолит птенец,
помещённый в специальный прибор –
за щекой у него бубенец, и недолго лететь через двор.

Перекручен родной горизонт и продут позвоночным
столбцом,
чтоб нашёлся древесный резон за Париж
приниматься птенцом.

Но эзоповы комплексы здесь – разновидность
тюрьмы и чумы,
потому что восточная спесь расписной не унизит сумы.

Вот. Раскосым глазам никогда не увидеть свободной любви,
потому что иная звезда, словно лёд, растворилась в крови,

потому что открыла стрела путь кратчайший
в скворечню души,
и скворец, становясь из стекла, научился считать барыши.

За великой спиной Лао-цзы, где певец жёлтым небом
промыт,
где вполсилы прикушен язык – спи, проклятый бухгалтер!

Не спит.

АМИРАМ ГРИГОРОВ

1969, Баку

***

Куда же ветер, мой хороший,
Угнал вечернюю зарю,
На мамэ лошн^{*}, мамэ лошн
Увы, совсем не говорю,

А всё молчу, давай, залай-ка,
Неспящий пёс моей души,
И, шпиль в картишки, балалайка.
Не мельтеши, не мельтеши,

Взывая к небу многократно,
Плясун-хасид, впадая в раж.
Мой анекдотец бородат, но
Его прослушав, ты уважь

Меня, мой бисерный, мой сладкий,
Как местечковый мармелад...
А деревянные лошадки,
В ночи, который год подряд,

Катают мальчиков. Не встретим
Пока живём (аз ихъ вольт дир...^{**}),

---

* «мамин язык» (*идиш*).

** что не жаль бы (*идиш*).

Тех, что сгорели в сорок третьем,
Как весь наш мир, как весь наш мир,

Куда ты, без возврата, вброшен,
Тум, барабашка, стук в ночи...
Не говорю на мамэ лошн,
И ты молчи, и ты молчи.

ВСЁ, ЧТО ЕСТЬ

Всё что есть, сватовство ли, родство ли,
Не заменит любви, говорят,
И пора раствориться в растворе
Не захлопнутых наглухо врат,

И пока не скомандуют «стройся»,
Буду байку травить по траве,
Как безоблачное неустройство
Взорвалось у меня в голове,

Ну а рвётся, а рвётся – где тонко,
Где висит на одном волоске,
В час, когда зацветает зелёнка
Мавританским крестом на виске,

Не волнуйся, не вздрогну, не охну,
Получая последний отказ,
В жёлтом доме, окрашенном в охру,
В лёгком свете, целебном для глаз.

АЛЕКСАНДР ЛЕОНТЬЕВ

1970, Ленинград

ЭЛЕКТРИЧКА НА ФРЯЗЕВО

К.

В коротеньком пальтишке и с косичкой,
Серьёзный детский взгляд чуть близорук, —
Мы вместе едем поздней электричкой
На Фрязево, не разнимая рук.

Ты что-то говоришь, а слов не слышно
Под шум колёс и фэнов «Спартака»,
Но губ твоих испробована вишня —
И всё понятно мне наверняка.

Смеёшься, я не слышу, но отвечу
Улыбкой, словно слышу, всей душой
Стремясь, хотя так близко ты, навстречу —
Верней, не всей, а частью небольшой.

Всей невозможно: многое, так вышло,
Разбито в кровь, и многое в грязи,
Но губ твоих испробована вишня,
И мы уже от станции вблизи.

Нам выходить, а шумной электричке
До Фрязево ещё греметь в ночи,

Поправь резинку синюю в косичке
И вот теперь, прошу я, не молчи.

Так тихо, и хотя ты говоришь мне
О том о сём, не знаю почему –
Губами не дотронуться до вишни,
И слов не слышу, то есть не пойму.

И говорю я что-то про разлуку,
И за руку держу, и ухожу,
И за руку держу, пустую руку
Пустой рукой, и за руку держу.

2003

ОПЫТ

Детский опыт печатанья фото
В совмещённом, увы, санузле –
Кропотливая эта работа
– речь, конечно, о заднем числе –
Мне давала понять: хоть измерьте
По секундам, а всё же на глаз
Очертания жизни и смерти
Проступают в кювете у нас.

Полумрак полон красного света,
О котором узнаю потом,
Что соблазна он был и запрета
Фонарём; что он воду вином,
Розовея в ней, делал, возможно...
Негатив, проявитель, фиксаж:
Постепенно, дождись, осторожно

Чёрно-белый возникнет пейзаж.
Недодержишь – проявится слабо,
Передержишь – всё станет черно,
Словно тоника жизни силлабо
С горним дольником тут заодно:
Это мама в Таврическом, горка,
Санки, дед мой, что умер уже, –
Как мне весело там! Как мне горько
Передерживать память в душе...

2003

ПЕРЕД СНЕГОМ

Когда в этом мире не стало
Тебя, то я в жизни другой
Присел на скамейку устало –
Три года спустя, дорогой.

А впрочем, почти уж четыре...
Твой томик в руках теребя –
Не в силах читать, ибо в мире
Навеки не стало тебя.

У самого Летнего сада
Я тайно шепчу декабрю:
Жить как бы не стоит, а надо,
Я точно тебе говорю.

Хотя бы затем, чтоб от боли,
От горя вдруг стало светло,
И от осознания, что ли,
Всего, что здесь произошло.

И чем-то уже вроде смысла
Наполнится жизнь – и тогда...
Но пауза тут же повисла:
Нигде, дорогой, никогда.

И с недоумением дебила
Гляжу я куда-то вперёд:
Так что ж это всё-таки было?
Зачем умирает, умрёт?

Наполнятся тучною тучей
Заниженные небеса,
И выпадет снег неминуемый –
На брови, ресницы, глаза.

2004

БОРИС РЫЖИЙ

1974, Челябинск – 2001, Екатеринбург

***

Так гранит покрывается наледью,
и стоят на земле холода, –
этот город, покрывшийся памятью,
я покинуть хочу навсегда.
Будет тёплое пиво вокзальное,
будет облако над головой,
будет музыка очень печальная –
я навеки прощаюсь с тобой.
Больше неба, тепла, человечности.
Больше чёрного горя, поэт.
Ни к чему разговоры о вечности,
а точнее, о том, чего нет.

Это было над Камой крылатою,
сине-чёрною, именно там,
где беззубую песню бесплатную
пушкинистам кричал Мандельштам.
Уркаган, разбушлатившись, в тамбуре
выбивает окно кулаком
(как Григорьев, гуляющий в таборе)
и на стёклах стоит босиком.
Долго по полу кровь разливается.
Долго капает кровь с кулака.

А в отверстие небо врывается,
и лежат на башке облака.

Я родился – доселе не верится –
в лабиринте фабричных дворов
в той стране голубиной, что делится
тыщу лет на ментов и воров.
Потому уменьшительных суффиксов
не люблю, и когда постучат
и попросят с улыбкою уксуса,
я исполню желанье ребят.
Отвращенье домашние кофточки,
полки книжные, фото отца
вызывают у тех, кто, на корточках
сев, умеет сидеть до конца.

Свалка памяти, разное, разное.
Как сказал тот, кто умер уже,
безобразное – это прекрасное,
что не может вместиться в душе.
Слишком много всего не вмещается.
На вокзале стоят поезда –
ну, пора. Мальчик с мамой прощается.
Знать, забрили болезного. «Да
ты пиши хоть, сынуль, мы волнуемся».
На прощанье страшнее рассвет,
чем закат. Ну, давай поцелуемся!
Больше чёрного горя, поэт.

***

Если в прошлое, лучше трамваем
со звоночком, поддатым соседом,
грязным школьником, тётей с приветом,
чтоб листва тополиная следом.

Через пять или шесть остановок
въедем в восьмидесятые годы:
слева – фабрики, справа – заводы,
не тушуйся, закуривай, что ты.

Что ты мямлишь скептически, типа
это всё из набоковской прозы, –
он барчук, мы с тобою отбросы.
Улыбнись, на лице твоём слёзы.

Это наша с тобой остановка:
там – плакаты, а там – транспаранты,
небо синее, красные банты,
чьи-то похороны, музыканты.

Подыграй на зубах этим дядям
и отчаль под красивые звуки:
куртка кожаная, руки в брюки,
да по улочке вечной разлуки.

Да по улице вечной печали
в дом родимый, сливаясь с закатом,
одиночеством, сном, листопадом,
возвращайся убитым солдатом.

***

Не покидай меня, когда
горит полночная звезда,
когда на улице и в доме
всё хорошо, как никогда.

Ни для чего и низачем,
а просто так и между тем
оставь меня, когда мне больно,
уйди, оставь меня совсем.

Пусть опустеют небеса.
Пусть станут чёрными леса.
Пусть перед сном предельно страшно
мне будет закрывать глаза.

Пусть ангел смерти, как в кино,
то яду подольёт в вино,
то жизнь мою перетасует
и крести бросит на сукно.

А ты останься в стороне —
белей черёмухой в окне
и, не дотягиваясь, смейся,
протягивая руку мне.

***

Над саквояжем в чёрной арке
всю ночь играл саксофонист,
пропойца на скамейке в парке
спал, постелив газетный лист.

Я тоже буду музыкантом
и буду, если не умру,
в рубахе белой с чёрным бантом
играть ночами на ветру.

Чтоб, улыбаясь, спал пропойца
под небом, выпитым до дна, —
спи, ни о чём не беспокойся,
есть только музыка одна.

1997

Алфавитный указатель имён

- Алейников Владимир 225
Алешковский Юз 132
Алигер Маргарита 64
Андреев Даниил 34
Анищенко Михаил 241
Ахмадулина Белла 182
Ахматова Анна 5
- Башлачёв Александр 292
Берязев Владимир 286
Блаженный Вениамин 99
Бродский Иосиф 207
- Винокуров Евгений 125
Вишняков Михаил 223
Вознесенский Андрей 146
Воловик Александр 218
Воротнин Юрий 267
- Галич Александр 68
Гандлевский Сергей 250
Горбовский Глеб 143
Городницкий Александр 148
Григоров Амирам 318
- Дудин Михаил 65
- Евтушенко Евгений 150
Евса Ирина 273
Елагин Иван 74
Еранцев Алексей 175
- Жигулин Анатолий 135
- Заболоцкий Николай 26
- Иванов Георгий 23
Ивантер Алексей 294
Исаковский Михаил 24
- Кабанов Александр 312
- Кекова Светлана 247
Кенжеев Бахыт 238
Климова Галина 230
Королёв Алексей 306
Кублановский Юрий 231
Кудимова Марина 256
Кузнецов Юрий 215
Кушнер Александр 171
- Лавленцев Игорь 299
Лаврин Александр 277
Левитанский Юрий 106
Леонович Владимир 160
Леонтьев Александр 320
Лосев Лев 187
- Матусовский Михаил 63
Межиров Александр 110
Минаков Станислав 280
Мориц Юнна 190
- Надеев Сергей 264
Некипелов Виктор 129
Новиков Денис 310
- Окуджава Булат 120
- Пастернак Борис 16
Передреев Анатолий 161
Петровых Мария 56
Поляков Андрей 316
Пригодич Василий 236
Пробатов Михаил 227
Пуханов Виталий 308
- Ратушинская Ирина 261
Ревич Александр 101
Рейн Евгений 164
Рубцов Николай 176
Русаков Геннадий 197
Рыжий Борис 324

Сагаловский Наум 169	Хлебников Олег 270
Самойлов Давид 90	
Слуцкий Борис 87	Цветков Алексей 234
Соколов Владимир 126	
Сосна Алексей 290	Чичибабин Борис 113
Сухарев Дмитрий 141	Чухонцев Олег 199
Тарковский Арсений 44	Шаламов Варлам 36
Твардовский Александр 59	Шефнер Вадим 61
Тряпкин Николай 81	Шпаликов Геннадий 196
	Штейнберг Аркадий 38
Фаликов Илья 220	

Источники цитирования

- Алейников В.*: Литературные манифесты от символизма до наших дней. Сост. С.В. Джимбинов. М., 2000.
- Алешковский Ю.*: Антология бардовской песни. Автор-составитель Р. Шипов. М., 2006.
- Алигер М.*: Московская Муза. XVII-XXI. Антология. Сост. Г. Климова. М., 2004.
- Андреев Д.*: Андреев Д.Л. Собр. соч. в 4-х томах; М., 1996.
- Анищенко М.*: Цитируется по предоставленной рукописи.
- Ахмадулина Б.*: Всемирная библиотека поэзии. Ростов-на-Дону, 1998.
- Ахматова А.*: Ахматова А.А. Собрание соч. в 6 томах. М., 1998.
- Башлачёв А.*: Башлачёв А.Н. Стихи и песни. М., Л., 1988.
- Берязев В.*: Интерпоэзия, 2006 № 5; Сибирские огни, 2008 № 5; Зарубежные записки, 2009 № 17.
- Блаженный В.*: Блаженный В.М. Сораспяты. М., 2009.
- Бродский И.*: Бродский И.А. Назидание. Стихи. Л., 1990; Часть речи. М., 1990.
- Винокуров Е.*: Винокуров Е.М. Стихотворения. М., 1967.
- Вишняков М.*: Сибирские огни, 2008 № 7.
- Вознесенский А.*: Вознесенский А.А. Не отрекусь. Избранная лирика. Минск, 1996.
- Воловик А.*: Воловик А.И. Договоримся о воздухе. М., 2005.
- Воротнин Ю.*: Сибирские огни, 2010 № 5.
- Галич А.*: Галич А.А. Возвращение. Л., 1989.
- Гандлевский С.*: Гандлевский С.М. Праздник. СПб., 1995.
- Горбовский Г.*: Горбовский Г.Я. Окаянная головушка. Избранные стихи 1953-1998. СПб., 1999.
- Городницкий А.*: Поющая душа. Песни ленинградских авторов. 1970-е годы. С-Пб., 2008.
- Григорьев А.*: Цитируется по предоставленной рукописи.

Дудин М.: Дудин М.А. Стихи. М., 1967.
Евтушенко Е.: Евтушенко Е.А. Идут белые снеги. М., 1969; Моё самое-самое. М., 1995.
Евса И.: Новый мир, 2005 № 3; Русская поэзия. 21 век. Антология. Сост. Г. Красников. М., 2010.
Елагин И.: Дальние берега: Антология русского зарубежья. Сост. В. Кудрявцев. Смоленск, 2005.
Еранцев А.: Новые известия от 25.07.2008.
Жигулин А.: Жигулин А.В. Чёрные камни. М., 1989; Полвека боли и любви. М., 2003.
Заболоцкий Н.: Заболоцкий Н.А. Стихотворения и поэмы. М., 1985.
Иванов Г.: Иванов Г.В. Собр. соч. в 3-х томах. М., 1994.
Ивантер А.: Ивантер А.И. Каменная правда. Новосибирск, 2010.
Исаковский М.: Строфы века. Антология русской поэзии. Сост. Е. Евтушенко. Минск, Москва, 1995.
Кабанов А.: Кабанов А.М. Весь. Харьков, 2008.
Кекова С.: Кекова С.В. Плач о дереве жизни. Саратов, 2006.
Кенжеев Б.: Кенжеев Б.Ш. Невидимые. Стихи. М., 2004.
Климова Г.: Климова Г.Д. Север–Юг. М., 2005.
Королёв А.: Новый берег, 2007 № 15.
Кублановский Ю.: Кублановский Ю.М. Дольше календаря. М., 2005.
Кудимова М.: Московская Муза. XVII–XXI. Антология. Сост. Г. Климова. М., 2004; Кудимова М.В. Черёд. Новосибирск, 2011.
Кузнецов Ю.: Кузнецов Ю.П. Крестный путь. М., 2006.
Кушнер А.: Кушнер А.С. Канва. Л., 1981; Избранное. СПб., 1997.
Лавленцев И.: Лавленцев И.В. Смирренная декада. М., 2005.
Лаврин А.: Новый мир, 1995 № 8.
Левитанский Ю.: Левитанский Ю.Д. Когда-нибудь после меня. М., 1998; Сон об уходящем поезде. М., 2000.
Леонович В.: Леонович В.Н. Хозяин и гость: книга стихов. М., 2000.
Леонтьев А.: Знамя, 2004 № 3; Звезда, 2004 № 6.
Лосев Л.: Лосев Л.В. Собранное: Стихи. Проза. Екатеринбург, 2000.
Матусовский М.: Матусовский М.Л. Избранные произведения: В 2 томах. М., 1982.
Межиров А.: Межиров А.П. Тишайший снегопад. М., 1974; 60 лет советской поэзии: Собрание стихов в четырех томах. М., 1977; Русская советская поэзия под ред. Л. Кременцова. Л., 1988.
Минаков С.: Минаков С.А. Невма. Новосибирск, 2011.
Мориц Ю.: Мориц Ю.П. Избранное. М., 1982.
Надеев С.: Надеев С.А. Игры на воздухе. СПб., 1994.
Некипелов В.: Цитируется по предоставленной рукописи.
Новиков Д.: Русская поэзия. XX век. Антология. Под ред. В.А. Кострова. М., 1999.
Окуджава Б.: Песни Булата Окуджавы. Мелодии и тексты песен. Сост. Л.А. Шилов. М., 1989; Окуджава Б.Ш. Избранное. Стихотворения. М., 1989.

- Пастернак Б.:* Пастернак Б.Л. Стихотворения. Поэмы. М., 1998.
- Передреев А.:* Передреев А.К. Стихотворения. М., 1986.
- Петровых М.:* Московская Муза. XVII-XXI. Антология. Сост. Г. Климова. М., 2004.
- Поляков А.:* Поляков А.Г. Для тех, кто спит. М., 2003.
- Пригодич В.:* Василий Пригодич. Ветер в ничто. Стихотворения. С-Пб., 2000.
- Пробатов М.:* Цитируется по предоставленной рукописи.
- Пуханов В.:* Пуханов В. Плоды смоковницы. Екатеринбург, 2003.
- Ратушинская И.:* Ратушинская И.Б. Стихи. Одесса, 1993.
- Ревич А.:* Ревич А.М. Позднее прощание. М., 2010.
- Рейн Е.:* Рейн Е.Б. Избранные стихотворения и поэмы. М., С-Пб., 2001.
- Рубцов Н.:* Рубцов Н.М. Подорожники. М., 1975.
- Русаков Г.:* Дружба народов, 2005 № 8.
- Рыжий Б.:* Рыжий Б.Б. Очерки о названиях и пространствах России и её окрестностей. СПб., 1998; Знамя, 2000 № 9, 2001 № 6; Звезда, 2009 № 9.
- Самойлов Д.:* Самойлов Д.С. Предначертание: Стихи. Баллады. Поэмы. М., 1999.
- Слуцкий Б.:* Слуцкий Б.А. Стихи разных лет. Из неизданного. М., 1988.
- Соколов В.:* Соколов В.Н. Стихотворения. М., 1995.
- Сосна А.:* Цитируется по предоставленной рукописи.
- Сухарев Д.:* Сухарев Д.А. Холмы. Иерусалим, 2001.
- Тарковский А.:* Тарковский А.А. Благословенный свет. СПб, 1993.
- Твардовский А.:* Твардовский А.Т. Стихи разных лет. М., 2009.
- Тряпкин Н.:* Тряпкин Н.И. Летела гагара. 1967; Уж, видно, тот нам выпал жребий... М., 2000; Наш современник, 1998 № 11-12.
- Фаликов И.:* Арион, 2002 № 3; Арион, 2001 № 2.
- Хлебников О.:* Хлебников О.Н. Люди страстной субботы. М., 2010.
- Цветков А.:* Цветков А.П. Дивно молвить. СПб., 2001.
- Чичибабин Б.:* Б. Чичибабин в стихах и прозе. Харьков, 1995.
- Чухонцев О.:* Чухонцев О.Г. Из сих пределов. М., 2008.
- Шаламов В.:* Строфы века. Антология русской поэзии. Сост. Е. Евтушенко. Минск, Москва, 1995.
- Шефнер В.:* Шефнер В.С. Годы и миги: Книга стихов. М., 1986.
- Шпаликов Г.:* Новые известия от 25.02.2011.
- Штейнберг А.:* Штейнберг А.А. К верховьям. Собрание стихов. М., 1997.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От составителей</i>	3
АННА АХМАТОВА	
РЕКВИЕМ	5
«Я над ними склонюсь, как над чашей...»	14
АВГУСТ	15
МУЗА	15
БОРИС ПАСТЕРНАК	
ЗИМНЯЯ НОЧЬ.....	16
ГАМЛЕТ	17
БАБЬЕ ЛЕТО.....	18
АВГУСТ	19
БЕЗ НАЗВАНИЯ	21
ГЕОРГИЙ ИВАНОВ	
«В ветвях олеандровых трель соловья...».....	23
«А что такое вдохновенье...»	23
МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ	
ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ	24
НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ	
МОЖЖЕВЁЛОВЫЙ КУСТ	26
ПРОЩАНИЕ С ДРУЗЬЯМИ.....	27
ЧЕРТОПОЛОХ	28
«Где-то в поле возле Магадана...»	29
ЭТО БЫЛО ДАВНО.....	30
СОН	31
ДАНИИЛ АНДРЕЕВ	
«Ночь горька в уединённом доме...».....	34
ВАРЛАМ ШАЛАМОВ	
«Меня застрелят на границе...».....	36

АРКАДИЙ ШТЕЙНБЕРГ	
КОРОЕДЫ	38
ОТХОДНАЯ	41
АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ	
ЗЕМЛЯ	44
ПОРТНОЙ ИЗ ЛЬВОВА, ПЕРЕЛИЦОВКА И ПОЧИНКА	45
«Мне в чёрный день приснится...»	47
«Мы шли босые, злые...»	49
ИВАНОВА ИВА	49
ПОЭТ	50
ПЕРВЫЕ СВИДАНИЯ	51
«Вот и лето прошло...»	53
«Почему, скажи, сестрица...»	54
МАРИЯ ПЕТРОВЫХ	
«Назначь мне свиданье...»	56
«Ни ахматовской кротости...»	58
АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ	
«В краю, куда их вывезли гуртом...»	59
ВАДИМ ШЕФНЕР	
НА ПЕНСИИ	61
МИХАИЛ МАТУСОВСКИЙ	
«Целую ночь соловей нам насвистывал...»	63
МАРГАРИТА АЛИГЕР	
«Как мужики в калининской приёмной...»	64
МИХАИЛ ДУДИН	
«Январь. Февраль. А после, после...»	65
«Дебаркадер да базар...»	67
АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ	
ПОСЛЕ ВЕЧЕРИНКИ	68
ПСАЛОМ	69
«Я в путь собирался всегда налегке...»	70
ИЗ ПОЭМЫ О СТАЛИНЕ. Аве Мария	71

ИВАН ЕЛАГИН	
ЗВЁЗДЫ	74
АМНИСТИЯ	78
«Отпускаю в дорогу, с Богом...»	79
«Слёз не проливайте надо мною...»	80
НИКОЛАЙ ТРЯПКИН	
ЛЕТЕЛА ГАГАРА.....	81
«Суматошные скрипы раки...»	83
СТАНСЫ.....	84
НЕТ, Я НЕ ВЫШЕЛ ИЗ НАРОДА!	85
«А жизнь прошла. Закончены ристанья...».....	86
БОРИС СЛУЦКИЙ	
ПРОЗАИКИ.....	87
«Покуда над стихами плачут...».....	88
ДАВИД САМОЙЛОВ	
«Мне выпало счастье быть русским поэтом...»	90
«Вот и всё. Смежили очи гении...».....	90
БЛУДНЫЙ СЫН.....	91
СОРОКОВЫЕ	96
«Обратно крути киноленту...»	97
ВЕНИАМИН БЛАЖЕННЫЙ	
«Матушка вострит большой топор...».....	99
«Сколько лет нам, Господь... Век за веком с тобой мы стареем»... ..	100
АЛЕКСАНДР РЕВИЧ	
«Вкус железной воды из колодца...»	101
СТЕПЬ СОРОК ПЕРВОГО ГОДА	101
«В дни горечи, в дни озверенья...»	102
ЯВЛЕНИЕ.....	103
ЧАША	104
«Все мы бредили Блоком в далёкие дни...».....	105
ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ	
«Светлый праздник бездомности...»	106
ДИАЛОГ У НОВОГОДНЕЙ ЁЛКИ.....	107
«Кто-нибудь утром проснётся и ахнет...».....	109

АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ	
«Мы под Колпино скопом стоим...»	110
«Тишайший снегопад...»	111
«Подкова счастья! Что же ты, подкова...»	112
БОРИС ЧИЧИБАБИН	
«Кончусь, останусь жив ли...»	113
«Больная черепаха...»	114
«Ночью черниговской, с гор араратских...»	116
«До гроба страсти не избуду...»	118
БУЛАТ ОКУДЖАВА	
ПЕСЕНКА О СОЛДАТСКИХ САПОГАХ	120
«Неистов и упрям...»	121
ПРОЩАНИЕ С НОВОГОДНЕЙ ЁЛКОЙ	122
«Заезжий музыкант целуется с трубою...»	123
ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ	
МОСКВИЧИ	125
ВЛАДИМИР СОКОЛОВ	
ВЕНОК	126
«Пластинка должна быть хрипящей...»	127
«Нет школ никаких. Только совесть...»	128
ВИКТОР НЕКИПЕЛОВ	
В ПРОГУЛОЧНОМ ДВОРИКЕ	129
ЮЗ АЛЕШКОВСКИЙ	
ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ	132
АНАТОЛИЙ ЖИГУЛИН	
«Соловецкая чайка...»	135
КАЛИНА	136
«О, жизнь моя, не уходи...»	138
«Чёрный ворон, белый снег...»	139
ДМИТРИЙ СУХАРЕВ	
ПАХНЕТ КРАСКОЙ	141
ДВЕ ЖЕНЩИНЫ	141

ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ	
ФОНАРИКИ.....	143
НАРОД.....	144
«Переулки Перми – деревяшки...».....	144
«Пристально на пристани...»	145
АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ	
ПЕСНЯ ВЕЧЕРНЯЯ	146
САГА	146
АЛЕКСАНДР ГОРОДНИЦКИЙ	
НОВОДЕВИЧИЙ МОНАСТЫРЬ.....	148
ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО	
«Окно выходит в белые деревья...»	150
«ЗАЧЕМ ТЫ ТАК?».....	152
«Идут белые снеги...».....	153
КОГДА УБИЛИ ЛОРКУ	156
ЕЛАБУЖСКИЙ ГВОЗДЬ	158
ВЛАДИМИР ЛЕОНОВИЧ	
«В Калязине душном шиповник цветёт...»	160
АНАТОЛИЙ ПЕРЕДРЕЕВ	
РОМАНС	161
«Наедине с печальной елью...».....	162
«Не помню ни счастья, ни горя...».....	163
ЕВГЕНИЙ РЕЙН	
ЗА ПСКОВОМ.....	164
ЭЛЕКТРИЧКА 0.40.....	165
ПРО ВОРОНА.....	165
ПЕТРОГРАДСКАЯ СТОРОНА	166
«Январская теплынь и птах не подморозит...»	167
МОСТ ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДТА.....	167
НАУМ САГАЛОВСКИЙ	
«Ах, эти кони вороные...»	169

АЛЕКСАНДР КУШНЕР	
«Времена не выбирают...»	171
«Придѣшь домой, шурша плащом...»	172
СКВОЗЬ НОЧЬ	173
АЛЕКСЕЙ ЕРАНЦЕВ	
СЛОВО	175
НИКОЛАЙ РУБЦОВ	
В МИНУТЫ МУЗЫКИ	176
ТИХАЯ МОЯ РОДИНА	177
В ГОРНИЦЕ	178
ОТПЛЫТИЕ	179
«Грустные мысли наводит порывистый ветер...»	180
ПОД ВЕТВЯМИ БОЛЬНИЧНЫХ БЕРЕЗ	180
БЕЛЛА АХМАДУЛИНА	
«По улице моей который год...»	182
ЗАКЛИНАНИЕ	183
ВЗОЙТИ НА СЦЕНУ	184
«Бьют часы, возвестившие осень...»	186
ЛЕВ ЛОСЕВ	
НАТЮРМОРТ С ФАМИЛИЯМИ	187
«Спой ещё, Александр Похмелыч...»	188
ЮННА МОРИЦ	
«Когда мы были молодые...»	190
СНЕГОПАД	191
ОСЕННИЙ ЮГ	192
СОЛО НА ТРУБЕ	194
ГЕННАДИЙ ШПАЛИКОВ	
«Городок провинциальный...»	196
ГЕННАДИЙ РУСАКОВ	
«Майн Рид, корсары, прерия, погони...»	197
«В моей стране готовится июль...»	198

ОЛЕГ ЧУХОНЦЕВ	
«Я из тёмной провинции странник...»	199
ДЕЛЬВИГ	200
«Робея, сама прибежала...»	202
«Заплачет иволга и зацветёт жасмин...»	204
«Как торопится жизнь! Не вчера ли...»	204
«А берёзова кукушечка зимой не кукуват...»	205
ИОСИФ БРОДСКИЙ	
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РОМАНС	207
«Ни страны, ни погоста...»	209
СТАНСЫ ГОРОДУ	210
«В деревне Бог живёт не по углам...»	210
ПИСЬМА РИМСКОМУ ДРУГУ	211
ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ	
АТОМНАЯ СКАЗКА	215
«Завижу ли облако в небе высоком...»	216
ДЕРЕВЯННЫЕ БОГИ	216
АЛЕКСАНДР ВОЛОВИК	
БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР	218
ИЛЬЯ ФАЛИКОВ	
«Немецких кладбищ в Казахстане увижу вымытый гранит...»	220
ПАТРИАРШИЕ ПРУДЫ	221
МИХАИЛ ВИШНЯКОВ	
ТОЛЬКО БЫ ДАЛЬ ОТОЗВАЛАСЬ ДАЛЁКАЯ	223
«Русским быть – всегда в горящем танке...»	224
ВЛАДИМИР АЛЕЙНИКОВ	
«Когда в провинции болеют тополя...»	225
МИХАИЛ ПРОБАТОВ	
«Я слушал канон покаянный...»	227
«Колотит ещё моё сильное сердце...»	228
«Тоска высокая, да небо низкое...»	229

ГАЛИНА КЛИМОВА	
«Когда я не была твоей женой...».....	230
ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ	
ТАЙНА.....	231
Из стихотворения ОСЕНЬ-39	232
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ	
«Я мечтал подружиться с совой, но, увы...».....	234
ВАСИЛИЙ ПРИГОДИЧ	
«...И в обморочном зыбком помраченье...»	236
БАХЫТ КЕНЖЕЕВ	
«Не убий, учили, не спи, не лги...».....	238
«После пьянки в смоленской землянке...»	239
МИХАИЛ АНИЩЕНКО	
НЕ ЗА ТО.....	241
НЕБО.....	241
Я ВОДУ НОШУ	242
ШИНЕЛЬ.....	243
«Навалилась усталость...»	244
«И снег, и дождь... Растерзанный причал...».....	245
«Склоняясь над могилами и кровью...»	246
СВЕТЛАНА КЕКОВА	
«Над изгибами рек, над вершинами гор...»	247
«Птицы на площади – словно народное вече...»	248
СЕРГЕЙ ГАНДЛЕВСКИЙ	
«Опасен майский укус гюрзы...».....	250
«Будет всё. Охлаждённая долгим трудом...».....	251
«Чикиликанье галок в осеннем дворе...»	252
«Самосуд неожиданной зрелости...»	253
«Не сменить ли пластинку? Но родина снится опять...».....	255
МАРИНА КУДИМОВА	
«Отвори мне уста, Голубица...».....	256
«Лазарь умирает в лазарете...».....	257

ЗДЕСЬ	258
ИССТУПЛЕНИЕ	259
ИРИНА РАТУШИНСКАЯ	
БУТЫРСКИЕ ВОРОБЬИ	261
«Баба Катя вышла с кошёлкой, с утра пораньше...».....	262
СЕРГЕЙ НАДЕЕВ	
«В январе – мучительно темнеет...»	264
«Известшавшая шинелька...»	265
ЮРИЙ ВОРОТНИН	
«Осень в райских садах...»	267
ПРОСТАЯ ПЕСНЯ.....	268
«Край родной! Прозрей и внемли...»	268
«Вот она, последняя дорога...».....	269
ОЛЕГ ХЛЕБНИКОВ	
«Вымахала крапива выше меня...»	270
В ПОЕЗДЕ	271
«Сгорели в танках мои читатели...»	272
ИРИНА ЕВСА	
«Закоулки в аэропортах понапрасну шерстит ОМОН...»	273
«Бабушка говорит мне: “Всегда одна”...».....	274
«Пропеты вокзальные стансы, и через десяток минут...»	275
АЛЕКСАНДР ЛАВРИН	
САНТА МАРИЯ НОВА	277
ТЕМНОТА	278
«Холод снов, собачий лай...»	279
СТАНИСЛАВ МИНАКОВ	
«и жаль её сильнее прочих...»	280
«солнце встало выше ели...»	281
ИЗ ТРИПТИХА ПО ОТЦУ	282
КАМУШЕК	283
«Обещал, что скажу. Вот теперь говорю: золотой...».....	285

ВЛАДИМИР БЕРЯЗЕВ	
«А станционный смотритель...».....	286
«На веранде дома деревянного...».....	287
«Деревя в объятых снегопада...».....	288
АЛЕКСЕЙ СОСНА	
«просто по-другому не выходит никак...».....	290
АЛЕКСАНДР БАШЛАЧЁВ	
ХОЗЯЙКА.....	292
АЛЕКСЕЙ ИВАНТЕР	
«Если сердце разрезать и вынуть осколок Гаскони...»	294
«Из всех полёгших за Россию в глухие тёмные года...».....	295
«Что-то мама захворала, навалилось через край...».....	296
«Но пахнет кирзой и махоркой...»	296
«Двери хлопают в той коммуналке...»	297
СТАНЦИЯ ПЛЮССА. НОЧНАЯ ПЕХОТА	298
ИГОРЬ ЛАВЛЕНЦЕВ	
«С веток – яблоки, с белых цветов – лепестки...»	299
«Этих глаз потаённый огонь золотой...»	301
НОЙ.....	302
«Одуванчик, крапива, лопух...»...	303
«Ни тоску не лечат, ни тревогу...»	304
АЛЕКСЕЙ КОРОЛЁВ	
ПОЧТОВЫЙ СЛУЖАЩИЙ РОГОЗИН	306
ВИТАЛИЙ ПУХАНОВ	
«Где-то есть ещё русское поле...»	308
«Я сам ничей, но – около пути...».....	309
ДЕНИС НОВИКОВ	
РОССИЯ	310
АЛЕКСАНДР КАБАНОВ	
«Напой мне, Родина, дамасскими губами...»	312
«Облака под землёй – это корни кустов и деревьев...»	312
АККОРДЕОН.....	313

«Над Марсовым полем – звезды керосиновый свет...»	314
«Какое вдохновение – молчать...».....	315

АНДРЕЙ ПОЛЯКОВ

СТИХОТВОРЕНИЕ, ОСТАНОВИВШЕЕ НОЧЬ	316
--	-----

АМИРАМ ГРИГОРОВ

«Куда же ветер, мой хороший...»	318
ВСЁ, ЧТО ЕСТЬ.....	319

АЛЕКСАНДР ЛЕОНТЬЕВ

ЭЛЕКТРИЧКА НА ФРЯЗЕВО	320
ОПЫТ	321
ПЕРЕД СНЕГОМ.....	322

БОРИС РЫЖИЙ

«Так гранит покрывается наледью...»	324
«Если в прошлое, лучше траваем...»	326
«Не покидай меня, когда...»	327
«Над саквояжем в чёрной арке...».....	328

<i>Алфавитный указатель имён.....</i>	<i>329</i>
---------------------------------------	------------

<i>Источники цитирования .....</i>	<i>330</i>
------------------------------------	------------

Заказ Хрестоматии:
<http://sibirogni.ru/>

Учебное издание

ШЕДЕВРЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ.
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 20-ГО ВЕКА

Хрестоматия

10-11 классы

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

ДЛЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Совместное издание:

ОАО «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Фонд «СИБИРСКИЕ ОГНИ»

109028, Москва, Хохловский пер., д. 10, стр. 6

E-mail: sibiropni@yandex.ru

Оформление

Н. Шатъко

Корректор

А. Байкова

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93,
том 2; 95-3005. Сдано в набор 10.07.2011. Подписано в печать 01.09.2011.

Формат 60x90^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Berling Antiqua».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,5 + 0,31 форз. Усл. кр.-отт. 23,43.

Зак. 5056